

ДЖУДИТ МАКНЮТ

РАЙ

Современная серия

Джудит Макнот

Рай

«АСТ»

1991

Макнот Д.

Рай / Д. Макнот — «АСТ», 1991 — (Современная серия)

Одиннадцать лет назад судьба и людское коварство, казалось, навеки разлучили Мэтта Фаррела и Мередит Бенкрофт. И вот теперь обстоятельства вновь свели их. Сумеют ли они вернуть утраченное чувство, навсегда оставить позади прошлое и начать новую жизнь? Сумеют ли найти дорогу сквозь лабиринт интриг и опасностей?

© Макнот Д., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	61
Глава 10	92
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Джудит Макнот

Рай

Judith McNaught

PARADISE

Печатается с разрешения издательства Grand, литературных агентств Curtis Brown LTD и Synopsis.

© Eagle Syndication, Inc., 1991

© Перевод. Т.А. Перцева, 1995

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Все, с кем сводила автора судьба во время работы над романом, знают, что общение со мной требовало от них невероятного терпения, а вернее, сверхъестественной терпимости, способности верить и понимать, что писатель постоянно работает, даже если при этом он полностью отключился и тупо уставился в пространство.

Этот роман посвящен прежде всего моим родным и друзьям, сполна проявившим эти качества, вселившим в меня дух уверенности и безмерно обогатившим мою жизнь.

Моему мужу Дону Смитту, приносящему в мою жизнь покой и новое значение слова «понимание».

Моему сыну Клейтону и дочери Уитни, чья гордость за меня была огромным источником радости. И облегчения.

Всем необыкновенным людям, предложившим мне свою дружбу и вынесшим на плечах бремя этой дружбы, особенно Филлис и Ричарду Эшли, Дебби и Крейгу Кифер, Кэти и Ллойд Стенсберри и Кэти и Полу Уолднер. Нельзя просить у Бога лучшей «команды поддержки», чем вы.

Автор выражает также признательность:

Роберту Хайленду – за все, что он сделал для меня; адвокату Ллойд Стенсберри – за бесконечные консультации по юридическим тонкостям, которых немало в этом романе; потрясающе отзывчивым служащим универмагов по всей стране, которые тратили на меня время и знания и без чьей помощи роман никогда не был бы написан.

Глава 1

Декабрь 1973 года

Усевшись с ногами на широкую постель под балдахином, Мередит Бенкрофт положила рядом альбом и аккуратно вырезала снимок из «Чикаго трибюн». Крупные буквы заголовка сразу бросались в глаза:

«Дети именитых граждан Чикаго в костюмах эльфов участвуют в благотворительном рождественском спектакле в Оклендском Мемориальном госпитале».

Ниже перечислялись имена и помещалось большое фото «эльфов» – пять мальчиков и пять девочек, включая Мередит, вручают подарки пациентам детского отделения. Слева, наблюдая за порядком, стоял красивый молодой человек лет восемнадцати, гордо именовавшийся, если верить газете, «Паркером Рейнолдсом III, сыном мистера и миссис Рейнолдс из Кенилуорта».

Мередит беспристрастно сравнивала себя с остальными девочками в одеяниях эльфов, удивляясь, каким образом все они умудряются выглядеть изящными и грациозными, а она...

– Мешок с мукой! – объявила девочка, болезненно морщась. – Я похожа не на эльфа, а на тролля!

Какая ужасная несправедливость в том, что остальные, которым только исполнилось четырнадцать, всего на несколько несчастных недель старше Мередит, кажутся такими великолепно взрослыми, тогда как она смотрится плоскогрудым троллем со скобками на зубах!

Взгляд девочки снова упал на снимок, и она в который раз пожалела, что внезапный порыв тщеславия заставил ее снять очки – без них Мередит имела малопривлекательную привычку щуриться, совсем как на этой ужасной фотографии.

– Контактные линзы, несомненно, помогли бы, – предположила Мередит.

Она посмотрела на Паркера, и мечтательная улыбка осветила лицо. Девочка порывисто прижала газетную вырезку к груди... то есть к тому месту, где должны были находиться груди, которых не было. Пока. И вероятно, при существующем положении вообще не будет.

Дверь спальни открылась, и Мередит поспешно отдернула от сердца руку с зажатой в ней вырезкой при виде солидной шестидесятилетней экономки, явившейся, чтобы забрать поднос с остатками ужина.

– Вы совсем не притронулись к десерту, – упрекнула миссис Эллис.

– Я и без того толстая, миссис Эллис, – вздохнула Мередит и в доказательство сползла со старинной кровати и подошла к зеркалу над туалетным столиком. – Взгляните на меня, – продолжала она, с видом обвинителя указывая на свое отражение. – Даже талии нет!

– Детский жирок, только и всего. Подрастете – все исчезнет.

– И бедер тоже незаметно. Я выгляжу ходячим шкафом. Неудивительно, что у меня нет друзей...

Миссис Эллис, работавшая у Бенкрофтов меньше года, удивленно подняла брови:

– Нет друзей? Но почему?

Мередит, отчаянно нуждавшаяся в человеке, которому можно было излить душу, призналась:

– Я только притворялась, что в школе все хорошо. На самом деле там ужасно. Я... просто белая ворона и всегда была белой вороной.

– Не может этого быть! Скорее всего с детьми в вашей школе что-то неладно...

– Дело не в них, а во мне, но я собираюсь все исправить. Сажусь на диету и хочу что-нибудь сделать с волосами. Они отвратительно выглядят.

– Вовсе нет, – возразила миссис Эллис, оглядывая доходящие до плеч белокурые волосы Мередит и бирюзовые глаза. – У вас потрясающие глаза и очень красивые волосы. Густые, блестящие и...

– Бесцветные.

– Светлые.

Мередит упрямо уставилась в зеркало, не понимая, что чудовищно преувеличивает собственные, не такие уж безнадежные недостатки.

– И рост у меня почти пять футов семь дюймов! Хорошо еще, что перестала расти, пока не превратилась в гиганта. Но я не совсем безнадежна и поняла это в субботу.

Миссис Эллис недоуменно свела брови:

– Какое же именно событие заставило вас изменить мнение о себе?

– Ничего эпохального, – заверила Мередит.

«Кое-что потрясающее, – подумала она. – Паркер улыбнулся мне во время представления. Принес кока-колу, хотя я даже не просила его об этом. Велел, чтобы я обязательно оставила для него танец на балу у мисс Эппингем в следующую субботу».

Семьдесят пять лет назад семья Паркера основала в Чикаго большой банк, одним из основных вкладчиков которого стала фирма «Бенкрофт энд компани», а дружба между Бенкрофтами и Рейнолдсами длилась уже несколько поколений.

– Отныне все изменится, и не только моя внешность, – счастливо пообещала себе Мередит, продолжая смотреться в зеркало. – И подруга у меня будет! В школу пришла новая девочка, и она еще не знает, что меня никто не любит. Она умная и способная, совсем как я, и позвонила мне сегодня насчет домашнего задания. Подумать только – позвонила мне, и мы долго болтали обо всем на свете.

– Я заметила, что вы никогда не приводите домой школьных друзей, – кивнула миссис Эллис, нервно ломая руки, – но думала, это оттого, что живете так далеко.

– Нет, дело не в этом, – покачала головой Мередит, вновь бросаясь на постель и смущенно разглядывая домашние шлепанцы, точную копию тех, которые носил отец. Невзирая на огромное богатство, он испытывал благоговейное почтение к деньгам, поэтому вся одежда дочери приобреталась лишь в случае крайней необходимости и должна была удовлетворять строжайшим требованиям прочности и добротности. – Просто я неудачница и белая ворона.

– Когда я была маленькой, – неожиданно кивнула миссис Эллис, – мы всегда подсмеивались над отличниками.

– Беда не в отметках, – грустно улыбнулась Мередит, – и не в том, как я выгляжу. Вот это все... – Она широким жестом обвела просторную, обставленную старинной мебелью спальню, похожую на все остальные сорок пять комнат особняка Бенкрофтов. – Все считают меня придурочной, потому что по настоянию отца Фенвик возит меня в школу.

– Ну и что в этом плохого, позвольте спросить?

– Остальные идут туда пешком или приезжают на школьном автобусе.

– И?..

– И не являются туда на «роллс-ройсе» с водителем! – И Мередит почти с завистью добавила: – Их отцы – сантехники и бухгалтеры. Один даже работает в нашем магазине.

Не в силах ничего возразить против логики умозаключений девочки и не желая признаться, что все это чистая правда, миссис Эллис тем не менее сказала:

– Но эта новая девочка в школе... она не находит странным, что Фенвик вас возит?

– Нет, – виновато хмыкнула Мередит, отчего глаза за стеклами очков неожиданно сверкнули, – потому что считает Фенвика моим отцом. Я объяснила, что мой отец работает на богатых людей – владельцев магазина.

– Не может быть!

– Честное слово... И мне ничуть не стыдно! Нужно было с самого начала так и сказать всем в классе, да только врать не хотелось.

– А разве сейчас вы не солгали? – укоризненно вздохнула миссис Эллис.

– Это не совсем ложь, – жалобно проговорила Мерedit. – Отец как-то объяснил, что «Бенкрофт энд компани» – корпорация, а корпорацией на самом деле владеют акционеры. Поэтому как президент компании отец, по крайней мере формально, считается служащим, нанятым акционерами. Понимаете?

– Не очень, – призналась эконожка. – Кто же владеет акциями?

Мерedit смущенно потупилась:

– В основном мы.

Подобные принципы работы «Бенкрофт энд компани» – знаменитого универмага, расположенного в самом центре Чикаго, казались эконожке совершенно непостижимыми, но Мерedit часто выказывала необыкновенное для четырнадцатилетней девочки умение разбираться в бизнесе. Хотя, с внезапным, но безнадежным осуждением отца Мерedit подумала миссис Эллис, что тут сверхъестественного, если человек обращает внимание на собственную дочь лишь для того, чтобы в очередной раз прочесть ей наставление, как лучше управлять магазином. Вероятнее всего, именно Филипа Бенкрофта следует винить за то, что девочка никак не может приспособиться к школьной жизни. Он обращался с дочерью, как со взрослым человеком, и настаивал, чтобы она в любой ситуации разговаривала и вела себя соответственно. В тех редких случаях, когда он принимал друзей, Мерedit доверялась роль хозяйки дома. В результате девочка совершенно непринужденно чувствовала себя среди взрослых, но понятия не имела, о чем говорить со сверстниками.

– Вы правы насчет одного, – продолжала Мерedit. – Я больше не желаю дурачить Лайзу Понтини. Просто подумала, что, если у нее будет время узнать меня получше, она не отвернется от меня, узнав, что на самом деле Фенвик – наш водитель. Она ничего не заподозрила единственно потому, что никого не знает в нашем классе и всегда уходит домой сразу после занятий. У Лайзы семь братьев и сестер, и она должна помогать по дому.

Миссис Эллис неуклюже похлопала Мерedit по руке, пытаясь придумать какие-нибудь ободряющие слова.

– Утро вечера мудренее, – объявила наконец эконожка, прибегая к очередной избитой банальности, в которых привыкла находить утешение, и, захватив поднос, направилась к выходу. Остановившись у самого порога, она обернулась. – И помните, – наставляла она Мерedit натужно-веселым голосом, – будет и на вашей улице праздник.

Девочка не знала, плакать ей или смеяться.

– Спасибо, миссис Эллис, вы мне очень помогли.

И, дождавшись, пока за эконожкой закроется дверь, она медленно подняла альбом. Когда вырезка из «Трибюн» была крепко приклеена к странице, Мерedit долго смотрела на нее, потом осторожно коснулась смеющихся губ Паркера. Мысль о том, как она будет кружиться в его объятиях, заставила ее вздрогнуть от ужаса, смешанного с предвкушением чего-то ослепительного. Сегодня четверг. Вечер у мисс Эппингем послезавтра. Целая вечность ожидания!

Мерedit, вздохнув, перелистала страницы большого альбома. Сначала шли очень старые, пожелтевшие вырезки с выцветшими от времени снимками. Альбом когда-то принадлежал ее матери, Кэролайн, и служил единственным ощутимым доказательством того, что Кэролайн Эдвардс Бенкрофт вообще существовала на свете и жила в этом особняке. Все остальные принадлежащие ей вещи были убраны из дома по приказу Филипа Бенкрофта.

Кэролайн Эдвардс была актрисой, правда, не особого таланта, если верить критикам, но, без сомнения, очаровательной и обаятельной женщиной. Мерedit изучала поблекшие снимки, но не читала записок, потому что знала наизусть каждое слово. Она помнила, что Кэри Грант

проводил мать на церемонию присуждения наград Академии в 1955 году, а Дэвид Найвен считал ее самой ослепительной красавицей в подлунном мире и что Дэвид Селзник приглашал Кэролайн сниматься в одной из своих картин. Мередит помнила также, что мать играла в трех бродвейских мюзиклах, и критики, уничтожающе отзывавшиеся об ее игре, превозносили, однако, стройные ножки и идеальную фигуру. Репортеры светской хроники намекали на страстные романы между Кэролайн и почти всеми героями-любовниками в спектаклях и фильмах. В альбом были вклеены снимки Кэролайн, закутанной в дорогие меха, на вечеринке в Риме, в черном вечернем платье без бретелек – в игорном зале Монте-Карло. На одной фотографии она в узеньком бикини загорает на пляже в Монако, на другой – катается в Гстааде на лыжах в компании олимпийского чемпиона Швеции. Для Мередит было очевидным, что Кэролайн постоянно окружали привлекательные мужчины.

Последняя вырезка была наклеена матерью полгода спустя после поездки в Гстаад. На фотографии Кэролайн в роскошном белом подвенечном платье, смеясь, сбегает вниз по ступенькам собора под руку с Филипом Бенкрофтом под дождем из рисовых зерен. Ведущие светской хроники из кожи вон лезли, чтобы описать свадьбу, ставшую событием сезона. На прием в «Палмер-Хаус» представители прессы не допускались, но тем не менее скрупулезно перечислили всех знаменитых гостей, приглашенных счастливым женихом, – от Вандербильдов и Уитни до судей Верховного суда и четырех американских сенаторов.

Супружеская жизнь длилась два года – достаточно долго, чтобы Кэролайн успела забеременеть, родить девочку, броситься в объятия подозрительной личности – тренера по конному спорту – и сбежать в Европу с поддельным итальянским графом, гостившим к тому же в доме Бенкрофтов.

Больше Мередит почти ничего не знала, если не считать того, что мать ни разу не удосужилась послать ей письмо, не говоря уже о поздравительной открытке на день рождения. Отец Мередит, придававший огромное значение достоинству, как, впрочем, и другим старомодным ценностям, считал ее мать эгоистичной потаскухой, не имеющей ни малейшего представления о супружеской верности и материнском долге. Когда Мередит исполнился год, Филип подал на развод и обратился в суд с заявлением о получении опеки над дочерью, готовый пустить в ход все немалое политическое и финансовое влияние Бенкрофтов, чтобы добиться своего и лишить Кэролайн родительских прав. Правда, особых усилий не понадобилось. Если верить словам Филипа, мать даже не явилась на судебное заседание и, уж конечно, не пыталась вступить в бой с бывшим мужем.

Выиграв иск, Филип решил сделать все, чтобы дочь не пошла по стопам матери. Он был полон решимости добиться, чтобы Мередит заняла подобающее место в длинном ряду исполненных достоинства женщин, носивших фамилию Бенкрофт и проживших примерную жизнь, посвященную добрым делам и благотворительности, подобающую их положению, чьи репутации никогда не затронула и тень скандала.

Когда Мередит настало время идти в школу, Филип, к собственному раздражению, обнаружил, что принципы поведения даже в его обществе стали значительно менее строгими. Многие из его знакомых более благодушно смотрели на поведение своих детей и даже посылали своих отпрысков в такие прогрессивные школы, как Бентли и Ривервью. Посетив эти школы, Филип услышал странные для себя фразы: «занятия без домашних заданий» и «самовыражение». Столь прогрессивное обучение казалось ему обыкновенной распущенностью и говорило лишь о весьма невысоких стандартах. Филип не пожелал и слышать ни о чем подобном и записал дочь в закрытую католическую школу Святого Стефана, управляемую монахинями-бенедиктинками, ту самую школу, которую в свое время посещали его мать и тетя.

В этой школе ему нравилось все. Тридцать четыре первоклассницы в скромных серо-голубых джемперах в клеточку и десять мальчиков в белых сорочках и голубых галстуках

почтительно встали, как только Филип в сопровождении монахини вошел в комнату. Сорок четыре юных голоса пропели хором:

– Доброе утро, сестра!

Кроме того, обучение здесь до сих пор велось академическими методами в отличие от Бентли, где Филип своими глазами видел, как некоторые дети рисовали, окуная пальцы в гуашь, а остальные, те, кто хотел заниматься, трудились над математическими заданиями. Кроме того, здесь Мередит впитает и строгие правила морали.

Отец не закрывал глаза на то, что теперь в домах по соседству со школой Святого Стефана живут люди более скромного положения, чем в былые времена, но был одержим желанием, чтобы дочь воспитывалась так же, как порядочные женщины трех поколений Бенкрофтов, посещавшие эту школу. Пришлось решить проблему неподходящего окружения, приказав водителю каждое утро отвозить Мередит в школу.

Единственное, чего не удавалось понять Филипу, – то, что мальчики и девочки, посещавшие школу, совсем не были, как раньше, добродетельными маленькими созданиями. Обычные ребятишки из семей среднего достатка и даже совсем бедных, они вместе играли, вместе ходили в школу и все как один подозрительно относились к отпрыскам более состоятельных семей.

Мередит тоже не сознавала этого, когда переступила порог первого класса. Одета в аккуратную серо-голубую клетчатую форму и сжимая новую корзинку с завтраком, она буквально тряслась от нервного возбуждения, как любая шестилетняя девочка, перед встречей с целым классом незнакомых детей, но совсем не чувствовала страха. Проведя почти всю жизнь в относительном одиночестве, если не считать отца и слуг в качестве компаньонов, девочка нетерпеливо предвкушала, что теперь у нее наконец появятся друзья.

Первый день прошел довольно спокойно, но дела неожиданно обернулись куда хуже, когда после уроков ученики высыпали на площадку для игр и автостоянку. На площадке Мередит уже поджидал стоящий у «роллс-ройса» Фенвик в черной шоферской униформе. Остальные дети замерли, глядя на нее с раскрытыми ртами, и тут же определили, что новая ученица богата, а следовательно, «не такая».

Этого было достаточно, чтобы отнестись к ней настороженно и держаться на расстоянии, но к концу недели одноклассники подметили кое-что еще: Мередит Бенкрофт рассуждала как взрослая, не знала ни одной игры, в которые они играли на переменах, а если и присоединялась к ним, то выглядела ужасно неуклюжей. Хуже всего, что не прошло и нескольких дней, как природный ум и сообразительность позволили девочке стать любимицей учительницы.

Мередит осудили и заклеили как чужачку, существо из иного, враждебного, мира, с которым лучше не общаться. Возможно, если бы девочка оказалась достаточно хорошенькой, чтобы вызвать восхищение, это со временем помогло бы ей стать «своей», но красотой она не отличалась. В девять лет она появилась в школе с очками на носу, в двенадцать – со скобками на зубах, в тринадцать считалась самой высокой девочкой в классе. Так проходили унылые одинокие годы.

Мередит уже отчаялась завести настоящую подругу, как вдруг все изменилось. В восьмой класс пришла Лайза Понтини. На дюйм выше Мередит, Лайза двигалась с грацией прославленной фотомодели и отвечала на сложные вопросы по алгебре, словно пресыщенный званиями ученый. В тот полдень Мередит сидела на низком каменном заборе, идущем по периметру школы, как в любой другой день, и ела завтрак в одиночестве, раскрыв книгу на коленях. Она начала читать просто затем, чтобы скоротать время и хотя бы немного приглушить тягостное чувство одиночества и оторванности от класса, но через несколько лет стала настоящим книжным червем.

Она уже хотела перевернуть страницу, когда в поле зрения возникла пара обшарпанных полубоотинок. Мередит подняла глаза. Лайза Понтини с любопытством взирала на нее. Розо-

вощекая, с непокорной гривой рыжевато-каштановых волос, Лайза была полной противоположностью Мередит; более того, она излучала неуловимую атмосферу дерзкой уверенности в себе, придававшей ей то, что журнал «Семнадцатилетние» называл рисовкой. Вместо того чтобы скромно накинуть на плечи серый школьный свитер, как это сделала Мередит, Лайза небрежно завязала рукава над грудью.

– Господи, ну и скучища же, – объявила она, плюхнувшись рядом с Мередит и оглядывая школьный двор. – Никогда в жизни не видела столько парней-коротышек! Должно быть, в фонтанчики с питьевой водой подбавляют что-то замедляющее их рост. Какая у тебя средняя оценка?

Отметки в школе выражались в процентах с точностью до одной десятой.

– 97,8, – ответила Мередит, немного ошеломленная словесным градом и непонятым дружелюбием.

– А моя – 98,1, – объявила Лайза.

И тут Мередит заметила, что уши новой знакомой проколоты. В школе запрещалось носить серьги и красить губы. Лайза, в свою очередь, разглядывала Мередит и с недоуменной улыбкой без обиняков осведомилась:

– Ты одиночка по характеру или что-то вроде парии?

– Никогда не думала об этом, – солгала Мередит.

– Сколько еще тебе осталось носить скобки?

– Ровно год, – пробормотала Мередит, решив, что Лайза совершенно ей не нравится. Она закрыла книгу и встала, радуясь, что звонок вот-вот прозвенит.

В этот день, как обычно в последнюю пятницу каждого месяца, ученики выстроились в церкви на исповедь. Чувствуя себя, как всегда, позорной грешницей, Мередит встала на колени в исповедальне и призналась отцу Викерсу во всех омерзительных деяниях, включая такие, как нелюбовь к сестре Мэри Лоренс и пустая трата времени из-за размышлений о собственной внешности. Закончив, она придержала дверь для следующего в очереди, а сама, встав на колени в проходе, произнесла наложенные в качестве епитимьи молитвы. Поскольку школьникам после этого было позволено отправляться домой, Мередит решила подождать Фенвика и вышла из церкви. Несколько минут спустя по ступенькам сбежала Лайза, на ходу натягивая жакет. Все еще терзаясь из-за мучительно-правдивых слов Лайзы, Мередит настороженно наблюдала, как новенькая, оглядевшись, не спеша подходит к ней.

– Просто не поверишь, – провозгласила Лайза, – этот Викерс велел прочитать по одной молитве на каждую бусину четки, и всего-навсего за то, что немного пообжималась с парнем! Представляю, какую епитимью он наложит за французский поцелуй! – добавила она с дерзкой ухмылкой, садясь на ступеньку рядом с Мередит.

Той раньше и в голову не приходило, что национальность может иметь какое-то отношение к способу целоваться, но из замечания Лайзы невольно напрашивалось заключение, что, каким бы образом это ни проделывали во Франции, священники явно не желали, чтобы ученики школы Святого Стефана занимались подобными вещами. Пытаясь выглядеть искушенной и умудренной жизнью, она кивнула:

– За подобные вещи отец Викерс заставит тебя подметать церковь.

Лайза хихикнула, с любопытством изучая Мередит:

– А у твоего дружка тоже скобки на зубах?

Мередит, подумав о Паркере, покачала головой.

– Здорово, – объявила Лайза, заразительно улыбаясь. – Я всегда гадала, как могут двое людей со скобками целоваться и при этом не зацепиться друг за друга. Моего дружка зовут Марио Кампано. Он высокий, красивый и смуглый. А твоего? И какой он?

Мередит посмотрела в сторону улицы, надеясь, что Фенвик не вспомнит, какой сегодня день. И хотя тема разговора была довольно щекотливой, но Лайза Понтини почему-то недо-

лимо притягивала Мередит, и она почувствовала, что новенькая искренне хочет с ней подружиться.

– Ему восемнадцать, – откровенно объяснила Мередит, – и он похож на Роберта Редфорда. Его зовут Паркер.

– А фамилия?

– Рейнолдс.

– Паркер Рейнолдс, – повторила Лайза, сморщив носик. – Похоже на светского сноба. Он хорош в *этом*?

– В чем?

– Здорово целуется?

– О... ну... да. Совершенно фантастически.

Лайза издевательски прищурилась:

– Да ты с ним в жизни не целовалась. Краснеешь, когда врешь.

Мередит резко вскочила.

– Послушай, – рассерженно начала она, – я не просила тебя подходить и...

– Эй, не стоит из-за этого лезть в бутылку. Целоваться вовсе не так уж приятно. То есть когда Марио впервые поцеловал меня... не поверишь, мне в жизни не было так неловко.

Гнев Мередит мгновенно испарился, как только она поняла, что Лайза готова честно признаться в собственных недостатках. Девочка села рядом с новенькой.

– Ты смутилась, потому что он поцеловал тебя?

– Нет, просто я нечаянно оперлась о входную дверь и нажала плечом звонок. Отец открыл дверь, я рухнула в его объятия, пока Марио что было сил цеплялся за меня. Мы трое свалились на пол, и нас целую вечность не могли распутать.

Радостный вопль Мередит немедленно стих при виде «роллс-ройса», заворачивающего за угол.

– Это... это за мной, – пробормотала она.

Лайза подняла глаза и охнула:

– Иисусе, да ведь это «роллс»!

Сконфуженно кивнув, Мередит пожала плечами и собрала книги:

– Мы живем далеко отсюда, и отец не хочет, чтобы я ездила автобусом.

– Значит, твой па – водитель? – кивнула Лайза, направляясь вместе с Мередит к машине. – Должно быть, здорово кататься в таком автомобиле и делать вид, что богата. – И, не дав Мередит ответить, продолжала: – Мой отец – слесарь-водопроводчик. Сейчас его профсоюз объявил забастовку, поэтому мы переехали сюда, где квартиры дешевле. Ну знаешь, как это бывает.

Мередит не имела ни малейшего представления о том, «как это бывает», но из гневных тирад отца знала, какое воздействие профсоюзы и забастовки оказывают на подобных Бенкрофту деловых людей. Но, услышав мрачный вздох Лайзы, девочка сочувственно кивнула:

– Должно быть, туго вам приходится. Хочешь, подвезу домой?

– Неужели! Нет, постой, не может это подождать до следующей недели? У меня семеро братьев и сестер, и у ма вечно находится тысяча дел. Я уж лучше поболтаюсь тут немного, а потом пойду домой в обычное время.

Это было неделю назад, и робкая дружба, родившаяся в тот день, расцвела и окрепла, подкрепляемая смехом, разделенными секретами и взаимными признаниями. И теперь, глядя на портрет Паркера и думая о танцах в субботу, Мередит решила завтра же попросить у Лайзы совета. Она все знала насчет мод и причесок. Может, Лайза предложит что-нибудь, что сделает Мередит более привлекательной для Паркера.

На следующий день, когда девочки принялись за завтрак, Мередит приступила к осуществлению своего плана:

– Скажи, могу я сделать что-нибудь со своим лицом, кроме пластической операции, конечно, чтобы понравиться Паркеру?

Прежде чем ответить, Лайза долго, внимательно изучала подругу:

– Эти очки и скобки, конечно, вряд ли могут возбудить страсть, сама понимаешь, – пошутила она наконец. – Сними очки и встань.

Мерedit молча подчинилась и, чуть поеживаясь, огорченно ожидала, пока Лайза медленно обходила ее, продолжая оглядывать.

– Ты как будто из кожи вон лезешь, чтобы выглядеть дурнушкой, – заключила она. – И это при таких потрясающих глазах и волосах! Чуть-чуть косметики, никаких очков, другая прическа – и, вполне возможно, Паркер посмотрит на тебя повнимательнее завтра вечером.

– Ты в самом деле так думаешь? – выдохнула Мерedit, не спуская с подруги широко раскрытых глаз.

– Я сказала «возможно», – с безжалостной искренностью поправила Лайза. – Он старше тебя, так что твой возраст – недостаток. Кстати, какой у тебя ответ в контрольной по математике?

За последнюю неделю Мерedit уже привыкла к мгновенным переходам Лайзы от одной темы к другой. Она, похоже, была слишком умна, чтобы надолго сосредоточиться на чем-то одном. Мерedit назвала цифру, и Лайза кивнула.

– У меня тот же. С такими мозгами, как у нас, – пошутила она, – очевидно, что другого просто быть не может. Знаешь, в этой занудной школе все считают, что «роллс» принадлежит твоему папаше.

– Я никогда не уверяла их в обратном, – честно призналась Мерedit.

Лайза впилась зубами в яблоко и кивнула:

– С какой радости? Если они настолько глупы, что считают, будто богатая девчонка может ходить в такую школу, я, возможно, тоже позволила бы им так думать.

Сегодня, как и всю неделю, Лайза снова с готовностью уселась в машину, поскольку Фенвик, хотя и неохотно, согласился отвезти домой и ее. Когда «роллс» остановился перед выкрашенным в коричневую краску бунгало, где жило семейство Понтини, Мерedit жадно впитывала взглядом обычную суматоху на переднем дворе: всюду бегают малыши, валяются игрушки, стоит непрерывный крик. Мать Лайзы, как всегда, в огромном фартуке, стояла на крыльце.

– Лайза, – окликнула она с сильным итальянским акцентом, – Марио звонит. Хочет поговорить с тобой. Привет, Мерedit, – добавила она, помахав рукой, – оставайся как-нибудь на ужин. И переночуешь у нас, чтобы отцу не приходилось заезжать за тобой так поздно.

– Спасибо, миссис Понтини, – отозвалась Мерedit, в свою очередь, помахав рукой, – обязательно.

Все было именно так, как много лет мечтала Мерedit: наконец-то у нее есть подруга, с которой можно делиться всем и даже получить приглашение погостить, и девочка была вне себя от радости.

Лайза захлопнула дверцу машины и сунула голову в окошко.

– Твоя мама сказала, что Марио у телефона, – напомнила Мерedit.

– Невредно заставлять парня подождать, – пояснила Лайза, – пусть немного поволнуется. Только не забудь позвонить мне в воскресенье и рассказать, как все было с Паркером. Жаль, что я не смогу причесать тебя перед танцами.

– Жаль, – согласилась Мерedit, хотя знала, что, если Лайза попадет к ней домой, обман тут же раскроется. Каждый день она давала себе слово признаться во всем и каждый день не решалась, убеждая себя, что чем лучше Лайза узнает, какова Мерedit на самом деле, тем меньше для нее будет значить, богат или беден ее отец.

– Если бы ты пришла завтра, могла бы провести у нас ночь. Пока я буду на танцах, сделаешь уроки, а потом я вернусь и расскажу, как все было.

– Но я не могу. Завтра вечером иду на свидание с Марио.

Мерedit была потрясена тем, что родители Лайзы позволяют четырнадцатилетней дочери встречаться с мальчиком. Но Лайза только рассмеялась и сказала, что Марио не посмеет распустить руки, поскольку знает, какую веселую жизнь ее отец и дядя устроят ему в этом случае.

Выпрямившись, Лайза сказала на прощание:

– Только помни, что я тебе говорила, хорошо? Флиртуй с Паркером, смотри ему в глаза, нежно улыбайся. И зачеши волосы наверх, чтобы выглядеть старше и утонченнее.

Всю дорогу домой Мерedit пыталась представить себя флиртующей с Паркером. После-завтра его день рождения – она еще год назад узнала об этом и запомнила... и именно тогда впервые поняла, что влюбилась в него. На прошлой неделе она провела в аптеке¹ целый час, пытаясь найти подходящую поздравительную открытку, но те, которые выражали ее действительные чувства, были весьма несдержанные или слишком сентиментальные. И какой бы наивной ни была девушка, все-таки сумела сообразить, что Паркер едва ли обрадуется открытке с надписью: «Моей настоящей и единственной любви...»

Пришлось, хотя и с сожалением, довольствоваться открыткой, где было затейливо выведено: «Поздравляю дорогого друга с днем рождения».

Мерedit откинула голову и закрыла глаза, мечтательно улыбаясь, представляя себя великолепной моделью, изрекающей остроумные меткие фразы, и Паркера, который с восторгом ловит каждое слово.

¹ В американских аптеках, кроме лекарств, продаются вода, мороженое, бытовые и хозяйственные товары. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 2

Мерedit с упавшим сердцем всматривалась в свое отражение в зеркале. Миссис Эллис стояла сзади, одобрительно покачивая головой. Когда на прошлой неделе Мерedit с экономкой покупали платье, его цвет имел как бы мягкий оттенок мерцающего топаза. Сегодня же оказалось, что это просто коричневый бархат с металлическим отливом, а туфли, специально выкрашенные в тон, имели солидный старушечий вид, особенно из-за низких, толстых каблучков. Вкус миссис Эллис был чересчур практичным, а кроме того, отец строго-настрого приказал им выбрать платье, «подходящее для молодой девушки возраста и воспитания Мерedit». Из магазина на одобрение Филипа прислали три платья, и это оказалось единственным, которое, по его мнению, не было слишком открытым или слишком прозрачным.

Волосы – вот что не приводило Мерedit в отчаяние. Обычно она делала сбоку пробор и закалывала их над ухом, но Лайза сумела убедить подругу, что для сегодняшнего вечера необходима новая, более изысканная, прическа. Сегодня она попросила миссис Эллис поднять волосы наверх и уложить локоны короной, так, чтобы крошечные завитки спадали на уши. Мерedit казалось, что она выглядит прекрасно.

– Мерedit, – начал отец, по обыкновению, ворвавшись в комнату с пачкой билетов в оперу, – Паркеру Рейнолдсу понадобилось два лишних билета на «Риголетто», и я сказал, что он может воспользоваться нашими. Не отдашь ли их молодому Паркеру, когда... – Он наконец поднял глаза на дочь и осекся: – Что это ты сотворила со своими волосами?!

– Подумала, что, может быть, лучше сделать сегодня другую прическу.

– Я предпочитаю твою обычную, Мерedit.

И, наградив миссис Эллис разъяренным взглядом, объявил:

– Когда вы поступали ко мне на службу, мадам, мы, кажется, договорились, что, кроме выполнения обязанностей экономки, вы станете также давать моей дочери советы, как вести себя подобающим образом. Эта прическа – ваша идея или?..

– Это я попросила миссис Эллис помочь мне уложить волосы именно так, папа, – вмешалась Мерedit, видя, что миссис Эллис побледнела и вздрогнула.

– В таком случае стоило спросить ее мнения, вместо того чтобы просто приказывать!

– Да, конечно, – кивнула Мерedit. Она и помыслить не могла о том, чтобы намеренно разозлить или, еще хуже, разочаровать отца. Он заставлял дочь чувствовать себя виноватой в неудачах дня, если по ее вине у него портилось настроение.

– Ну что ж, ничего страшного, – решил наконец Филип, видя, что дочь искренне раскаивается. – Миссис Эллис сможет перед уходом расчесать тебе волосы. Я принес тебе кое-что, дорогая, – добавил он, вынимая из кармана длинный темно-зеленый бархатный футляр. – Ожерелье. Можешь надеть его сегодня – оно очень пойдет к твоему наряду.

Мерedit нетерпеливо ждала, пока отец пытался открыть замочек. Конечно, это золотой кулон или даже...

– Это жемчуг твоей бабушки Бенкрофт, – объявил наконец Филип, и Мерedit потребовались нечеловеческие усилия, чтобы скрыть разочарование, когда отец извлек из футляра длинную жемчужную нить.

– Повернись, я сам его застегну.

Двадцать минут спустя Мерedit снова стояла перед зеркалом, безуспешно пытаясь убедить себя, что она неплохо выглядит. Волосы снова свисали с плеч прямыми девчоночьими прядями, но последней каплей оказался жемчуг. Ее бабка носила ожерелье почти не снимая, и, по правде говоря, оно было на ней даже в минуту смерти. И теперь жемчуг свинцовым грузом лег на грудь Мерedit.

– Прошу прощения, мисс.

Знакомый голос дворецкого заставил девочку поспешно обернуться.

– Внизу стоит некая мисс Понтини и утверждает, что она ваша школьная подруга.

Осознав, что правда наконец вышла наружу, Мередит бессильно опустила на кровать, отчаянно пытаясь найти выход и прекрасно понимая, что попала в собственную ловушку.

– Пожалуйста, позовите ее.

Через несколько минут появилась Лайза, ступая так осторожно, словно попала на незнакомую планету.

– Я пыталась дозвониться, но телефон был занят целый час, поэтому рискнула приехать.

Остановившись посреди спальни, она принялась внимательно изучать обстановку:

– Кстати, кому принадлежит эта куча булыжников?

В любое другое время столь неуместное сравнение заставило бы Мередит рассмеяться. Теперь же она смогла лишь тихо, напряженно сказать:

– Моему отцу.

Лицо Лайзы застыло.

– Я так и подумала, особенно когда мужчина, открывший дверь, назвал тебя «мисс Мередит» таким голосом, каким отец Викерс говорит «Благословенная Дева Мария, Матерь Божья».

И, повернувшись, Лайза устремилась к двери.

– Лайза, подожди, – умоляюще попросила Мередит.

– Ты, должно быть, неплохо повеселилась за мой счет, – язвительно бросила Лайза, круто разворачиваясь. – Потрясающий день! Сначала Марио приглашает на прогулку и пытается сорвать с меня одежду, а когда я прихожу в дом к подруге, обнаруживаю, что она все это время делала из меня дурачку.

– Вовсе нет! – воскликнула Мередит. – Я позволила тебе думать, что Фенвик, наш водитель, – мой отец, только потому, что боялась дня, когда правда выплывет наружу.

– Ну да, конечно, еще бы! – с пренебрежительным недоверием отмахнулась Лайза. – Богатая маленькая крошка ужасно нуждается в подруге, такой нищенке, как я. Готова поклясться, ты и твои богатые дружки смеялись над тем, как ма умоляет тебя поужинать с нами, предлагает спагетти, и...

– Прекрати! – вскрикнула Мередит. – Ты не понимаешь! Мне нравятся твои родители, и я очень нуждаюсь в твоей дружбе. У тебя братья и сестры, тети и дядя и все то, что я всегда хотела иметь. Почему ты думаешь, что если я живу в этом дурацком доме, значит, все великолепно и чудесно? Посмотри, как он подействовал на тебя! Один взгляд – и ты не желаешь иметь со мной ничего общего. И так было в школе, сколько я себя помню. И, к твоему сведению, я люблю спагетти! И такие дома, как у тебя, там, где люди смеются, и кричат, и шутят!

Мередит осеклась, видя, как гнев на лице Лайзы сменился саркастической улыбкой:

– Так, значит, тебе нравится шум?

– Наверное, – слабо улыбнулась Мередит.

– А как насчет твоих богатых приятелей?

– У меня их нет. То есть, конечно, я знаю многих своих ровесников и даже вижусь с ними иногда, но все они ходят в другие школы и дружат много лет. Я для них чужая... посторонняя.

– Почему отец послал тебя в школу Святого Стефана?

– Он думает, что это прекрасно воспитывает характер. Моя бабка и его сестра туда ходили.

– Похоже, твой отец не в себе.

– Наверное, зато у него благие намерения.

Лайза пожала плечами и намеренно бесцеремонно бросила:

– В таком случае он ведет себя как большинство отцов.

Это прозвучало слабым намеком на примирение, нерешительным подтверждением общности, роднившей подруг, и в комнате воцарилось молчание. Разделенные огромной кроватью

в стиле Людовика Четырнадцатого и почти непреодолимой классовой пропастью, эти необычайно способные и обладающие блестящим умом девочки наконец-то осознали всю степень различия между ними и сейчас взирали друг на друга со смесью угасающей надежды и настояренности.

– Наверное, мне лучше уйти, – выговорила наконец Лайза.

Мерedit тоскливо оглядела нейлоновый рюкзак, который принесла с собой Лайза с очевидным намерением переночевать у подруги, подняла руку в немой мольбе, но тут же опустила, поняв, что всякие просьбы бесполезны.

– Мне тоже скоро пора уезжать, – сказала она вместо этого.

– Желаю... хорошо провести время.

– Фенвик может подвезти тебя домой после того, как высадит меня у отеля.

– Я могу дождаться автобуса... – начала было Лайза, но в этот момент впервые по-настоящему обратила внимание на платье Мерedit и в ужасе осеклась: – Кто... кто выбирает тебе одежду? Неужели ты в самом деле собираешься надеть это сегодня?

– Да. Не нравится?

– Ты хочешь знать правду?

– Не очень.

– Ну а как бы ты сама отозвалась об этом платье?

Мерedit расстроенно вздохнула:

– Слово «безобразное» что-то значит для тебя?

Закусив губу, чтобы скрыть смех, Лайза подняла брови:

– Если ты знала, что оно уродливое, почему купила?

– Отец посчитал его самым подходящим.

– У твоего отца вшивый вкус.

– Ты не должна говорить таких слов, как «вшивый», – тихо поправила Мерedit, понимая, что Лайза совершенно права и платье действительно уродливое. – Они выставляют тебя грубой и бесчувственной, а ведь это неправда. Конечно, я не умею одеваться, укладывать волосы, зато точно знаю, как нужно правильно говорить.

Лайза смотрела на нее с открытым ртом, и в это мгновение что-то неувовимо изменилось: родилось, возникло пока еще такое робкое родство столь несхожих между собой душ, неожиданно понявших, как много они могут дать друг другу. Медленная улыбка зажгла карие глаза Лайзы. Склонив голову набок, она придирчиво осмотрела платье Мерedit.

– Оттяни плечи немного вниз, посмотрим, может, станет лучше, – неожиданно велела она.

Мерedit расплылась в дружеской улыбке и немедленно подчинилась.

– И прическа у тебя черт-те какая... вши... ужасная, – быстро поправилась Лайза и, оглядевшись, показала на букет искусственных цветов на комод: – Цветок в волосах или за поясом сразу привлечет внимание к твоим глазам.

Мерedit с безошибочным инстинктом многих поколений Бенкрофтов мгновенно почувствовала, что победа близка и сейчас самое время воспользоваться достигнутым:

– Ты проведешь здесь ночь? Я вернусь часам к одиннадцати, и никому не будет дела, когда мы ляжем спать, хоть на рассвете!

Лайза, колебавшись, кивнула:

– Так и быть.

И, снова оглядев Мерedit, поинтересовалась:

– Почему ты выбрала туфли на таких некрасивых низких каблуках?

– По крайней мере я не выгляжу такой высокой.

– Да высокие сейчас самый писк моды, глупышка! И эти жемчуга... Ты должна их носить?

– Так хотел отец.

– Но ты могла бы их снять в машине, верно?

– Он ужасно рассердится, если узнает.

– Ну я-то уж, во всяком случае, ему не проболтаюсь. И даже одолжу тебе губную помаду, – пообещала Лайза, поспешно роясь в сумочке. – Как насчет очков? Ты обязательно должна нацепить их?

– Только если хочу что-то увидеть, – заверила Мередит, давась смешком.

Сорок пять минут спустя она вышла из дома. Лайза говорила, что обладает талантом украшать все – от людей до комнат, и теперь Мередит ей поверила. Шелковый цветок, приколотый за ухом, позволил девочке почувствовать себя более элегантной. Легкий слой румян оживил лицо, а помада, хотя и была, по словам Лайзы, слишком яркая для блондинок, придавала девочке более взрослый и утонченный вид. Ощувив небывалый прилив уверенности в себе, Мередит обернулась, помахала стоящим в дверях Лайзе и миссис Эллис и улыбнулась подруге:

– Если хочешь, можешь, пока меня не будет, заново обставить мою спальню, я не стану возражать.

Лайза залихватски выбросила вперед большие пальцы рук:

– Не заставляй Паркера ждать.

Глава 3

Декабрь 1973 года

Бешеный, с каждым мгновением усиливающийся стук сердца заглушал звон колоколов, звучащих в мозгу Мэтта Фаррела, упоенно вонзавшегося в требовательное, жадное тело Лоры, поглощенной безумной скачкой. На этот раз она была сверху, с каждым движением бедер втягивая его в себя все глубже, буйная, неистовая, ненасытная... почти на грани ослепительного экстаза.

...Колокола гремели в странном ритме. Не мелодичный звон церковных колоколов в центре города, не тревожный зов пожарной сирены...

– Эй, Фаррел, ты там?

Он определенно был «там». Там, где надо. В ней, и казалось, вот-вот взорвется.

Колокола.

– Черт побери, Фаррел...

Колокола.

– Где, дьявол тебя возьми...

Колокола.

– ...ты шляешься?

Наконец в его воспаленной голове забрезжила догадка: там, снаружи, у бензоколонок, кто-то выкрикивает его имя и при этом прыгает на шланге, который надсадно позванивает в конторе станции техобслуживания.

Лора мгновенно замерла, тихо вскрикнув:

– О Боже, там кто-то есть!

Слишком поздно. Он не мог и не хотел остановиться. Кроме того, Мэтт с самого начала не желал встречаться здесь с Лорой, но та настаивала, и умоляла, и соблазняла, и теперь его тело не повиновалось предостережению об опасности вторжения нежелательного свидетеля. Вцепившись в округлые ягодицы Лоры, он с силой рванул ее вниз, на себя, врезался в податливые глубины в последний раз и обмяк. Еще мгновение блаженного отдыха, и Мэтт откатился, сел, мягко, но поспешно оттолкнув ее. Лора уже опускала юбку и одергивала свитер. Мэтт толкнул ее за штабель новых покрышек и встал как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и на пороге, хмуро, подозрительно оглядываясь, появился Оуэн Кинан:

– Какого дьявола тут творится, Мэтт? Я глотку надорвал, а тебя не дозовешься!

– Небольшой перерыв, – отозвался Мэтт, приглаживая волосы, взлохмаченные Лорой в порыве страсти. – Чего тебе?

– Твой па напился в дымину в баре у Максины. Туда уже отправился шериф. Если не хочешь, чтобы он провел ночь в «обезьяннике», лучше поспеши.

После ухода Оуэна Мэтт поднял с пола пальто Лоры, на котором они лежали всего несколько минут назад, отряхнул его и помог ей одеться. Он знал, что Лора попросила подругу высадить ее здесь, а это означало, что теперь любовницу нужно отсюда увезти.

– Где ты оставила машину? – спросил он.

Лора объяснила, куда нужно ехать. Мэтт кивнул:

– Сейчас отвезу тебя, прежде чем отправиться на спасение папаши.

Они ехали по Мейн-стрит, главной улице, и на перекрестках сверкали рождественские огни, расцвечивая яркими красками летящие снежинки. В северном конце города красный

пластмассовый венок висел над дорожным указателем с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭДМУНТОН, ШТАТ ИНДИАНА, НАСЕЛЕНИЕ 38 124 ЧЕЛОВЕКА».

Из громкоговорителя на крыше «Элк-клуба» неслась громкая мелодия «Тихой ночи», беспорядочно перемешиваясь с не менее оглушительными звуками «Звените, колокольчики», исходившими из пластиковых санок на крыше скобяной лавки Хортон.

Тихо, медленно падающий снег и рождественская иллюминация творили чудеса с Эдмунтоном, придавая волшебнo-сказочный вид этому месту, которое в резком свете дня оказывалось просто маленьким городишком, примостившимся в неглубокой лощине и представляющим собой скопление высоких дымовых труб сталелитейных заводов, непрерывно выбрасывающих в воздух гейзеры пара и дыма. Темнота окутала все это бархатным плащом, скрыла южный район города, где аккуратные, чистенькие дома уступали место сначала трущобам, кабакам и закладным лавкам, а потом и полям, сейчас, в зимнее время, голым и неприютным.

Мэтт остановил свой пикап в темном углу автостоянки, рядом с галантерейным магазином Джексона, там, где Лора оставила машину.

– Не забудь, – шепнула девушка, обняв его, – я буду ждать тебя в семь у подножия холма. Приезжай туда, и мы закончим то, что начали час назад. Кстати, Мэтт, старайся не попадаться никому на глаза. В тот раз отец заметил твой пикап и начал задавать вопросы.

Мэтт взглянул на нее, внезапно почувствовав отвращение к этой девице и к себе. Зачем он вообще с ней связался? Красивая, богатая, избалованная, испорченная эгоистка... и Мэтт отлично это знал. Почему же позволил этой бесстыжей самке использовать себя как жеребца-производителя, невольно втянулся в тайные свидания, краденые встречи, жадные поспешные ласки и объятия... позволил себе опуститься до того, что часами ждал в укромном месте, у подножия холма, вместо того чтобы уверенно войти через парадную дверь, как, без сомнения, поступали остальные, достойные, с точки зрения отца Лоры, поклонники?..

Кроме сильнейшего сексуального влечения, между ними не было ничего общего. Папочка Лоры Фридриксон был самым богатым жителем Эдмунтона, а сама она училась на первом курсе дорогого колледжа в одном из восточных штатов. Мэтт же днем работал на сталелитейном заводе, а по выходным в ночную смену трудился механиком на станции техобслуживания да еще находил время посещать вечернюю школу местного отделения университета штата Индиана.

Перегнувшись через ноги девушки, он открыл дверцу пикапа и жестко предупредил:

– Либо я сегодня подъезжаю за тобой прямо к парадной двери, либо тебе придется срочно менять планы на вечер.

– Но что я скажу папе, если он увидит твой пикап на подъездной дорожке?

Сегодня Мэтт был глух к мольбам Лоры. Оставшись совершенно нечувствительным к взгляду потрясенной девушки, Мэтт сардонически бросил:

– Можешь объяснить, что мой лимузин сейчас в ремонте.

Глава 4

Декабрь 1973 года

Длинная процессия лимузинов медленно продвигалась к величественному входу в отель «Чикаго дрейк», где они на несколько минут останавливались, чтобы позволить юным пассажирам выйти.

Швейцары суежились, провожая каждую группу вновь прибывших в вестибюль. Никакие слова и выражения, ни одно чрезвычайное происшествие не могли заставить швейцаров отеля хотя бы слегка улыбнуться или выказать нечто вроде снисхождения по отношению к молодым гостям, одетым в дорогие, сшитые на заказ смокинги и длинные вечерние платья, поскольку это были не обычные дети, наряженные для школьного бала или свадебного торжества, смущенные, ошеломленные царившей в отеле роскошью и не знающие, как себя вести. Сегодня здесь собрались отпрыски лучших семейств Чикаго, спокойные, самоуверенные, и единственным свидетельством их юного возраста была нескрываемая радость оттого, что впереди их ждет ночь веселья и развлечений.

Автомобиль Мередит оказался почти в самом конце длинной очереди, и со своего места она могла спокойно наблюдать за остальными гостями. Как и она сама, они приехали по приглашению мисс Эппингем на ежегодный ужин с танцами. Этим вечером ученики мисс Эппингем, все как один возрастом от двенадцати до четырнадцати лет, должны продемонстрировать знание манер и этикета, приобретенное и отшлифованное на шестимесячных курсах, умение, позволяющее им с достоинством вращаться в высоких кругах, которые, несомненно, впоследствии станут средой их обитания, хотя и с несколько разреженной атмосферой. По этой причине все пятьдесят учеников, одетых, как полагается, в вечерние костюмы, пройдут сегодня мимо цепочки встречающих, отведают ужин из двенадцати блюд и покажут, чему научились на уроках танцев.

Сквозь окно машины Мередит с завистью рассматривала радостные, уверенные лица собравшихся в фойе. Все девочки, кроме нее, приезжали группами или с «эскортом», обычно со старшими братьями или кузенами, уже окончившими курсы мисс Эппингем. Лишь она прибыла на бал одна. Мередит с упавшим сердцем смотрела на красивые платья других девочек, их сложные модные прически, локоны, перевитые бархатными лентами или украшенные заколками с драгоценными камнями.

На сегодняшний вечер мисс Эппингем сняла большой балльный зал, и когда Мередит вошла в выложенный мрамором вестибюль и поднялась по лестнице, желудок скрутило нервным спазмом, а колени затряслись от ужасного предчувствия. Остановившись на площадке, она заметила дверь в дамскую комнату и, войдя туда, посмотрелась в зеркало. Пристально изучив собственное отражение, девочка решила, что труды Лайзы явно не пропали даром и она выглядит совсем не так плохо. Светлые волосы были разделены пробором на правой стороне и заколоты шелковым цветком, хотя спадали, прямые как палка, до самых плеч. Цветок придавал ей таинственный, необычный вид, решила она скорее с надеждой, чем с действительной уверенностью.

Мередит открыла сумочку, вынула помаду Лайзы персикового оттенка и слегка подкрасила губы. Удовлетворенная результатом, девочка расстегнула жемчужную нить и спрятала ее в сумочку, а вместе с ней и очки.

– Гораздо лучше, – решила она, воспрянув духом. Если не шуриться и освещение к тому же будет не слишком ярким, по крайней мере есть шанс, что Паркер может даже посчитать ее хорошенькой.

Ученики мисс Эппингем, собравшиеся за дверями бального зала, перекликались, здоровались друг с другом и собирались группами, но никто не махнул Мередит рукой, не назвал по имени, не сказал: «Надеюсь, за ужином мы сядем вместе, хорошо?»

Но Мередит понимала, что в этом нет их вины. Прежде всего многие были знакомы с детства, их родители были друзьями, они часто ходили друг к другу на дни рождения и в гости. Чикагское общество гордилось собственной исключительностью и замкнутостью – чужаки в высший свет не допускались, поэтому взрослые, с одной стороны, стремились сохранить атмосферу эксклюзивности и снобизма, а с другой – делали все, чтобы их дети были допущены в этот тесный круг. Единственным отступником от этих принципов был отец Мередит; правда, он тоже хотел, чтобы дочь заняла подобающее ей место в обществе, но не желал, чтобы ее развращали те дети, родители которых были более снисходительны.

Мередит, однако, без труда прошла первое испытание – цепочку встречающих – и последовала к банкетным столам. Поскольку около каждого прибора лежали карточки с выгравированными именами, девочка незаметно надела очки и начала всматриваться в каждую карточку. Наконец у третьего столика она прочитала свое имя и обнаружила, что должна сидеть с Кимберли Джерролд и Стейси Фитцхьюг – девочками, представлявшими «эльфов» на рождественском спектакле в госпитале.

– Здравствуй, Мередит, – хором объявили они, глядя на нее с веселой снисходительностью, неизменно заставляющей ее чувствовать себя неуклюжей и застенчивой.

Выполнив положенные по этикету обязанности, девочки тут же переключили внимание на мальчиков, сидевших между ними. Третьей была младшая сестра Паркера, Розмари, безразлично кивнувшая в направлении Мередит и тут же прошептавшая что-то «кавалеру», который, смеясь, искоса глянул на вновь прибывшую гостью.

Молча подавив неприятную убежденность в том, что Розмари говорила о ней, Мередит с деланой веселостью огляделась, притворяясь, что заинтересовалась яркими рождественскими украшениями. Стул справа, как она позже обнаружила, остался пустым, поскольку приглашенный молодой человек внезапно заболел гриппом, и Мередит в который раз оказалась в неловком положении, оставшись без пары.

Ужин медленно продолжался, блюдо за блюдом, и Мередит каждый раз механически выбирала нужные нож и вилку из тех одиннадцати, что были разложены около тарелки. Подобные торжественные обеды и ужины были вполне привычны для нее, как и для остальных учеников мисс Эппингем, поэтому у нее даже не было ни малейших причин отвлечься и забыть о чувстве неловкости, терзавшем ее, пока остальные были поглощены обсуждением последних фильмов.

– Ты видела его, Мередит? – спросил Стивен Мормон, следуя строгим правилам мисс Эппингем, гласившим, что за столом необходимо вовлекать в беседу всех и каждого.

– Нет. Боюсь, что... нет.

К счастью, от остальных пояснений ее избавили звуки музыки. Оркестр начал играть, и смежная перегородка поползла вверх – знак того, что ужинающие должны с достоинством закончить разговоры и торжественно направиться в бальный зал.

Паркер пообещал приехать на танцы, и поскольку его сестра ужинала здесь, Мередит была уверена, что он сдержит слово. Кроме того, его студенческое братство веселилось на вечеринке в одном из соседних залов, так что он наверняка был в отеле. Девочка встала, пригласила волосы, втянула живот и шагнула за остальными.

Следующие два часа мисс Эппингем выполняла свой долг, «вращаясь» среди гостей и делая все, чтобы у каждого был партнер для танцев и бесед, и девочка несколько раз замечала,

как директриса отправляла к ней явно сопротивляющихся мальчиков со строгим наказом пригласить Мередит на танец.

К одиннадцати часам большинство приглашенных разбились на небольшие компании, и почти никому уже не хотелось танцевать, возможно, потому, что оркестр играл только старомодные танцы. На площадке осталось всего четыре пары, и среди них Мередит и ее кавалер Стюарт Уитмор, оживленно объясняющий, как собирается достичь заветной цели – поступить на работу в юридическую фирму отца. Как и сама Мередит, он был неглуп, не отличался легкомыслием и нравился ей больше остальных мальчиков, особенно потому, что Стюарт хотел танцевать с ней. Однако слушала она его вполуха, не отрывая взгляда от двери, поэтому успела заметить, как на пороге появился Паркер в сопровождении трех приятелей по колледжу. Горло девочки перехватило, сердце судорожно забилося при виде элегантного неотразимо-красивого молодого человека в черном смокинге, с густыми светлыми, выгоревшими на солнце волосами и загорелым лицом. Рядом с ним любой юнец в зале, даже его приятели, выглядели незначительными и непримечательными.

Заметив, что Мередит неожиданно застыла, Стюарт прервал бесконечное перечисление требований к поступающим на юридический факультет и проследил за направлением ее взгляда.

– О... брат Розмари явился! – пробормотал он.

– Вижу, – кивнула Мередит, не сознавая, как мечтательно звучит ее голос.

Зато Стюарт, отлично все расслышавший, поморщился:

– И что такого есть в этом Паркере Рейнолдсе, почему все девчонки тут же теряют голову и начинают задыхаться от счастья? Неужели лишь потому, что он старше, выше и куда лучше умеет заговаривать зубы, ты предпочтешь его мне?

– Не стоит так себя принижать, – с рассеянным чистосердечием посоветовала Мередит, наблюдая, как Паркер пересекает зал, чтобы пригласить сестру на обязательный танец. – Ты очень умный и очень хороший.

– И ты тоже.

– И кроме того, обязательно будешь блестящим адвокатом, как отец.

– Ты не хотела бы куда-нибудь пойти в следующую субботу?

– Что?! – охнула Мередит, неприлично вытаращив глаза. – То есть, – поспешно попыталась она исправить положение, – с твоей стороны было так мило пригласить меня, но отец позволит мне встречаться с мальчиками только с шестнадцати лет.

– Спасибо за то, что нашла способ не обидеть меня.

– Но я сказала правду! – горячо возразила Мередит и тут же забыла обо всем, потому что один из приятелей Розмари Рейнолдс «отбил» ее у брата, и тот уже направился было к дверям зала.

– Прости, Стюарт, – с отчаянием пробормотала девочка, – но мне нужно кое-что отдать Паркеру!

Не замечая, что привлекает внимание окружающих, явно забавляющихся странной сценой, Мередит почти побежала за Паркером и настигла его в тот момент, когда он уже был готов покинуть зал вместе с друзьями. Молодые люди с любопытством смотрели на нее, словно на непонятное насекомое, неожиданно залетевшее в окно, но улыбка Паркера была теплой и неподдельно дружелюбной:

– Привет, Мередит. Хорошо проводишь время?

Мередит кивнула, надеясь, что он вспомнит свое обещание потанцевать с ней, и тут же с упавшим сердцем поняла: Паркер просто вежливо дожидается, пока она заговорит, а у нее не находится слов. Жаркий румянец смущения разлился по щекам, как только девушка с ужасом поняла, что глазеет на него в благоговейном молчании.

– Мне... мне нужно отдать тебе это, – пробормотала она наконец дрожащим, перепуганным голосом, лихорадочно шаря в сумочке. – То есть это отец велел передать...

Она вытащила конверт с билетами в оперу и поздравительной открыткой, но зацепила уголком за ожерелье, и жемчуг белоснежным ручейком пролился на пол. Мередит поспешно нагнулась, но Паркер успел чуть раньше, и они с размаха столкнулись лбами.

– Прости, – выпалила она, услышав, как охнул Паркер.

Мередит судорожно выпрямилась, но в этот момент по полу покатылся тюбик губной помады, и Джонатан Соммерс, один из друзей Паркера, наклонился, чтобы подобрать его.

– Почему бы тебе просто не перевернуть сумочку, чтобы мы смогли сразу все поднять? – пошутил он, обдавая ее парами спиртного.

Мередит, сгорая со стыда, слушала смешки собравшихся вокруг гостей мисс Эппингем и, осознав, что кажется еще более неповоротливой и неуклюжей, чем всегда, протянула конверт Паркеру, сунула помаду и жемчуг в сумочку и отвернулась, смаргивая непрошенные слезы. Пора уходить, и как можно скорее. Но Паркер неожиданно вспомнил о данном ей обещании.

– Как насчет танца, который я у тебя просил? – добродушно усмехнулся он.

Мередит круто развернулась, и несчастное личико мгновенно осветилось радостью.

– Ах, это... совсем забыла. А ты хочешь? Я имею в виду танцевать?

– Это лучшее приглашение из всех, которые я получил за весь вечер, – галантно ответил молодой человек.

Как только музыканты заиграли «Зачарованная, заколдованная, замороженная», Мередит очутилась в объятиях Паркера и поняла, что мечта стала реальностью. Под пальцами скользила гладкая ткань смокинга, бугрились мышцы плеч. От него исходил горьковатый, восхитительный запах одеколона, и к тому же Паркер оказался великолепным танцором. Мередит была так безнадежно влюблена, что немедленно выложила свои мысли вслух:

– Ты прекрасный танцор.

– Спасибо.

– И чудесно выглядишь в смокинге.

Паркер негромко хмыкнул, и Мередит откинула голову, наслаждаясь теплом его улыбки, греясь в лучах этих волшебных глаз.

– Ты тоже очень мила, – заметил он.

Чувствуя, как лицо заливают горячая краска, она поспешно отвела глаза. К сожалению, цветок от резких движений выскользнул из заколки и теперь смешно болтался на плече, свисая с поломанного стебелька.

Мередит, лихорадочно пытаясь сказать что-нибудь остроумное и оригинальное, откинула голову и весело спросила:

– Хорошо проводишь каникулы?

– Очень, – кивнул он, снова и снова невольно поглядывая на ее плечо, где трепыхался цветок. – А ты?

– Тоже, – ответила Мередит, чувствуя себя невыразимо неловкой и неповоротливой.

Руки Паркера опустились в то мгновение, как музыка смолкла, и он, с улыбкой попрощавшись, пошел к выходу. Мередит поспешно обернулась и заметила в зеркальной стене свое отражение. Увидев поникший цветок, она быстро схватила его в кулаке, надеясь, что он упал только сейчас.

Стоя в очереди за пальто, девочка оцепенело разглядывала стиснутый в пальцах цветок, страшась, что он свисал с ее волос во время танца с Паркером. Она взглянула на стоявшую рядом девочку, и та, словно прочитав ее мысли, кивнула:

– Ну да, он так и висел, пока ты танцевала.

– Я именно этого и боялась.

Соседка сочувственно улыбнулась, и Мередит вспомнила ее имя. Брук. Брук Моррисон. Мередит всегда считала ее неплохой девчонкой.

– В какую школу ты собираешься поступать на следующий год? – спросила Брук.

– Бенсонхерст, в Вермонте.

– Бенсонхерст? – повторила Брук, сморщив носик. – Это в страшной глуши, и к тому же там строгости хуже, чем в тюрьме. Моя бабушка училась в Бенсонхерсте.

– И моя тоже, – подавленно вздохнула Мередит, сожалея, что отец так настаивал именно на этой школе.

Мередит открыла дверь своей спальни и увидела, что Лайза и миссис Эллис мирно дремлют в креслах.

– Ну? – вскочила Лайза, услышав шорох. – Как все прошло?

– Великолепно! – фыркнула Мередит, состроив гримасу. – Если не считать того, что, когда я передавала Паркеру билеты, из моей сумочки вывалилось все, что там было. Кроме того, я беспрестанно болтала и выложила ему, как он прекрасно выглядит и какой хороший танцор.

Она плюхнулась в кресло, с которого встала Лайза, и только сейчас сообразила, что оно стоит не на привычном месте. Собственно говоря, вся комната разительно изменилась.

– Как тебе? Нравится? – спросила Лайза с бесшабашной улыбкой, заметив удивленно-радостный взгляд подруги.

Она не только переставила мебель, но и разделила букет искусственных цветов и припилила их к бантам, прикрепляющим полог к столбикам. Комнатные цветы в горшках, принесенные со всего дома, совершенно преобразили аскетическую комнату, придав ей женственную атмосферу.

– Лайза, ты изумительна!

– Верно, – широко улыбнулась та. – И миссис Эллис помогла.

– Я, – запротестовала экономка, – только достала растения, а все остальное сделала Лайза. Надеюсь, ваш отец не будет возражать, – смущенно добавила она, вставая, чтобы уйти. Девочки остались одни.

– Я надеялась, что твой отец заглянет сюда, – призналась Лайза. – Знаешь, я даже приготовила потрясную речь. Хочешь послушать?

Мередит ответила ей улыбкой и кивнула. Лайза, положительно излучая безупречное воспитание и блистая безукоризненной дикцией, начала:

– Добрый вечер, мистер Бенкрофт. Я подруга Мередит, Лайза Понтини. Я намереваюсь стать дизайнером по интерьерам, а пока практикуюсь здесь. Надеюсь, вы не возражаете, сэр?

Произношение было таким идеальным, что Мередит рассмеялась:

– Не знала, что ты собираешься стать дизайнером по интерьерам.

Лайза окинула ее презрительным взглядом:

– Мне повезет, если сумею окончить высшую школу, а уж о колледже и интерьерах придется только мечтать. У нас нет денег на колледж. – И благоговейно объявила: – Миссис Эллис сказала, что твой отец тот самый Бенкрофт из «Бенкрофт энд компани». Он что, сейчас в деловой поездке?

– Нет, на ужине с членами совета директоров, – объяснила Мередит и, предположив, что подруга будет потрясена принципами работы огромной корпорации, продолжила: – Повестка дня, можно сказать, волнующая. Двое директоров считают, что компания должна расширить деятельность, открыв филиалы в других городах. Главный бухгалтер утверждает, что это приведет к повышенному налогообложению, зато заведующий отделом закупок настаивает, что небольшие дополнительные расходы позволят значительно увеличить прибыль.

– Для меня все это сплошное мумбо-юмбо, – отмахнулась Лайза, не сводя глаз с разросшейся китайской розы в углу комнаты. Немного подумав, она подвинула растение на несколько футов вперед, и эффект получился поистине поразительный.

– А какую высшую школу ты выберешь? – спросила Мередит, восхищаясь преображенной спальней и думая о том, как несправедливо, что Лайза не может поступить в колледж и применить на деле свои многочисленные таланты.

– Киммерлинг, – ответила Лайза.

Мередит поморщилась. Она проезжала Киммерлинг по пути в школу Святого Стефана, здание которой было хотя и старым, но содержалось в идеальном порядке. Киммерлинг был уродливой, захлавленной городской средней школой, все ученики которой выглядели оборванцами, с малых лет повидавшими неприглядные стороны жизни. Отец Мередит постоянно подчеркивал, что настоящее образование можно получить только в превосходных учебных заведениях.

Несколько часов спустя после того, как Лайза заснула, в голове Мередит родилась идея, и девушка начала обдумывать каждую деталь более тщательно, чем что-либо в жизни... если, конечно, не считать воображаемых свиданий с Паркером.

Глава 5

На следующее утро Фенвик отвез Лайзу домой, а Мередит спустилась в столовую, где отец ожидал ее за накрытым столом, читая газету. В обычный день она с любопытством расспросила бы его, чем кончилось вчерашнее совещание, но сегодня на уме у девушки было совсем другое.

Усевшись на место, она поздоровалась и начала сложную игру, пока внимание отца было приковано к газете.

– Разве не ты всегда говорил, что хорошее образование жизненно важно? – спросила Мередит и, когда отец рассеянно кивнул, продолжала: – И не ты ли считаешь, что городские школы сильно перегружены и уровень обучения в них не слишком высок?

– Да, – ответил Филип, снова кивнув.

– И не ты ли как-то обмолвился, что семья Бенкрофтов вот уже много лет делает пожертвования Бенсонхерсту?

– Угу, – пробурчал отец, переворачивая страницу.

– Послушай, – объяснила Мередит, стараясь сдерживать нарастающее возбуждение, – в школе есть одна ученица – чудесная девочка из набожной семьи. Она очень умна и талантлива. Хочет стать дизайнером по интерьерам, но приходится поступать в Киммерлинг, потому что родителям не на что послать ее в приличную школу. Разве это не позор?

– Мм, – согласился Филип, хмурясь при виде статьи о Ричарде Дейли: демократы не входили в число его любимцев.

– Правда ведь, это настоящая трагедия, когда такой талант, и ум, и честолубие... все пропадает зря...

Отец поднял глаза от газеты и с неожиданным вниманием начал рассматривать дочь. В сорок два года он выглядел привлекательным, элегантным мужчиной с резковатыми манерами, пронизывающими голубыми глазами и каштановыми, седеющими на висках волосами.

– И что ты предлагаешь, Мередит?

– Стипендию. Если Бенсонхерст не пожелает выделить ей стипендию, может, ты попросишь их воспользоваться деньгами, которые фонд для этого предназначил?

– И я также должен указать, что стипендия предназначается специально для девушки, о которой ты упомянула, не так ли?

Он придавал словам Мередит такое значение, словно та предлагала нечто крайне неэтичное, но она уже знала, что отец считал нужным использовать могущество и связи, когда и где только возможно, поскольку это служит его целям. Он тысячу раз утверждал, что именно для этого и существует власть.

Мередит медленно кивнула, улыбаясь глазами:

– Да.

– Понимаю.

– Ты никогда не найдешь человека, более заслуживающего этой стипендии, – взволнованно настаивала дочь. – И, – добавила Мередит, словно по вдохновению, – если мы ничего не сделаем для Лайзы, она, возможно, закончит пособием по безработице.

Социальное обеспечение было предметом, вызывающим крайне отрицательную реакцию отца. Мередит отчаянно хотелось рассказать ему побольше о Лайзе, о том, как много значит для нее эта дружба, но какое-то шестое чувство предостерегало не делать этого. В прошлом отец так чрезмерно опекал ее, что ни один ребенок не удовлетворял его стандартам и не был достоин стать постоянным компаньоном дочери по играм. Он скорее посчитает, что Лайза достойна получить стипендию, чем позволит ей стать подругой Мередит.

– Ты напоминаешь мне бабушку Бенкрофт, – задумчиво протянул он наконец. – Она часто проявляла подобный интерес к достойным, но менее удачливым особам.

Угрызения совести на миг болью отозвались в сердце Мередит, поскольку мотивы ее ходатайства за Лайзу были столь же эгоистичны, сколь и благородны, но следующие слова заставили Мередит обо всем забыть:

– Позвони завтра моей секретарше. Дай ей сведения об этой девушке и попроси напомнить мне позвонить в Бенсонхерст.

Последующие три недели Мередит ждала, сгорая от нетерпения, боясь признаться Лайзе в своих замыслах, потому что не хотела заранее разочаровывать подругу, но в то же время не могла поверить, что администрация Бенсонхерста может отказать отцу. Наступили времена, когда американских девушек посылали в Швейцарию и Францию, а не только в Вермонт, и уж точно не в Бенсонхерст с его холодными каменными дортуарами, по которым гуляли сквозняки, с чрезмерно строгими правилами и жестким расписанием. Конечно, школа уже не так переполнена, как раньше, следовательно, они не рискуют оскорбить важного попечителя.

На следующей неделе прибыло письмо из Бенсонхерста, и Мередит нетерпеливо переминулась возле кресла отца, пока тот разрезал конверт.

– Тут говорится, – наконец объявил он, – что они предоставляют мисс Понтини стипендию на основании ее выдающихся успехов в учебе и по ходатайству семьи Бенкрофт.

Мередит испустила совершенно неподобающий леди радостный вопль, за что отец, прежде чем продолжить, наградил ее ледяным взглядом:

– Стипендия покроет расходы по ее обучению, питанию и жилью. Дорога в Вермонт и деньги на карманные расходы – ее забота.

Мередит прикусила губу: об этом она не подумала. Но ее план прекрасно удался; позже она обязательно что-нибудь сообразит. Может, стоит убедить отца, что они поедут на машине, тогда Лайза сможет отправиться в Вермонт с ней.

На следующий день Мередит захватила в школу все проспекты из Бенсонхерста вместе с письмом о стипендии. Уроки, казалось, длились целую вечность, но наконец они очутились в кухне Понтини. Мать Лайзы хлопотала, выкладывая на стол воздушные итальянские пирожные с кремом и взбитым творогом.

– Ты становишься такой же тощей, как Лайза, – заметила она, и Мередит послушно откусила кусочек пирожного, пытаясь одновременно открыть школьную сумку и достать письмо.

Чувствуя себя немного неловко в роли филантропа, она без умолку болтала о Бенсонхерсте, Вермонте и радостях путешествия и только потом объявила, что Лайза получает стипендию для учебы в школе.

На несколько мгновений в комнате воцарилась мертвая тишина. И Лайза, и миссис Понтини, казалось, были не в силах осознать происходящее. Наконец Лайза медленно встала.

– Так я что – очередной объект благотворительности?! – разъяренно взорвалась она. – Кем ты, спрашивается, себя воображаешь?

Она вылетела через черный ход, и Мередит, едва успев опомниться, помчалась следом:

– Лайза! Я только пыталась помочь!

– Помочь? – огрызнулась подруга, наступая на нее. – Почему это ты посчитала, что я захочу сидеть в одном классе с кучей богатых снобов вроде тебя, которые будут взирать на меня сверху вниз, как на нищенку? Могу себе представить, целая школа избалованных стервоз, которые жалуются, что приходится перебиваться на тысячу долларов карманных денег, присылаемых им ежемесячно любящими папочками...

– Никто не узнает, что ты на стипендии, если сама не скажешь, – начала Мередит, но тут же побледнела от гнева и обиды: – Не думала, что ты считаешь меня «богатым снобом» или «избалованной... избалованной стервой».

– Послушай себя, не можешь слово «стерва» произнести, чтобы не поперхнуться! Подумаешь, святоша! Маменькина дочка!

– Это ты сноб, Лайза, не я, – возразила Мередит тихо, безнадежно. – Все видишь с точки зрения денег. Тебе не стоит беспокоиться о том, что не приживешься в Бенсонхерсте. Это я нигде и ни с кем не могу ужиться, с самого детства была белой вороной.

Она произнесла это со спокойным достоинством, доставившим бы огромное удовольствие отцу, если бы он слышал дочь, и, повернувшись, вышла на улицу.

Фенвик ждал у дверей дома Понтини. Мередит скользнула на заднее сиденье машины. Наконец она поняла: именно в ней самой крылось что-то, мешавшее людям чувствовать себя непринужденно в ее присутствии, невзирая на их положение в обществе. До девушки просто не доходило, что тонкость души и повышенная чувствительность возбуждали неприязнь других детей, стремившихся держаться подальше от нее. Зато Лайза осознала эти редкие качества натуры Мередит. Девушка испытывала одновременно ненависть к ней, вздумавшей разыгрывать крестную-фею, и презрение к себе за вопиюще несправедливое отношение к подруге.

Назавтра, на большой перемене, Мередит, усевшись на обычном месте и зябко закутавшись в пальто, ела яблоко и читала книгу. Уголкем глаза девушка заметила идущую к ней Лайзу и намеренно сосредоточенно углубилась в чтение.

– Мередит, – нерешительно начала Лайза, – извини меня насчет вчерашнего.

– Все в порядке, – кивнула Мередит, не поднимая глаз. – Забудь.

– Знаешь, трудновато забыть, что вела себя по-свински в отношении самого доброго человека, которого когда-либо встречала.

Мередит взглянула на нее, потом на книгу и уже мягче, хотя и решительно, ответила:

– Теперь это уже не важно.

Но Лайза, садясь рядом на каменный выступ, упорно продолжала:

– Вчера я показала себя настоящей ведьмой по многим, хотя и дурацким, эгоистичным причинам. Жалела себя, потому что ты предложила мне фантастический шанс учиться в настоящей школе, избавиться, хотя бы на время, от всего этого. Но я прекрасно знала, что уехать ни за что не удастся. Понимаешь, ма нуждается в помощи по дому и с детишками, а если бы даже не так, все равно нужны деньги на дорогу в Вермонт и карманные расходы.

Мередит не приходило в голову, что мать не сможет или не захочет отпустить Лайзу, но ей казалось ужасно несправедливым, что миссис Понтини, родив восьмерых ребятишек, отводит Лайзе роль няньки.

– Я не подумала о том, что твои мать и отец могут не отпустить тебя, – призналась она, впервые за весь день прямо глядя на Лайзу. – То есть я всегда считала, что родители хотят, чтобы их дети получили хорошее образование, если возникает хоть какая-то возможность.

– Ты наполовину права, – заметила Лайза, и только сейчас Мередит увидела, что подруга так и лопається от нетерпения выложить новости. – Ма ужасно обрадовалась. После твоего ухода она здорово поскандалила с отцом. Тот сказал, что девочкам не обязательно учиться в дорогих школах только затем, чтобы потом выйти замуж и рожать детей. Ма замахнулась на него половником и заорала, что я достойна лучшей судьбы, и тут все и началось. Ма позвонила бабке, а та поговорила с тетками и дядьями, и все заявили к нам и тут же начали отстегивать денежки. Правда, только взаймы. Но я решила, что, если буду работать в Бенсонхерсте как бешеная, смогу получить стипендию в колледже. А потом найду потрясную работу и верну долги.

И Лайза с сияющими глазами порывисто стиснула Мередит в объятиях.

– Каково это – чувствовать, что полностью изменила жизнь другого человека? – тихо спросила она. – Знать, что только благодаря тебе мои мечты осуществились, как и мечты ма, родственников...

И Мередит внезапно почувствовала, что невесть откуда взявшиеся слезы жгут веки.

– Это... прекрасное чувство.

– Как по-твоему, мы могли бы стать соседями по комнате?

Мерedit, мгновенно просветлев, кивнула.

Стоявшая в нескольких ярдах от подруг компания девочек с бутербродами в руках потрясенно наблюдала, как новенькая, Лайза Понтини, и эта психованная Мерedit Бенкрофт неожиданно вскочили, обнялись и начали прыгать, смеясь и плача одновременно.

Глава 6

Июнь 1978 года

Комната в Бенсонхерсте, которую четыре года делили Мередит и Лайза, была завалена упаковочными коробками и наполовину уложенными чемоданами. На дверце встроенного шкафа висели голубые мантии и платья, которые девушки надевали вчерашним вечером на церемонию окончания школы. Кисточки из золотой тесьмы на мантиях говорили о том, что подруги все эти годы были лучшими ученицами школы. Лайза деловито укладывала свитеры в коробку. За стеной слышался непривычный гул мужских голосов: это отцы, братья и приятели отъезжающих учениц носили вниз вещи. Отец Мередит переночевал в местной гостинице и должен был появиться через час, но девушка, охваченная ностальгическими чувствами, потеряла представление о времени и задумчиво перебирала стопку фотографий, только сейчас вынутых из письменного стола, улыбаясь воспоминаниям, которые они пробуждали.

Годы, проведенные в Вермонте, были самыми счастливыми для нее и Лайзы. Вопреки всем страхам Лайзы, что она будет чувствовать себя в Бенсонхерсте парией, девушка вскоре стала законодательницей мод среди остальных учениц, считающих ее необычной и смелой. На первом году обучения именно Лайза организовала и возглавила успешный набег на мальчиков Личфилдской частной средней школы в возмездие за налет с целью похищения трусиков в Бенсонхерсте – старой традиции, переходившей из года в год. На втором курсе Лайза так талантливо расписала декорации и украсила сцену для ежегодного спектакля драматического кружка, что фотографии попали в газеты нескольких городов. На предпоследнем курсе Билл Флетчер пригласил Лайзу на весенний бал в Личфилде. Не говоря уже о том, что Флетчер с честью выполнял обязанности капитана школьной футбольной команды, он был еще фантастически красив и очень умен. За день перед балом он забил два гола на поле и третий – в ближайшем мотеле, где Лайза подарила ему свою девственность. После этого незабываемого события она вернулась в комнату, которую делила с Мередит, и жизнерадостно сообщила новость четверым собравшимся там девочкам. Плюхнувшись на постель, Лайза широко улыбнулась и объявила:

– Я больше не девушка! Отныне можете спрашивать у меня совета и получите любую информацию.

Остальные ученицы, очевидно, посчитали это событие еще одним доказательством необычайной независимости и искушенности Лайзы, потому что все начали смеясь поздравлять ее, но Мередит встревожилась и даже возмущалась. Вечером, когда все разошлись и подруги остались одни, Мередит и Лайза впервые за все время пребывания в Бенсонхерсте по-настоящему поссорились.

– Не могу поверить, что ты сделала это! – взорвалась Мередит. – Что, если ты забеременеешь? Что, если девчонки начнут сплетничать? Что, если твои родители узнают?

Но Лайза была настроена не менее решительно:

– Ты не мой опекун и не отвечаешь за меня, так что прекрати вести себя как моя мамаша! Если желаешь дожидаться, пока Паркер Рейнолдс или другой мифический рыцарь на белом коне примчится, подхватит тебя и унесет в постель, – это твое дело, но не вмешивайся в мою жизнь и не считай, что другие обязаны вести себя точно так же. Мне плевать на весь этот вздор о чистоте, который вдалбливали нам в головы монахини в Святом Стефане! – продолжала Лайза, швыряя блейзер в шкаф. – Если ты оказалась достаточно глупой, чтобы поверить им, оставайся вечной девственницей, но не требуй от меня того же! И я не такая дура, чтобы забеременеть, – Билл пользовался презервативом. Кроме того, ни одна из девчонок и словом

не обмолвится, потому что все уже давно переспали с мальчишками. Единственной шокированной крошкой-девственницей в этой комнате была ты.

– Довольно, – холодно перебила Мередит, отходя к своему столу. Несмотря на внешнее спокойствие, девушка изнывала от смущения и угрызений совести. Она действительно чувствовала себя ответственной за Лайзу, потому что добилась для подруги стипендии в Бенсон-херсте. Более того, Мередит признавала, что ее моральные принципы устарели и скорее подходят для монастыря и поэтому она не имеет права читать нравоучения Лайзе. Она и сама сыта по горло подобными наставлениями.

– Я не собиралась осуждать тебя, Лайза, просто беспокоилась, вот и все.

После нескольких моментов напряженного молчания Лайза повернулась к подруге:

– Мер, прости меня.

– Забудь, – отозвалась Мередит. – Ты была права.

– Вовсе нет, – горячо возразила Лайза, с отчаянной мольбой глядя на Мередит. – Дело в том, что я совсем другая и никогда не буду такой, как ты. Я, честно, пыталась.

Откровенное признание вызвало мрачную улыбку на лице Мередит.

– Но почему ты хочешь быть похожей на меня?

– Потому что, – криво усмехнулась Лайза и, имитируя Хэмфри Богарта, прохрипела: – У тебя есть класс, беби. Класс с большой буквы.

Их первая настоящая стычка кончилась перемирием, которое было отпраздновано в этот же вечер за молочными коктейлями в кафе-мороженом Паулсона.

Глядя на фотографии, Мередит вспомнила об этой ночи, но тут ее бесцеремонно вернула к действительности Линн Маклолин. Просунув голову в дверь, девушка звонко объявила:

– Утром звонил Ник Терне из телефона-автомата! Сказал, что вы уже отключили свой телефон и что он собирается сегодня заглянуть ненадолго.

– Которой из нас он звонил? – осведомилась Лайза.

Линн ответила, что Ник хотел поговорить с Мередит, и исчезла. Лайза немедленно подбоченилась и с притворной яростью обрушилась на подругу:

– Я так и знала! Прошлой ночью он не сводил с тебя глаз, хотя я только что на голове не стояла, пытаюсь привлечь его внимание! Зря я учила тебя пользоваться косметикой и подбирать одежду!

– Опять ты, – отпарировала Мередит улыбаясь, – относишь на свой счет мой жалкий успех у немногих парней!

Ник Терне учился на предпоследнем курсе в Йеле и, верный традициям, приехал в Вермонт, чтобы присутствовать на церемонии окончания школы его сестрой, и ослепил всех девушек красивым лицом и идеальной фигурой спортсмена. Но стоило ему бросить взгляд на Мередит, остальные отошли на второй план, и Ник даже не делал из этого тайны.

– Жалкий успех у немногих парней? – повторила Лайза, выглядевшая очаровательной даже сейчас, с рыжими волосами, сколотыми на голове в беспорядочный узел. – Если бы ты встречалась хотя бы с половиной мальчиков, которые назначали тебе свидания за последние два года, то побила бы мой рекорд, я просто уверена в этом!

Она хотела добавить еще что-то, но тут в приоткрытую дверь постучала сестра Ника.

– Мередит, – позвала она, беспомощно улыбаясь, – внизу ждет Ник с парой приятелей. Приехали сегодня утром из Нью-Хейвена. Говорит, что твердо намерен помочь тебе собраться, отвезти, куда захочешь, или сделать предложение руки и сердца, в зависимости от того, что ты предпочтешь.

– Пришли несчастного влюбленного и его друзей сюда, – смеясь объявила Лайза, и когда Триш Терне ушла, подруги обменялись веселыми понимающими взглядами. Две полные противоположности. Совершенно согласные во всем.

За последние четыре года они сильно изменились, особенно Мередит. Лайза всегда была ослепительно-красива, ей не приходилось носить очки или страдать от детской полноты. А Мередит два года назад на карманные деньги купила контактные линзы, что избавило ее от очков и позволило привлечь внимание к необыкновенным глазам. Природа и время позаботились обо всем остальном, придав законченность тонко очерченному лицу, блеск и густоту волосам и округлив фигуру в нужных местах.

Лайза с ее кудрявыми пылающими волосами и яркой внешностью в восемнадцать лет выглядела земной и вызывающе красивой. Мередит, напротив, казалась уравновешенной, исполненной достоинства и безмятежно прекрасной. Мужчин привлекало бьющее фонтаном жизнелюбие Лайзы, а улыбчивая сдержанность Мередит служила вызовом. Где бы ни появились обе девушки, мужские головы неизменно поворачивались, словно подсолнухи за солнцем. Лайза наслаждалась вниманием, она обожала волнующее предвкушение встречи и восхиительные новые романы. Мередит, наоборот, совершенно равнодушно относилась к своему успеху у мужчин. Хотя ей нравилось встречаться с мальчиками, ходить с ними на лыжные прогулки и танцы, свидания Мередит с юношами доставляли ей удовольствие, но отнюдь не вызывали того безумного волнения, на которое она рассчитывала.

И к поцелуям Мередит относилась равнодушно. Лайза относилась к этому за счет того, что Мередит, совершенно непонятно почему, идеализировала Паркера и теперь сравнивала с ним каждого мужчину, с которым была знакома. Конечно, это в какой-то мере объясняло безразличие Мередит, но, по правде говоря, беда крылась в том, что она с самого детства воспитывалась среди взрослых и росла под присмотром отца, властного, привыкшего к беспрекословному подчинению. И хотя с мальчиками из Личфилда было неплохо проводить время, она чувствовала себя гораздо старше их.

С юных лет Мередит твердо знала, что хочет получить диплом колледжа и занять подобающее ей место в компании отца. Парни из Личфилда, даже их старшие братья, казалось, не имели в жизни других интересов, кроме секса, спорта и выпивки. Для Мередит идея отдалиться какому-то мальчишке только для того, чтобы добавить свое имя к списку бенсонхерстских девственниц, побежденных учениками Личфилда, по слухам, висевшему в актовом зале школы, казалась не только бессмысленной, но и унижительной.

Когда-нибудь она встретит человека, которому захочет подарить себя, пусть это будет тот, кем Мередит восхищается, кому доверяет... Она желала нежности и понимания, романтики и любви. Любви, от которой ждала больше, чем просто интимных отношений и постели. Мередит представляла долгие прогулки по пляжу со сплетенными руками, разговоры обо всем, ночи, проведенные в беседах у камина, перед пылающим огнем. Мередит ждала, что будущий любовник станет поверять ей свои мысли, разделит мечты. И, думая об этом идеальном любовнике, она всегда мысленно видела Паркера.

За все годы, проведенные в Бенсонхерсте, Мередит довольно часто удавалось видеть Паркера во время каникул благодаря тому, что их семьи были членами загородного клуба «Гленмур». В традициях клуба было собирать своих членов на танцы и спортивные соревнования. Только несколько месяцев назад, когда Мередит исполнилось восемнадцать лет, девушке было позволено посещать балы и вечеринки для взрослых, но ей всегда удавалось воспользоваться любой возможностью, чтобы повидаться с Паркером. Каждое лето она приглашала его быть партнером на теннисных матчах между младшими и старшими. Он всегда любезно соглашался, хотя их неизменно разбивали наголову, в основном из-за того, что Мередит всегда невыносимо нервничала, чувствуя его присутствие.

Она пользовалась любыми уловками – убеждала отца устроить несколько вечерних приемов, на которые неизменно звала Паркера и его семью. Поскольку Рейнолдсы владели банком, где лежали средства компании «Бенкрофт», Паркер практически был обязан посещать эти приемы по деловым причинам и всегда оказывался соседом Мередит по столу.

На Рождество Мередит ухитрилась дважды очутиться под омелой², повешенной в фойе, когда Паркер и его родные приехали с ежегодным праздничным визитом к Бенкрофтам, и всегда отправлялась с отцом, когда приходило время отдать визит.

Ее уловка с омелой полностью удалась: именно Паркер стал первым в жизни мужчиной, поцеловавшим ее, и она жила этим воспоминанием до следующего Рождества, грезилась о его улыбке, ощущала запах одеколона, прикосновение губ.

Когда Паркер приходил к ужину, Мередит зачарованно слушала, как он рассуждает о банковских делах, и особенно любила прогулки после ужина, пока родители наслаждались выдержанным бренди. Во время одной из таких прогулок прошлым летом Мередит, к собственному стыду, обнаружила, что Паркер давно знает о том, что она увлечена им. Он начал с того, что спросил, часто ли она каталась на лыжах в Вермонте прошлой зимой, и Мередит рассказала забавную историю о прогулке с капитаном лыжной команды Личфилда. Закончив смеяться над поклонником, которому пришлось гнаться за ее лыжей по всему горному склону, что тот и сделал с присущей ему грацией и безупречной техникой, Паркер с шутливой серьезностью объявил:

– При каждой новой встрече ты становишься все красивее. По правде говоря, я всегда подозревал, что кто-нибудь обязательно займет мое место в твоём сердце, но никогда не думал, что это окажется какой-то спортсмен, который спасет твои лыжи. Знаешь, – пошутил он, – я уже привык быть твоим любимым романтическим героем.

Гордость и здравый смысл помешали Мередит выпалить, что Паркер все не так понял и никто не может занять его место; зрелость не по годам не позволила притвориться равнодушной к нему. И поскольку Паркера, очевидно, ничуть не расстроила ее воображаемая измена, Мередит попыталась спасти их дружбу и одновременно изобразить свою влюбленность в него чем-то забавным, не стоящим внимания, глупым эпизодом из прошлого.

– Так ты знал о моих чувствах? – выдавила она, стараясь улыбнуться.

– Конечно, знал, – кивнул он, улыбнувшись в ответ. – Я все боялся, что твой отец заметит и ворвется ко мне с пистолетом. Он очень оберегает тебя.

– Я это тоже заметила, – пошутила Мередит, хотя отношение к ней отца вряд ли могло служить предметом веселья, особенно сейчас.

Паркер рассмеялся над ее остроумным замечанием, но тут же, став серьезным, объявил:

– Пусть твоё сердце и принадлежит лыжнику, надеюсь, это не означает, что с нашими прогулками, обедами и теннисными матчами покончено. Я всегда прекрасно проводил с тобой время. Честное слово.

Они перешли к обсуждению планов дальнейшего обучения Мередит, ее поступления в колледж, намерений последовать примеру предков и когда-нибудь обязательно занять президентское кресло в фирме отца. Паркер, казалось, единственный понимал ее чувства, справедливость желания занять законное место в компании и искренне верил, что она добьется всего, если только пожелает.

И теперь, стоя в спальне, Мередит думала о том, как встретится с ним после целого года разлуки, и заранее пыталась привыкнуть к мысли, что Паркер навсегда останется для нее всего лишь другом. Конечно, сердце больно сжималось, но девушка была уверена в его дружбе, и это для нее тоже значило очень много.

Лайза отошла от шкафа с охапкой одежды в руках и швырнула все на постель, рядом с открытым чемоданом.

– Опять грезишь наяву о Паркере, – ехидно пропела она. – У тебя при этом всегда становится такая мечтательная физио...

² По старому обычаю мужчина на Рождество может поцеловать женщину, стоящую под омелой.

Она осеклась при виде Ника Терне, появившегося на пороге. За его спиной маячили двое друзей.

– Я говорил этим парням, – провозгласил он, показывая подбородком на приятелей, – что в этой комнате они увидят столько красоты, сколько не найдется во всем штате Коннектикут, но так как я оказался здесь первым, то право выбора принадлежит мне, и я выбираю Мередит!

Подмигнув Лайзе, Ник отступил.

– Джентльмены, – воскликнул он, делая широкий жест рукой, – позвольте мне представить вас красотке номер два.

Молодые люди со скучающе-дерзким видом, безупречно одетые, типичные представители «Айви Лиг»³, вошли в комнату, свысока взглянули на Лайзу и застыли на месте.

Мускулистый блондин первым пришел в себя.

– Вы, должно быть, Мередит, – сказал он Лайзе, и по расстроенному лицу было ясно: он считает, что Ник узурпировал лучшую девушку во всем Бенсонхерсте. – Я Крейг Хаксфорд, а это Чейз Вотье.

Он кивком показал на темноволосого юношу, смотревшего на Лайзу с видом человека, наконец-то обнаружившего совершенство.

Лайза, сложив руки на груди, с веселым изумлением разглядывала непрошенных гостей:

– Я не Мередит.

Их головы одновременно повернулись к противоположному углу комнаты, где стояла Мередит.

– Боже... – почтительно прошептал Крейг Хаксфорд.

– Боже, – вторил ему Чейз Вотье, вслед за приятелем переводя взгляд с одной девушки на другую.

Мередит прикусила губу, чтобы не рассмеяться при виде ошеломленных лиц. Лайза, подняв брови, сухо сказала:

– Когда вы, парни, покончите со своими молитвами, мы предложим вам кока-колу за то, что поможете стащить вниз все эти коробки.

Они улыбаясь шагнули вперед, но в этот момент в дверях появился Филип Бенкрофт, приехавший на полчаса раньше. Потемнев от ярости, он сверлил молодых людей злобным взглядом:

– Что здесь такое творится, черт возьми?

Все собравшиеся на миг оцепенели, но Мередит, немного опомнившись, попыталась вмешаться и исправить положение, представив молодых людей отцу. Не обращая внимания на дочь, он проревел:

– Убирайтесь вон!

Когда гости поспешили уйти, он набросился на девушек:

– Я думал, правила этой проклятой школы запрещают мужчинам, за исключением отцов, входить в здание!

Он не просто «думал», а твердо знал это. Два года назад Филип без предупреждения навестил дочь и, прибыв в студенческое общежитие в воскресенье, в четыре часа дня, застал группу мальчиков, сидевших в вестибюле, рядом с входной дверью. До этого дня молодым людям было позволено заходить в вестибюль по выходным, но с этой минуты в здание больше не допускался ни один представитель сильного пола. Филип собственной волей изменил правила, ворвавшись в кабинет директрисы и обвинив ее во всех грехах, от преступной небрежности до участия в развращении малолетних, угрожал уведомить всех родителей и отменить ежегодные пожертвования, которые делала его семья.

³ Студенты и выпускники старейших элитарных университетов Америки.

Теперь Мередит постаралась побороть бешенство и чувство униженности, вызванное несправедливой грубостью отца по отношению к ни в чем не повинным молодым людям, ничего не сделавшим, чтобы навлечь на себя такой взрыв ярости.

– Прежде всего, – спокойно возразила она, – школьный год окончился вчера, так что правила перестали действовать. Во-вторых, они всего-навсего пытались помочь нам снести вниз багаж, чтобы мы смогли уехать вовремя...

– У меня сложилось впечатление, – перебил отец, – что я приехал сегодня специально для того, чтобы выполнить всю работу. Именно поэтому и встал так рано...

Он оборвал свою тираду, услышав за спиной голос директрисы:

– Извините, мистер Бенкрофт, но вас срочно спрашивают по телефону.

Не успела за ним закрыться дверь, как Мередит рухнула на постель, а Лайза со стуком поставила на стол банку кока-колы.

– Не могу понять этого человека! – взорвалась она. – Он невозможен! Не позволяет тебе встречаться ни с одним парнем, которого не знал с пеленок, и отпугивает всех остальных! Подарил на шестнадцатилетие машину и не позволяет тебе садиться за руль! У меня четверо братьев, которые к тому же итальянцы, черт возьми, и все вместе они не так трясутся надо мной, как твой папаша! – Не обращая внимания на то, что еще больше подогревает гнев и раздражение подруги, Лайза уселась рядом и продолжала: – Мер, тебе нужно что-то предпринять, иначе это лето окажется куда хуже прошлого. Меня рядом не будет, так что тебе даже сбежать будет не к кому.

Преподаватели Бенсонхерста были так потрясены блестящими успехами и художественным талантом Лайзы, что наградили ее стипендией для полуторамесячного обучения в Европе. Лайза получила возможность выбрать город, наиболее подходящий для ее будущих планов, связанных с карьерой, и она остановилась на Риме, где и записалась на курсы дизайнеров по интерьерам.

Мередит устало прислонилась к стене.

– Я сейчас не так тревожусь за это лето, как три месяца назад.

Лайза знала, что подруга имеет в виду настоящую битву, которую вела с отцом за право поступать в колледж по своему желанию. Несколько колледжей предложили Лайзе стипендии, но она предпочла Северо-западный университет, потому что Мередит тоже намеревалась учиться там. Отец Мередит, однако, настаивал, чтобы дочь поступила в Мэривилль – колледж, который, по ее мнению, был всего-навсего чуть получше частного пансиона для благородных девиц в предместье Чикаго. Мередит пошла на компромисс, записавшись в оба колледжа, и была принята. Теперь она и отец зашли в тупик: никто не хотел уступить.

– Ты действительно считаешь, что сможешь отговорить его от намерения послать тебя в Мэривилль?

– Я туда не поеду!

– Ты знаешь это, и я знаю, но именно твой отец платит за обучение!

– Он согласится, – вздохнула Мередит, – я уверена. Отец слишком оберегает меня, но желает только добра и самого лучшего для меня, а школа бизнеса в Северо-западном университете самая лучшая. Диплом Мэривилля не стоит бумаги, на которой напечатан.

Гнев Лайзы сменился недоумением: она много лет знала Филипа Бенкрофта и все же отказывалась понимать.

– Ты, конечно, права, – согласилась она, – я признаю, что он не похож на большинство родителей, приславших сюда детей. По крайней мере ему есть до тебя дело. Звонит каждую неделю и приезжает на каждый школьный праздник.

Еще на первом курсе Лайза была потрясена, узнав, что родители остальных учениц жили собственной жизнью, не обращая внимания на детей, и дорогие подарки служили обычно заменой посещений, писем и звонков.

– Может, лучше мне поговорить с ним и убедить позволить тебе учиться в Северо-западном?

Мерedit метнула насмешливый взгляд на подругу:

– И чего, по-твоему, ты добьешься?

Лайза, нагнувшись, раздраженно поддернула носок и перевязала шнурки.

– Того же, что и в последний раз, когда я спорила с ним и приняла твою сторону: посчитает, что я оказываю на тебя дурное влияние.

Обычно, если не считать одного этого случая, Лайза, чтобы предотвратить катастрофу, вела себя с Филипом почтительно, как с почитаемым благодетелем, без помощи которого она никогда не поступила бы в Бенсонхерст. В его присутствии она всегда была олицетворенной вежливостью и женственностью – роль, настолько не соответствующая ее живой и мятежной натуре, что Лайза обычно донельзя раздражалась и нервничала, вызывая добродушный смех Мерedit.

Сначала Филип относился к Лайзе как к чему-то вроде найденыша, которому он покровительствует, но та удивила его, мгновенно освоившись в Бенсонхерсте. По мере того как шло время, он по-своему, без излишних слов и похвал, сдержанно показал, что гордится ею и, вероятно, даже чувствует некоторую привязанность. Родители Лайзы не могли позволить себе приезжать в Бенсонхерст, так что Филип взял на себя роль отца, приглашая Лайзу поужинать каждый раз, когда вел в ресторан Мерedit, и выказывая неподдельный интерес к ее успехам. Весной первого года обучения Филип дошел даже до того, что отдал секретарше распоряжение позвонить миссис Понтини и спросить, что та хочет передать Лайзе, когда он полетит в Вермонт на День родителей. Миссис Понтини с радостью приняла предложение и приехала провожать его в аэропорт, нагруженная большой белой кондитерской коробкой, полной итальянских пирожных, и пакетом из грубой бумаги, из которого выглядывали длинные, вкусно пахнущие батоны салями. Раздраженный тем, что пришлось садиться в самолет с таким неприличным грузом и, как позже Филип жаловался Мерedit, «выглядеть при этом словно грязный бродяга, решивший проехать в автобусе компании «Грейхаунд» без билета да еще и с коробкой для завтрака в руках», он тем не менее передал посылку Лайзе и с тех пор стал для нее чем-то вроде приемного отца.

Прошлым вечером в честь окончания школы он подарил Мерedit кулон из розового топаза с тяжелой золотой цепью от Тиффани. Лайзе он презентовал гораздо менее дорогой, но все же, несомненно, красивый золотой браслет с ее инициалами и датой, искусно выгравированными и вплетавшимися в общий узор. Браслет был тоже куплен у Тиффани.

Сначала Лайза совершенно терялась, не зная, как обращаться с ним, поскольку Филип был неизменно вежлив, но всегда держался несколько холодно и не выказывал своих чувств – так же, как относился и к Мерedit. Позже, поняв, что его поступки совершенно не соответствуют внешне бесстрастной и иногда грубоватой манере держать себя, Лайза жизнерадостно объявила Мерedit, что Филип, в сущности, добрый и милый плюшевый мишка, который только рычит, но не кусается!

Это полностью ошибочное заключение заставило ее позапрошлым летом попытаться вступить за Мерedit, когда Лайза *очень* вежливо и с самой милой улыбкой объявила, что, по ее мнению, Мерedit должна пользоваться немного большей свободой на каникулах. Реакция Филипа на то, что он назвал «неблагодарностью и вмешательством в чужие дела», была крайне бурной, и только искреннее раскаяние и немедленные извинения девушки помешали ему выполнить угрозу положить конец дружбе Лайзы и Мерedit и потребовать от администрации Бенсонхерста передать стипендию кому-нибудь «более заслуживающему» такой милости. Это столкновение потрясло Лайзу куда больше столь неожиданного взрыва бешенства. Из всего сказанного Филипом она справедливо предположила, что стипендия выплачивается из средств, пожертвованных семейством Бенкрофтов, и это открытие заставило Лайзу почув-

ствовать себя совершенным чудовищем, хотя сама ссора оставила в ней чувство гневного раздражения.

И теперь Лайза ощущала такую же бессильную ярость и недоумение оттого, что Мередит держат в такой железной узде, не давая ей ни малейших поблажек.

– Ты в самом деле искренне считаешь, что он разыгрывает роль сторожевой собаки только потому, что твоя мать ему изменила?

– Она не просто изменила, она была настоящей шлюхой, которая после свадьбы спала со всеми, от лошадиных тренеров до водителей грузовиков, намеренно сделала отца посмешищем и развлекалась с самыми подозрительными личностями, грязными ничтожествами. В прошлом году я спросила Паркера, и он рассказал все, что знал от своих родителей. Очевидно, всем было известно, какая она.

– Все это ты часто повторяешь, – горько бросила Лайза, – только я не понимаю, почему твой отец ведет себя так, словно отсутствие моральных устоев – это нечто вроде генетического порока, который ты можешь унаследовать.

– Он ведет себя так, – ответила Мередит, – потому что отчасти верит в это.

Обе виновато посмотрели на Филипа Бенкрофта, вошедшего в комнату. Один взгляд на мрачное лицо, и Мередит забыла о собственных проблемах.

– Что случилось?

– Утром умер твой дед, – угрюмо сообщил он. – Сердечный приступ. Пойду выпишусь из отеля и заберу свои вещи. Я купил себе и тебе билеты на самолет, вылетающий через час. – И, повернувшись к Лайзе, добавил: – Надеюсь, ты сможешь добраться домой на моей машине.

(Мередит, желая, чтобы Лайза вернулась с ними, уговорила отца ехать домой на машине, вместо того чтобы лететь.)

– Конечно, мистер Бенкрофт, – поспешно заверила Лайза. – И я очень сожалею о вашем отце.

После его ухода она взглянула на Мередит, тупо уставившуюся в пространство.

– Мер! С тобой все в порядке?

– Кажется, да, – сдавленным голосом ответила та.

– Твой дед – это тот, кто женился на собственной секретарше?

Мередит кивнула:

– Они не очень-то ладили с отцом. Я не видела деда с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать. Однако он звонил, обсуждал с отцом, как идут дела в магазине, говорил со мной. Он был... был... я любила его, – беспомощно заключила она. – И он тоже любил меня. – Она подняла на Лайзу затуманенные печалью глаза. – Если не считать отца, он был моим единственным близким родственником. И теперь остались лишь троюродные и четвероюродные братья, которых я даже не знаю.

Глава 7

Неловко переминаясь в фойе дома Филипа Бенкрофта, Джонатан Соммерс оглядывал толпы людей, которые, как и он сам, пришли предложить обязательные и необходимые утешения в день похорон Сирила Бенкрофта.

Джонатан остановил одного из официантов, разносивших спиртное, и быстро взял с подноса два стакана. Опрокинув порцию водки с тоником, он сунул первый стакан в большой горшок с декоративным папоротником, глотнул шотландского виски из второго и сморщил нос, поскольку это оказался не «Чивас Ригал». Водка в сочетании с джином, который он тянул из карманной фляги в машине, немного подкрепила его, и теперь Джонатан чувствовал, что почти готов выдержать утомительную похоронную церемонию. Рядом стояла крошечная пожилая женщина, опираясь на палку и с любопытством изучая его. Поскольку хорошие манеры требовали, чтобы он заговорил с соседкой, Джон завел то, что ему казалось вежливой беседой, подобающей столь печальному случаю.

– Ненавижу похороны, а вы? – осведомился он.

– Ну а мне они нравятся, – самодовольно объявила она. – В моем возрасте я считаю каждые похороны, которые посещаю, личным триумфом, потому что не я – почетный гость.

Джон проглотил смешок, потому что громкий хохот в столь тяжелый час будет серьезным нарушением этикета, который он привык соблюдать с самого детства. Извинившись, он поставил недопитый стакан на маленький столик и направился на поиски чего-нибудь получше. Оставшись одна, престарелая леди подняла стакан и слегка пригубила виски.

– Дешевое пойло, – с отвращением бросила она и поставила стакан на место.

Несколько минут спустя Джон заметил Паркера Рейнолдса, стоящего в алькове рядом с гостиной с двумя молодыми женщинами и мужчиной. Задержавшись у буфетной стойки, он взял очередной стакан со спиртным и подошел к друзьям.

– Блестящее собрание, не так ли? – заметил он, саркастически улыбаясь.

– А я думал, ты терпеть не можешь похороны и никогда на них не бываешь, – заметил Паркер после того, как все обменялись приветствиями.

– Совершенно верно. Я здесь не затем, чтобы оплакивать Сирила Бенкрофта, а для того, чтобы защитить собственное наследство.

Джон сделал большой глоток, пытаясь залить горечь, сжигавшую душу.

– Отец снова угрожает вычеркнуть меня из завещания и выгнать из дома, только на этот раз старый ублюдок, по-моему, не просто треплет языком.

Ли Эккермен, хорошенькая брюнетка с изящной фигурой, с веселым недоверием взглянула на него:

– Твой отец пообещал лишить тебя наследства, если не придешь на похороны?

– Нет, моя прелесть, отец пригрозил избавиться от меня, если не исправлюсь и немедленно не займусь чем-нибудь. Иными словами, это означает, что я обязан появляться на погребении старых друзей семьи, принимать участие в новом семейном бизнесе, иначе все эти чудесные денежки, которые накопил старый дурак, достанутся не мне.

– Печальная история, – кивнул Паркер, однако при этом язвительно улыбаясь. – И какое же новое предприятие ты имеешь в виду?

– Нефтяные скважины, – объяснил Джонатан. – Опять нефтяные скважины. На этот раз предок заключил договор с венесуэльским правительством на проведение там разведки.

Шелли Филмор посмотрелась в маленькое зеркало в позолоченной раме, висевшее за спиной Джона, и коснулась пальчиком уголка рта, стирая небольшой мазок ярко-красной губной помады.

– Только не говори, что он посылает тебя в Южную Америку.

– Нет, до этого он еще не дошел, – раздраженно фыркнул Джон. – Отец назначил меня на почетный пост начальника отдела кадров. Поручил нанимать рабочих и персонал. И знаете, что выкинул потом этот подонки?

Друзья Джона давно привыкли к его каждодневным обличениям отца, как, впрочем, и к беспорядочному пьянству, но все же терпеливо выслушали очередные жалобы.

– И что же он сделал? – осведомился Дуг Шелфон.

– Устроил мне проверку! После того как я выбрал пятнадцать здоровых опытных рабочих, старик настоял на том, чтобы встретиться с каждым из тех, с кем я беседовал лично, чтобы оценить мою способность выбирать людей. И подумать только, он выгнал половину тех, кого я нанял! Единственный, кто ему действительно понравился, был какой-то парень по имени Фаррел, сталеплавыльщик, именно тот, кого я не собирался брать на работу. Последний раз он видел нефтяную вышку два года назад, когда качал нефть на каком-то чертовом кукурузном поле в Индиане. Он и близко не подходил к большой вышке, такой, какие мы строим в Южной Америке. Кроме того, ему вообще наплевать на бурение. Единственное, что привлекает его, – сто пятьдесят тысяч долларов премии, которую он получит, если продержится там два года. Он так и заявил папаше прямо в лицо.

– Так почему же он его нанял?

– Сказал, что ему нравится стиль Фаррела, – ощерился Джон, опрокидывая стакан. – И то, что Фаррел собирается сделать со своей премией, когда получит ее. Дьявол, да я почти ожидал, что папаша передумает посылать Фаррела в Венесуэлу и вместо этого предложит ему мою должность. Так или иначе, мне приказано в следующем месяце отвезти его туда, познакомить с работой и показать местность.

– Джон, – спокойно заметила Ли, – ты опьянел и говоришь слишком громко.

– Прошу прощения, но мне два дня пришлось выслушивать, как папаша поет дифирамбы этому типу. Говорю же, Фаррел – дерзкий, высокомерный, наглый сукин сын! Ни денег, ни воспитания, а туда же, нос дерет!

– Звучит божественно, – пошутила Ли.

Видя, что остальные трое молчат, Джон, словно оправдываясь, продолжал:

– Если считаете, что я преувеличиваю, можно привести его Четвертого июля на танцы в загородный клуб, и тогда сами увидите, каким человеком, по мнению папаши, я должен стать.

– Не будь идиотом, – предостерегла Шелли. – Твоему отцу, может, и нравится Фаррел как работник, но он кастрирует тебя, если приведешь подобного гостя в «Гленмур».

– Знаю, – сухо усмехнулся Джон, – но оно того стоит.

– Только не вешай его на нас, если приведешь сюда, – предупредила она, обменявшись взглядами с Ли. – Мы не собираемся весь вечер развлекать какого-то литейщика или плавыльщика только потому, что тебе пришло в голову позлить отца.

– Без проблем! Предоставлю Фаррела самому себе, и пусть он корчится под взглядами папаши, соображая, какую вилку выбрать. В конце концов именно он велел «присмотреть» за Фаррелом и «показать тому ходы-выходы», пока парень болтается в Чикаго.

Паркер невольно хмыкнул при виде разъяренной физиономии Джона.

– По-моему, должен найтись более легкий способ решить твои проблемы.

– Есть, – согласился тот. – Найти богатую жену, которая будет содержать меня в том стиле, к которому я привык, и тогда уж можно будет спокойно послать папашу ко всем чертям.

Оглянувшись, он жестом подозвал хорошенькую девушку в униформе горничной, как раз пронесившую мимо поднос со спиртным. Она поспешила подойти, и Джон широко улыбнулся.

– Вы не только красавица, – заметил он, ставя на поднос пустой стакан и взяв полный, – но еще и спасли мою жизнь!

По тому, как горничная, вспыхнув, улыбнулась Джону, сразу стало ясно, что она не осталась равнодушной к привлекательному лицу и мускулистому, атлетически сложенному телу высокого молодого человека. Нагнувшись пониже, Джон театральным шепотом спросил:

– Признайтесь, вы служите горничной лишь для собственного развлечения или ваш отец на самом деле владеет банком или местом на бирже?

– Что? То есть нет, – пробормотала она, очаровательно смутившись.

Улыбка Джона стала поистине неотразимой.

– Никакого места на бирже? А как насчет фабрик и нефтяных скважин?

– Он... он водопроводчик, – выпалила девушка.

Улыбка Джонатана мгновенно померкла.

– Значит, о свадьбе не может быть и речи, – вздохнул он. – Существуют определенные финансовые и социальные требования, которым должна удовлетворять победительница конкурса претенденток на мою руку. Однако мы вполне могли бы стать любовниками. Давайте встретимся через час в моей машине. Красный «фerrари» у самого входа.

Девушка отошла с обиженным и одновременно заинтригованным видом.

– Это было особенно омерзительно с твоей стороны, – бросила Шелли, но Дуг Шелфон, подтолкнув приятеля локтем, хмыкнул:

– Готов поставить пятьдесят баксов, что девчонка уже будет сидеть в машине, когда ты соберешься уйти.

Джон повернул голову и уже хотел что-то ответить, когда его внимание внезапно отвлекла ослепительно-красивая блондинка в черном прямом платье с высоким воротом и короткими рукавами, спускавшаяся по лестнице в гостиную. Джон с отвисшей челюстью наблюдал, как она останавливается, чтобы поговорить с престарелой парой, и когда группа гостей перешла на другое место и загородила девушку, Джон наклонился вбок, пытаясь получше разглядеть ее.

– На кого ты смотришь? – удивился Дуг, пытаясь проследить за направлением его взгляда.

– Не знаю, кто она, но хотел бы выяснить.

– Где она? – спросила Шелли, и все вытянули шеи, пытаясь определить, кого он имеет в виду.

– Вон там! – протянул Джон руку со стаканом, как только толпа немного рассеялась.

Узнав девушку, Паркер победно усмехнулся:

– Все вы знаете ее сто лет, просто давно не видели.

Четверо недоумевающих приятелей безмолвно требовали ответа, и улыбка Паркера стала еще шире.

– Это, друзья мои, Мередит Бенкрофт.

– Да ты просто не в своем уме, – покачал головой Джон и пристально уставился на девушку, но, как ни пытался, не мог найти сходства между неуклюжей, некрасивой девчонкой и этой сдержанной, уверенной в себе красавицей. Куда делась детская полнота, очки, скобки и вечная заколка в прямых светлых волосах? Теперь бледно-золотые пряди были уложены в простой пучок, из которого выбивались локоны, обрамляя классически красивое лицо со скульптурными чертами. Мередит подняла голову, кивнула кому-то, стоящему рядом с приятелями Джона, и тот увидел ее глаза. Увидел через всю комнату эти огромные потрясающе прекрасные аквамариновые озера и внезапно припомнил, как они смотрели на него несколько лет назад.

Страшно измученная Мередит стояла не двигаясь, прислушиваясь к людям, что-то говорившим ей, улыбаясь, когда улыбались они, но никак не могла осознать жестокую реальность – дедушка умер и сотни людей, переходивших из комнаты в комнату, пришли сюда именно из-за него. Лишь потому, что она знала его не очень хорошо, мучительная грусть последних дней вскоре превратилась в тупую боль.

Она мельком увидела Паркера на кладбище и знала, что он сейчас где-то в доме, но поскольку гости собрались сегодня по столь печальному поводу, ей казалось неуместным и оскорбительным для памяти деда разыскивать молодого человека в надежде, что тот наконец обратит на нее внимание. Кроме того, Мередит немного устала оттого, что именно она должна постоянно разыскивать Паркера и приглашать куда-то, в конце концов, сейчас его очередь делать ход и как-то показать, что он заинтересован в ней.

И Паркер, словно угадав ее мысли, возник из ниоткуда. Мередит услышала до боли знакомый голос, шепчущий на ухо:

– Вон в том алькове стоит человек, угрожающий лишить меня жизни, если я не приведу тебя, чтобы он смог поздороваться и назначить свидание.

Мередит улыбаясь обернулась, положила ладони в протянутые руки Паркера и почувствовала, как слабеют ноги, когда он притянул ее к себе и поцеловал в щеку.

– Выглядишь настоящей красавицей, хотя и ужасно усталой. Как насчет того, чтобы пойти на прогулку, когда все разойдутся и с обменом любезностями будет покончено?

– Хорошо, – кивнула она, удивленная тем, что голос звучит ровно и спокойно.

Они направились к алькову, и Мередит оказалась в немного смешном положении – пришлось заново знакомиться с людьми, которых она знала много лет, теми, кто всегда вел себя так, словно она была невидимкой, но сейчас, казалось, с искренней радостью готовы были принять ее в свой круг. Шелли пригласила ее на вечеринку на следующей неделе, а Ли упрашивала сестру рядом на балу, который ежегодно давала Четвертого июля администрация загородного клуба «Гленмур».

Паркер нарочно представил Джона последним.

– Не могу поверить, что это вы, – пробормотал он заплетающимся языком, пьяно глотая слова, и, победно улыбнувшись, добавил: – Мисс Бенкрофт, я только что объяснял этим людям, что срочно нуждаюсь в красивой и богатой жене. Не согласитесь ли выйти за меня замуж в следующий уик-энд?

Отец Мередит несколько раз упоминал о бесконечных скандалах Джонатана с разочарованными в нем родителями. Мередит предположила, что неотложная необходимость срочно жениться на богатой красавице, вероятно, вызвана очередной ссорой, но ей почему-то стало смешно.

– Превосходно. Самая подходящая дата, – сообщила она, жизнерадостно улыбаясь. – Но к сожалению, отец пригрозил лишить меня наследства, если выйду замуж до окончания колледжа, так что придется жить с вашими родителями.

– Только не это, – вздрогнул Джонатан, и все, включая его самого, расхохотались.

Сжав локоть Мередит, Паркер спас ее от дальнейшей бессмысленной беседы, объявив:

– Мередит хочет немного подышать свежим воздухом. Мы идем гулять.

Выйдя из дома, они пересекли газон и медленно направились по подъездной дорожке.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Паркер.

– Все в порядке... просто немного устала.

В наступившем молчании Мередит, как всегда, лихорадочно пыталась придумать остроумную тонкую реплику, однако решила не мучиться и сказать что-нибудь попроще.

– Должно быть, многое случилось с тобой за последний год? – осведомилась она с искренним интересом.

Паркер кивнул и неожиданно объявил то, что Мередит меньше всего ожидала услышать:

– Ты будешь первой, кто поздравит меня. Сара Росс и я решили пожениться. Собираемся официально объявить о своей помолвке на вечере в субботу.

Все закружилось перед глазами девушки. Сара Росс! Мередит знала Сару и не любила ее. Хотя она была очень хорошенькой, живой и веселой, однако всегда казалась Мередит тщеславной и ограниченной.

– Надеюсь, ты будешь очень счастлив, – выговорила она вслух, старательно скрывая разочарование и сомнение.

– Я тоже на это надеюсь.

Еще с полчаса они гуляли по двору, беседуя о планах на будущее. Мередит неотступно, с чувством невозвратной потери думала все это время, какой Паркер прекрасный собеседник, внимательный, все понимающий и к тому же полностью поддерживает ее желание поступить в Северо-западный колледж вместо Мэривилля.

Они уже направлялись к дому, когда к дверям подкатил лимузин, откуда вышла эффектная блондинка в сопровождении двух молодых людей лет двадцати.

– Вижу, скорбящая вдова наконец-то решила показаться! – с необычным для него сарказмом пробормотал Паркер, глядя на Шарлотту Бенкрофт. В ее ушах горели и переливались огромные бриллианты, и, несмотря на простой серый костюм, она выглядела чувственно-соблазнительной.

– Ты заметила, она и слезинки не проронила на похоронах! Эта женщина напоминает мне чем-то Лукрецию Борджа!

Мередит немедленно согласилась со столь нелестной характеристикой:

– Она здесь не для того, чтобы принимать соболезнования. Хочет, чтобы завещание прочитали сегодня же, как только гости разойдутся, чтобы немедленно этим же вечером вернуться в Палм-Бич.

– Кстати, насчет «разойдутся». У меня через час деловое свидание.

Наклонившись, он по-братски чмокнул Мередит в щеку.

– Попрощайся за меня с отцом.

Мередит смотрела вслед Паркеру, уносившему с собой ее романтические девичьи мечты. Он открыл дверцу автомобиля, бросил темный пиджак на заднее сиденье и, подняв глаза, помахаивал ей рукой.

Отчаянно пытаясь не заикливаться на потере, Мередит вынудила себя подойти и поздороваться с Шарлоттой. Во время похоронной службы та ни разу не заговорила с Мередит и ее отцом, а просто с бесстрастным видом стояла между сыновьями.

– Как вы себя чувствуете? – вежливо спросила Мередит.

– Не терпится уехать отсюда, – ледяным тоном бросила женщина. – Как скоро мы сможем перейти к делу?

– В доме полно гостей, – объяснила Мередит, внутренне сжавшись от неоправданно резкого приема. – Вам придется спросить отца, когда вскроют завещание.

Шарлотта, уже поставившая ногу на ступеньку, обернулась с каменным лицом:

– Я слова не сказала Филипу с того дня в Палм-Бич. И заговорю лишь тогда, когда буду командовать парадом, а он станет умолять меня потолковать с ним. До этого времени вам, Мередит, придется исполнять роль переводчика.

Она вошла в дом; сыновья держались по обе стороны, как почетный караул.

Мередит смотрела Шарлотте в спину, потрясенная исходившей от нее ненавистью. Тот день в Палм-Бич, о котором упоминала Шарлотта, был по-прежнему так ясно жив в памяти девушки, словно это происходило вчера. Семь лет назад она с отцом прилетела во Флориду по просьбе деда, переехавшего туда после сердечного приступа. Приехав, они обнаружили, что приглашены не просто на уик-энд, а на свадьбу Сирила Бенкрофта с Шарлоттой, двадцать лет служившей у него секретаршей. В свои тридцать восемь она была на тридцать лет моложе жениха, да к тому же вдовой с двумя сыновьями-подростками немного старше Мередит.

Мередит никогда не понимала, почему Шарлотта и Филип так ненавидят друг друга, но из того немногого, что она услышала во время яростного спора между дедом и отцом, поняла, что неприязнь началась давно, когда Сирил еще жил в Чикаго. Филип, не стесняясь Шарлотты, назвал ее расчетливой интриганкой, амбициозной потаскухой, а отца – старым дураком, кото-

рого обманом и лестью принудили сделать предложение с тем, чтобы ее сыновья смогли заполучить часть денег Сирила.

В тот день Мередит в последний раз видела деда. Он продолжал контролировать все предприятия, кроме «Бенкрофт энд компани», управление которой целиком передал в руки сына. И хотя универмаг составлял менее четверти фамильного состояния, однако сам характер фирмы требовал постоянного и неусыпного внимания отца. В отличие от остальных обширных владений семьи магазин был гораздо большим, чем просто акционерным обществом, приносящим дивиденды, – он считался основой богатства Бенкрофтов и источником их неизменной гордости.

– Это последняя воля и завещание Сирила Бенкрофта, – начал поверенный деда, как только Мередит и Филип уселись в библиотеке рядом с Шарлоттой и ее сыновьями. Сначала шли суммы, завещанные благотворительным фондам, потом – слугам: по пятнадцать тысяч долларов шоферу, экономке, садовнику и сторожу.

Поскольку поверенный настоятельно потребовал присутствия Мередит, та предположила, что и ей отказаны какие-то небольшие деньги, но, несмотря на это, подпрыгнула от неожиданности, когда адвокат Уилсон Райли прочел:

– «Моей внучке, Мередит Бенкрофт, я завещаю четыре миллиона долларов».

Рот девушки открылся сам собой, и пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться на словах Райли.

– «Хотя время и обстоятельства помешали лучше узнать Мередит, во время нашей последней встречи мне стало очевидно, что она добрая и умная девочка, которая не растратит деньги зря. Чтобы помочь ей употребить их с пользой, я завещаю эти четыре миллиона с тем условием, чтобы они были положены на доверительный фонд вместе с процентами, дивидендами и т. п., пока она не достигнет возраста тридцати лет. Далее, я назначаю своего сына, Филипа Эдуарда Бенкрофта, ее попечителем и опекуном над указанными суммами».

Остановившись, чтобы откашляться, Райли перевел взгляд с Филипа на Шарлотту и ее сыновей и снова начал читать:

– «В интересах справедливости я разделил оставшееся имущество поровну между всеми наследниками. Моему сыну, Филипу Эдуарду Бенкрофту, я оставляю все акции и вложения в универмаг «Бенкрофт энд компани», что составляет приблизительно четверть всего состояния».

Мередит слушала, ничего не понимая. «В интересах справедливости» он оставляет сыну четверть состояния? Но если дед хотел разделить все поровну, его жена должна получить тоже четверть, а не оставшиеся три! Но тут же словно издалека до нее донеслись слова поверенного:

– «Моей жене Шарлотте и усыновленным по закону сыновьям Джейсону и Джоелу я завещаю остальные три четверти своего состояния в равных долях, с условием, что Шарлотта Бенсон станет попечительницей и опекуном над частями, принадлежащими Джейсону и Джоелу, пока оба не достигнут возраста тридцати лет».

Слова «усыновленным по закону» кинжалом вонзились в сердце Мередит, особенно когда она заметила выражение лица Филипа, потрясенного изменой. Он медленно повернул голову и уставился на Шарлотту. Та не мигая вернула его взгляд, растянув губы в улыбке злобного торжества.

– Ты хитрая сука, – процедил он. – Сказала, что заставишь его усыновить их, и добила своего!

– Я предупредила тебя тогда и предупреждаю сейчас, что счета еще не сведены, – ответила она, наслаждаясь его яростью. – Думай об этом, Филип. Лежи без сна по ночам, гадая, какой удар я нанесу следующим и что отниму у тебя. Лежи без сна, тревожась, мучаясь, совсем так, как заставил страдать меня восемнадцать лет назад.

Филип стиснул зубы с такой силой, что побелевшие скулы выступили буграми, но усилием воли удержался от ответа. Мередит отвела глаза от противников и посмотрела на сыновей Шарлотты. Лицо Джейсона было словно отражением материнского – такое же злобно-торжествующее. Джоел, уставясь в пол, хмурился.

– Джоел – слабак, – сказал когда-то Мередит отец. – Шарлотта и Джейсон – алчные барракуды, но по крайней мере мы хотя бы знаем, чего от них ожидать. От младшего же мальчишки, Джоела, мурашки по коже бегут – в нем есть что-то странное.

Словно почувствовав, что Мередит смотрит на него, Джоел поднял глаза, стараясь выглядеть при этом как можно более безучастным. Он не выглядел странным, и в нем, по мнению Мередит, не было ничего угрожающего. По правде говоря, во время последней встречи он выходил из себя, чтобы ей угодить. Тогда Мередит жалела его, потому что мать открыто предпочитала Джейсона, а тот, хотя и был года на два старше брата, не испытывал к нему ничего, кроме презрения.

И неожиданно Мередит почувствовала, что не может больше выносить угнетающей атмосферы этой комнаты.

– Прошу извинить меня, – сказала она адвокату, раскладывавшему на столе какие-то документы, – я подожду за дверями, пока вы закончите.

– Но вы должны подписать эти бумаги, мисс Бенкрофт.

– Подпишу позже, перед вашим уходом, когда отец их прочтет.

Вместо того чтобы подняться наверх, Мередит решила выйти во двор. Становилось темно, и она медленно сошла с крыльца, чувствуя, как холодный ветерок леденит щеки. За спиной открылась дверь, и девушка обернулась, думая, что адвокат хочет позвать ее, но это оказался Джоел, застывший на полпути, так же как она, испуганный этой встречей. Молодой человек колебался, словно хотел остаться, но не был уверен в дружеском приеме.

Мередит с детства вбивали в голову, что необходимо быть вежливой с гостями, и поэтому она попыталась улыбнуться:

– Правда, здесь хорошо?

Джоел кивнул, принимая невысказанное приглашение присоединиться к ней, и спустился с крыльца. В двадцать три года он был на несколько дюймов ниже младшего брата и не так привлекателен, как Джейсон. Джоел стоял, глядя на нее, словно не зная, что сказать.

– Вы изменились, – наконец выдавил он.

– По-видимому, да. В последний раз мы виделись, когда мне было одиннадцать лет.

– После того, что сейчас здесь произошло, и вы, должно быть, станете молить Бога о том, чтобы никогда больше в глаза нас не видеть.

Все еще немного ошеломленная условиями завещания деда и не в силах осознать, что они означают для отца, Мередит пожала плечами:

– Завтра я, видимо, так и буду думать. Но сейчас... я словно оцепенела.

– Я хотел бы, чтобы вы знали, – нерешительно начал он. – Не я замышлял лишить вас любви деда и украсть деньги вашего отца.

Мередит поняла, что не может ни простить его, ни осуждать за то, что отец потерял принадлежащие ему деньги. Вздохнув, она подняла глаза к небу:

– Что имела в виду ваша мать насчет сведения счетов с отцом?

– Известно только, что они ненавидели друг друга сколько я себя помню. Не имею ни малейшего понятия, с чего все началось, но, зная мать, могу с уверенностью сказать, что она не остановится, пока не утолит жажду мести.

– Боже, какой кошмар!

– Леди, – с холодной уверенностью бросил он, – все еще только начинается!

Озноб пробежал по спине Мередит при этом мрачном пророчестве. Она вгляделась в лицо Джоела, но тот просто поднял брови и отказался что-либо объяснить.

Глава 8

Мерedit выдернула из гардероба платье, которое намеревалась надеть на бал в честь Четвертого июля, швырнула его на постель и сняла купальный халат. Лето, начавшееся с похорон, стало непрерывной пятинедельной битвой между ней и отцом, битвой, которая накануне переросла в настоящую войну. Они никак не могли договориться насчет колледжа. Раньше Мерedit всегда из кожи вон лезла, чтобы угодить отцу. Даже когда тот был чрезмерно строг, она говорила себе, что все это лишь доказательство любви отца; если Филип вел себя грубо, убеждала себя, что он устал от работы; но теперь, обнаружив, насколько деспотически отец вмешивается в ее жизнь, не считаясь с желаниями дочери, не собиралась отказываться от своей мечты, лишь бы угодить ему.

С самого раннего детства Мерedit предполагала, что когда-нибудь получит возможность последовать примеру предков и занять законное место в компании. Каждое последующее поколение мужчин Бенкрофтов поднималось шаг за шагом в иерархии фирмы, начиная с заведующего отделом, ступенька за ступенькой делая карьеру, пока не становились вице-президентами, а позже президентами и главами корпорации.

Наконец, когда они были готовы удалиться от дел, передавали бразды правления сыновьям, а сами становились председателями совета директоров. Все шло по заведенному порядку вот уже почти сто лет, и за все это время ни служащие, ни пресса ни разу не осуждали Бенкрофтов за некомпетентность, не намекали, что они не заслуживают столь высоких должностей. Мерedit верила, знала, что может стать достойной преемницей отца, если получит такую возможность. Все, чего она ожидала и хотела, – подходящего шанса. Но отец не желал дать его Мерedit лишь потому, что она имела несчастье родиться дочерью, а не сыном.

Доведенная едва ли не до слез, Мерedit натянула платье, завела руки за спину и попыталась застегнуть молнию, одновременно подходя к туалетному столику и глядя в зеркало. Девушка без всякого интереса рассматривала короткое вечернее платье без бретелек, купленное за несколько недель специально для этого случая. Корсаж был разрезан по бокам, подхватывая груди, как саронг: многоцветный шифон пастельных тонов, словно неяркая радуга, сужался у талии и легким вихрем ниспадал до колен.

Подняв щетку, она провела по длинным волосам и, не желая делать сложную прическу, откинула их с лица, свернула узлом и вытянула несколько длинных, ложившихся на уши прядей, чтобы смягчить общий эффект. Идеальным украшением для такого платья мог бы послужить кулон из розового топаза, но отец сегодня вечером тоже будет в «Гленмуре», и Мерedit не желала доставить ему удовольствие видеть на ней эту драгоценность. Вместо этого она надела затейливые золотые серьги, усаженные розовыми камнями, переливавшимися и сверкавшими в электрическом свете, но кроме них – ни одного украшения. Прическа придавала ей элегантный вид, а золотистый загар чудесно контрастировал со светлыми тонами платья, но будь это не так, Мерedit не расстроилась бы и не подумала переодеться в другой наряд. Ей действительно было безразлично, как она выглядит, и решение ехать на бал пришло лишь потому, что Мерedit не могла вынести мысли о том, чтобы остаться сегодня дома в одиночестве и медленно сходить с ума от раздражения и тоски. Кроме того, она обещала Шелли Филмор и друзьям Джонатана, что присоединится к ним.

Она уселась за столик, натянула туфли из розового муара на высоких каблуках в тон платью, а когда выпрямилась, случайно взглянула на висевший в рамке журнал «Бизнес уик», на обложке которого была фотография универмага Бенкрофтов со швейцаром в униформе, стоявшим у дверей. Четырнадцатизэтажное здание стало эмблемой и приметой Чикаго, а швейцар – символом неустанного стремления Бенкрофтов как можно лучше обслужить посетителей. В журнале была помещена также восторженная статья о магазине, где говорилось, что этикетка с

именем «Бенкрофт» стала признаком определенного общественного статуса, а затейливое «Б» на пластиковом пакете с покупкой – характеристикой придирчивого покупателя с прекрасным вкусом. В статье также рассказывалось о чрезвычайной компетентности наследников семьи Бенкрофтов, необыкновенном умении разбираться в бизнесе, которому они посвящали жизнь, и что талант и любовь к розничной торговле передавались в генах от поколения к поколению Бенкрофтов еще со времен основателя фирмы Джеймса Бенкрофта.

Когда журналист, интервьюировавший отца Филипа, спросил об этом, тот рассмеялся и ответил, что все возможно. Он добавил, однако, что именно Джеймс Бенкрофт установил традицию, передающуюся от отца к сыну, – традицию тренировки и обучения наследника с самого детства, с того времени, когда ребенок становился достаточно взрослым, чтобы обедать с родителями. За столом отец начинал с того, что рассказывал наследнику обо всем происходившем в магазине. Для ребенка эти истории становились чем-то вроде сказки, рассказанной на ночь. Постепенно возрастали волнение и желание узнать, что будет дальше, незаметно накапливались знания. Накапливались и впитывались. Позже обсуждались проблемы попроще и предлагалось найти способ выйти из положения. Отцы внимательно выслушивали отпрысков, пусть даже те оказывались не правы. Но ведь не решение проблемы было главной целью. Самым главным считалось научить, ободрить и возбудить интерес.

В конце статьи автор спрашивал Сирила о преемниках, и, думая об ответе дедушки, Мередит всегда ощущала ком в горле:

– Мой сын уже унаследовал должность президента. У него один ребенок, и, когда придет время занять кресло отца, не сомневаюсь, что Мередит с честью выполнит свой долг. Я хочу лишь дожить до того, чтобы увидеть это своими глазами.

Мередит знала, что, если отец настоит на своем, ей никогда не видеть президентского поста в фирме, и хотя он всегда обсуждал дела с дочерью, совсем как его отец когда-то, тем не менее был непреклонен в своем нежелании видеть ее на должности хотя бы начальника отдела. Она поняла это как-то за ужином, вскоре после похорон деда. В прошлом Мередит не раз упоминала о намерении следовать традиции и занять свое место в фирме, но отец либо не слушал, либо не верил ей. Однако в тот вечер он впервые принял ее слова всерьез и с безжалостной откровенностью сообщил, что не желает и не думает о том, что она пойдет по его стопам. Эту привилегию он оставлял для будущего внука. Потом Филип холодно ознакомил дочь с еще одной традицией, о которой ей ничего не было известно. Женщины семьи Бенкрофтов не работали в магазине и вообще нигде не работали. Их долг – быть примерными женами и матерями и посвящать оставшееся время благотворительным и общественным делам.

Но Мередит не собиралась смириться с этим, не могла, по крайней мере сейчас. Задолго до того, как она влюбилась в Паркера или думала, что влюбилась, другое, более сильное чувство владело сердцем – настоящая любовь к «ее» магазину. Уже в шесть лет она была в дружеских отношениях со всеми швейцарами и охранниками, в двенадцать знала имена и обязанности всех вице-президентов, в тринадцать попросила отца взять ее в Нью-Йорк, где провела день в огромном универмаге Блумингдейла, переходя из отдела в отдел и знакомясь с работой прекрасно отлаженного механизма, пока отец был на совещании в конференц-зале. Уезжая из Нью-Йорка, она уже имела собственное мнение, хотя и не очень верное, насчет того, почему «Бенкрофт» гораздо лучше «Блуми».

Теперь, в восемнадцать, она уже имела представление о проблемах компенсации работникам, принципах закупки товара, коэффициенте доходности и об ответственности за качество продаваемого товара. Все эти вещи неотразимо притягивали ее, именно это она *хотела* изучать и не собиралась провести следующие четыре года, постигая романские языки и искусство Возрождения.

Когда Мередит сказала об этом отцу, тот с такой силой ударил кулаком по столу, что подпрыгнули тарелки:

– Ты поступишь в Мэривилль, где учились обе твои бабки, и станешь жить дома. Дома! Ясно? Разговор окончен!

Он отшвырнул стул и ушел.

Ребенком Мередит из кожи вон лезла, чтобы сделать ему приятное и угодить оценками, манерами, послушанием. Говоря по правде, она была идеальной дочерью. Теперь же, однако, приходилось признать, что цена мира и покоя в доме становилась слишком высокой, и от Мередит требовалось полностью отказаться от планов на будущее и подчинить собственную индивидуальность несправедливым требованиям, не говоря уже о том, чтобы пожертвовать общественной жизнью. Его бессмысленный отказ позволить дочери встречаться с мужчинами или ходить на вечеринки не был сейчас основной проблемой для Мередит, однако этим летом стал причиной разногласий и бесконечного стыда и смущения. Теперь, когда Мередит исполнилось восемнадцать, отец, вместо того чтобы смягчиться, казалось, с каждым днем становился все строже. Если Мередит назначала кому-то свидание, Филип лично встречал молодого человека у двери, подвергал бесконечному перекрестному допросу и обращался с ним при этом с оскорбительным пренебрежением, обычно приводившим к тому, что тот никогда и никуда не приглашал больше Мередит. Кроме того, он установил смехотворное правило, по которому дочь должна была возвращаться домой не позже полуночи. Если Мередит ночевала у Лайзы, он обязательно изобретал причину, чтобы позвонить и убедиться, что она именно там. Когда дочь отправлялась покататься на машине, отец требовал подробного отчета о том, куда она поедет, а по возвращении домой Мередит должна была рассказать, что делала каждую минуту. И все эти годы, проведенные в закрытых школах, отличавшихся строжайшими правилами, девушка мечтала ощутить на губах вкус свободы. Сама мысль о том, что придется четыре года провести дома, под бдительным оком отца, была невыносимой.

Но до сих пор она никогда не думала о том, чтобы взбунтоваться, потому что любой мятеж только подливал масла в огонь. Отец ненавидел, когда ему перечили, и, рассердившись, был способен неделями не разговаривать с дочерью. Но не только боязнь его гнева заставляла Мередит беспрекословно слушаться отца. Прежде всего она все сделала бы, чтобы заслужить его одобрение, и, во-вторых, понимала, как, должно быть, унизила его распушенность матери и последовавший за этим скандал. Рассказав ей обо всем, Паркер добавил, что отец чрезмерно оберегает ее лишь потому, что боится потерять, ведь у него больше никого не осталось, и, кроме того, смертельно опасается, что какой-нибудь неосторожный поступок дочери пробудит к жизни старые слухи и сплетни о поведении матери.

Мередит не особенно понравилось последнее замечание Паркера, но она хотела понять отца и провела пять недель, пытаясь объяснить с ним. Потерпев неудачу, девушка начала спорить, горячиться и вчера дело дошло до настоящего сражения, первого в их жизни. Из Северозападного университета пришел счет за обучение, и Мередит отнесла его в кабинет к отцу, спокойно и тихо объявив:

– Я не собираюсь в Мэривилль. Поступлю в Северо-западный и получу диплом, который действительно чего-то стоит.

Она вручила отцу счет, но он отбросил тонкий листок бумаги и посмотрел на дочь с таким выражением, от которого желудок свело судорогой.

– Неужели? – процедил он язвительно. – И каким же образом ты собираешься платить за обучение? Я уже сказал, что не дам ни гроша, и до тридцати лет ты не имеешь права ни цента тронуть из наследства. Теперь уже слишком поздно пытаться получить стипендию, и банк не даст тебе кредита, так что можешь позабыть о своих дурацких идеях. Будешь жить дома и учиться в Мэривилле. Ты поняла меня, Мередит?

Годами подавляемая неприязнь наконец вырвалась наружу:

– Ты совершенно нелогичен! Почему не можешь рассуждать спокойно? Пойми же и меня! – вскричала она.

Филип намеренно медленно встал, резанув дочь разъяренно-презрительным взглядом.

– Я прекрасно понял. Понял, что существуют вещи, которыми ты хочешь заняться, люди, с кем ты желаешь встречаться, хотя великолепно сознаешь, что я не одобряю всего этого. Именно потому и желаешь отправиться в другой город, учиться в большом университете и жить в кемпусе! Что больше всего привлекает тебя, Мередит? Возможность жить в общежитиях, где полно парней, так и норовящих забраться в твою постель? Или...

– Ты просто болен! Обезумел!

– А ты – точная копия матери! У тебя есть все самое лучшее, а ты только и ждешь возможности завалиться в постель со всякой швалью...

– Будь ты проклят! – взорвалась Мередит, потрясенная силой собственной неудержимой ярости. – Я никогда не прощу тебе это! Никогда!

Повернувшись, она устремилась к двери.

За спиной раздался громовой голос:

– Куда это ты бежишь, черт побери?!

– Ухожу! – бросила она, не оборачиваясь. – И запомни, к полуночи я не вернусь! Хватит с меня запретов!

– Немедленно вернись! – завопил он. Но Мередит, не обращая на него внимания, пересекла холл и вышла на улицу. Ее ярость лишь усиливалась, пока она садилась в белый «порше», подаренный отцом к шестнадцатилетию. Отец окончательно спятил! Просто сошел с ума!

Мередит провела вечер с Лайзой и намеренно оставалась у нее до трех ночи. Отец ожидал ее в фойе, меряя пол широкими шагами. Он ревел, говорил гадости, сыпал ругательствами, и хотя у Мередит разрывалось сердце, она не позволила унизить себя и испугаться его гнева. Девушка выдержала словесную атаку, и с каждым жестоким словом решимость противостоять отцу лишь усиливалась.

Защищенный от незваных гостей и зевак высоким железным забором и охранником на входе, загородный клуб «Гленмур» располагался на десятках акрах изумрудных газонов, засаженных цветущими кустами и цветочными клумбами. Длинная извилистая подъездная дорожка, освещенная изящными фонарями, обсаженная величественными дубами и кленами, вела к парадной двери клуба и снова сворачивала у шоссе. Сам клуб, трехэтажное здание неопределенного стиля из белого кирпича, с толстыми колоннами, украшавшими широкий фасад, был окружен двумя полями для гольфа и многочисленными теннисными кортами. С обратной стороны стеклянные двери вели на живописные террасы, уставленные столиками под зонтиками и деревьями в горшках. Каменные ступеньки спускались с самой низкой террасы к двум бассейнам олимпийского размера. Сегодня, однако, бассейны были закрыты для купающихся, но на шезлонгах оставили мягкие ярко-желтые подушки для тех, кто хотел бы смотреть фейерверк полулежа или отдохнуть между танцами, когда оркестр выйдет играть на улицу.

Сумерки начали сгущаться, когда Мередит въехала в ворота, где служители помогали гостям выйти из машин. Она подкатила к переполненной автостоянке и поставила машину между сверкающим новым «роллс-ройсом», принадлежавшим богатому владельцу текстильной фабрики, и восьмилетней давности «шевроле», хозяин которого был куда более богатым финансистом.

Обычно полутьма всегда поднимала настроение Мередит, но сегодня, выйдя из машины, она по-прежнему была раздражена и расстроена, мысли блуждали где-то далеко. Кроме одежды, ей нечего продать, чтобы заплатить за учебу. Машина куплена на имя отца, и наследство под его контролем. На счете в банке у Мередит было ровно семьсот долларов и ни цента больше. Мучительно пытаясь найти решение, она медленно направилась к парадному входу клуба.

В такие вечера, как этот, охранники клуба и телохранители выполняли еще обязанности служителей автостоянки. Один из них поспешил взбежать на крыльцо, чтобы распахнуть перед ней дверь.

– Добрый вечер, мисс Бенкрофт, – поздоровался он, блеснув неотразимой улыбкой. Мускулистый, красивый, хорошо сложенный студент из университета штата Иллинойс, он подрабатывал здесь летом. Мерedit знала это, потому что молодой человек сам рассказал обо всем, когда она пыталась загорать здесь на прошлой неделе.

– Привет, Крис, – рассеянно бросила она.

Кроме праздника Четвертого июля, Дня независимости, отмечалось также основание «Гленмура», и в клубе то и дело слышались веселый смех и разговоры, а члены клуба с коктейлями в руках, одетые в смокинги и вечерние платья, обязательные наряды для двойного праздника, переходили из комнаты в комнату. Интерьер «Гленмура» был куда менее впечатляющим и элегантным, чем в других, более новых клубах в окрестностях Чикаго. Восточные ковры, покрывавшие натертые деревянные полы, выцвели, а прочная старинная мебель создавала атмосферу скорее пуританского, несколько скучноватого довольства и покоя, чем роскоши и блеска. В этом «Гленмур» был похож на большинство первоклассных загородных клубов страны.

Старый и чрезвычайно эксклюзивный, он гордился тем, что престиж и недоступность, вызывавшие горячее стремление попасть в него, зависели не от мебели или удобств, а от статуса членов. Одно лишь богатство не могло стать гарантией столь желанного членства в клубе, если только не было подкреплено определенным положением в высших слоях чикагского общества. В тех редких случаях, когда кандидат удовлетворял этим двум требованиям, от него все же требовалось получить единодушное одобрение всех четырнадцати членов приемного комитета «Гленмура», прежде чем подать заявление о приеме. Эти строгие правила позволили за последние несколько лет положить конец притязаниям нескольких внезапно разбогатевших предпринимателей, бесчисленных врачей, игроков бейсбольных команд, десятка конгрессменов и члена Верховного суда штата.

На Мерedit, однако, не производили впечатления ни замкнутость клуба, ни его члены. Они были просто знакомыми лицами, многих она хорошо знала, других встречала лишь мельком. Шагая по коридору, она механически улыбалась знакомым, заглядывая в различные комнаты в поисках людей, с которыми обещала встретиться. Одна из столовых была на этот вечер превращена в казино, в двух остальных устроили роскошный буфет. Везде толпились люди. Ниже, на первом этаже, в главном банкетном зале, настраивал инструменты оркестр, и, судя по страшному шуму, доносившемуся оттуда, Мерedit предположила, что и там полно народа.

Проходя мимо карточной комнаты, она осторожно заглянула туда. Отец был заядлым игроком, как, впрочем, и большинство собравшихся в этой комнате, но ни его, ни компании Джона здесь не было. Мерedit обошла весь этаж и наконец решила заглянуть в главный салон.

Несмотря на огромные размеры салона, обстановка создавала атмосферу уюта. Вокруг низких столов расставлены мягкие кресла и диваны, а свет медных бра был приглушен, и мягкое сияние переливалось на панелях старого дуба. Обычно высокие стеклянные двери в глубине салона были закрыты тяжелыми бархатными шторами, но сегодня их распахнули, чтобы гости могли выйти на узкую веранду, где тихо наигрывал оркестр. Стойка бара шла слева, по всей длине комнаты, и бармены суетились, обслуживая гостей. Сегодня здесь тоже было полно народа, и Мерedit уже хотела повернуться и направиться к ведущей наверх лестнице, но в этот момент заметила Шелли Филмор и Ли Эккермен, которые сегодня звонили и напоминали, что ждут ее вечером. Девушки стояли в дальнем конце бара, вместе с несколькими приятелями Джонатана и немолодой парой, в которой Мерedit, хотя и с некоторым опозданием, узнала мистера и миссис Рассел Соммерс, – дядю и тетку Джонатана. Мерedit подошла к ним и мгновенно застыла при виде отца, стоявшего слева в обществе каких-то людей.

– Мередит! – воскликнула миссис Коммерс, когда девушка поздоровалась со всеми. – Мне ужасно нравится твое платье. Где ты его раздобыла?

Мередит пришлось оглядеть себя, чтобы вспомнить, что на ней надето.

– Купила в «Бенкрофт».

– Где же еще? – поддразнила Ли.

Мистер и миссис Коммерс отвернулись, чтобы поговорить с другими гостями, а Мередит не спускала глаз с отца, надеясь, что сегодня у того хватит здравого смысла держаться от нее подальше. Несколько мгновений она не шевелилась, чувствуя, как его присутствие совершенно выводит ее из себя, но тут до девушки внезапно дошло, что даже этот вечер отец ухитрился испортить! Мередит тут же рассерженно решила показать ему, что у него ничего не выйдет и, следовательно, она еще окончательно не побеждена.

Девушка громко заказала коктейль с шампанским, ослепительно улыбнулась Дугу Шелфону, блестяще притворяясь, что зачарованно прислушивается к каждому его слову.

На улице в это время сгустились сумерки, в комнатах голоса становились все громче, в прямой пропорции с количеством поглощаемого спиртного, а Мередит, рассеянно пригубив вторую порцию коктейля, размышляла, не стоит ли поискать работу и поставить отца перед свершившимся фактом как перед очередным доказательством решимости поступить в хороший колледж. Случайно взглянув в зеркало за стойкой бара, Мередит встретила взгляд отца, смотревшего на нее с холодным неудовольствием. Интересно, что он не одобряет на этот раз? Платье без бретелек или скорее всего внимание, которое уделяет ей Дуг Шелфон. Вряд ли дело в бокале с шампанским, который она держит в руке. С самого раннего детства от Мередит требовалось говорить и вести себя как взрослой, в двенадцать лет отец разрешил ей оставаться за столом, когда к ужину приглашались гости. К тому времени, когда девушке исполнилось шестнадцать, она уже давно выполняла роль хозяйки дома и пила вино, хотя, конечно, совсем немного.

Стоявшая рядом Шелли Филмор напомнила, что пора идти в столовую, иначе они рискуют потерять заранее зарезервированный столик, и Мередит, мысленно встряхнувшись, повторила свою клятву хорошенько повеселиться сегодня.

– Джонатан сказал, что присоединится к нам за ужином, – добавила Шелли. – Кто-нибудь видел его?

Она вытянула шею, рассматривая быстро редющую толпу: многие из собравшихся тоже вспомнили об ужине.

– Господи, – выдохнула она, уставясь на распахнутые двери. – Кто это?! Фантастика! Совершенно великолепен!

Неуместно-восторженное замечание, прозвучавшее гораздо громче, чем рассчитывала Шелли, вызвало некоторый интерес среди гостей, и сразу несколько голов повернулось в ту сторону.

– О ком ты говоришь? – удивилась Ли, пытаясь понять, в чем дело.

Мередит, стоявшая лицом к выходу, подняла глаза и сразу поняла, *кто* был причиной этого благоговейного и одновременно алчного выражения, ясно читавшегося на лице Шелли. На пороге, небрежно сунув правую руку в карман брюк, стоял мужчина, настоящий гигант, ростом не менее шести футов двух дюймов, с волосами почти такими же темными, как смокинг, облегавший словно вторая кожа широкие плечи. На бронзовом от загара лице резким контрастом выделялись светлые глаза, и, пока он не двигался с места, лениво изучая элегантно одетых гостей «Гленмура», Мередит не переставала удивляться, почему Шелли назвала его «великолепным». Черты его лица были словно высечены из гранита неизвестным скульптором, задавшимся целью изобразить не мужскую красоту, а грубую силу и примитивную, почти первобытную, энергию... Квадратный подбородок, прямой нос – олицетворение стальной решимости и неукротимого характера.

Мерedit он показался гордым, высокомерным и упорным. Ее никогда не привлекали подобные мужчины, стремившиеся навязать всем и каждому свою волю.

– Взгляните на эти плечи, – продолжала восторгаться Шелли. – На лицо! Вот это, Дуглас, и есть настоящая сексапильность в чистом виде!

Дуглас пригляделся к незнакомцу и, улыбаясь, пожал плечами:

– На меня он не производит столь сильного впечатления. – И, обернувшись к соседу, спросил: – Ну а ты, Рик? Он тебя возбуждает?

– Не узнаю, пока не увижу его ноги, – пошутил Рик. – Обожаю хорошенькие ножки, поэтому меня скорее заводит Мерedit!

В этот момент в дверях появился Джонатан, уже немного нетвердо державшийся на ногах, и, обняв незнакомца за плечи, оглядел комнату. Мерedit заметила торжествующую ухмылку, адресованную приятелям, и немедленно поняла, что он уже полупьян, однако была полностью сбита с толку оглушительным хохотом Ли и Шелли.

– О нет, – простонала Ли, в комическом ужасе переводя взгляд с Шелли на Мерedit. – Только не говорите, что этот великолепный образец мужчины и есть тот рабочий, кого нанял Джонатан!

Дуг, в свою очередь, взорвался смехом, заглушив слова Ли, и Мерedit наклонилась ближе к приятельнице:

– Прости... я не расслышала.

Быстрым шепотом, торопясь договорить, прежде чем подойдут мужчины, Ли объяснила:

– Это тот плавильщик из Индианы, о котором говорил Джонатан! Отец заставил его нанять парня для работы на буровой вышке в Венесуэле.

Не понимая причин столь внезапного веселья, Мерedit недоумевающе спросила:

– Но зачем было приводить его сюда?

– Это шутка, Мерedit! Джон сердит на отца, потому что тот вынудил его взять на работу этого парня, да еще и ставит в пример сыну! Джон привел этого типа сюда, чтобы насолить отцу, ну знаешь, заставить их встретиться неофициально, в обществе. Но самое смешное в том, что тетя Джонатана сказала, будто его родители в последнюю минуту решили не ехать на бал, а провести вместо этого уик-энд в загородном доме.

Слишком громкое, хотя и невнятное приветствие Джонатана заставило всех стоявших рядом, в том числе и отца Мерedit, обернуться и с негодованием взглянуть на молодого человека.

– Привет всем! – заорал он, широко разводя руки. – Как поживаете, тетя Гарриет и дядя Рассел? – И, уверившись, что наконец привлек всеобщее внимание, объявил: – Познакомьтесь с моим приятелем, Мэттом Террелом... то есть Фаррелом!

Он осекся, икнул и широко улыбнулся:

– Тетя Гарриет, дядя Рассел, поздоровайтесь с Мэттом! Новейший пример для подражания, по мнению отца! Он считает, что именно таким я должен стать, когда вырасту!

– Рада видеть вас, – вежливо ответила тетка Джонатана и, отводя ледяной взгляд от пьяного племянника, попыталась сделать над собой усилие и проявить нечто вроде гостеприимства к человеку, которого тот привел с собой. – Откуда вы приехали, мистер Фаррел?

– Индиана, – коротко ответил тот.

– Индианаполис? – нахмурилась Гарриет. – Боюсь, мы не знакомы с Фаррелами из Индианаполиса.

– Я не из Индианаполиса. И убежден, что вы не знаете мою семью.

– Из какого же вы города? – резко вмешался отец Мерedit, готовый подвергнуть допросу и устроить любого мужчину, который близко подойдет к дочери.

Мэтт Фаррел повернулся, и Мерedit с тайным восторгом увидела, как он не моргнув глазом сдержал уничтожающий взгляд Филипа:

– Эдмунтон, к югу от Гери.

– И чем вы там занимаетесь? – грубо спросил Филип.

– Работаю на сталелитейном заводе, – хладнокровно бросил Мэтт, ухитряясь при этом выглядеть таким же высокомерно недоступным, как Филип Бенкрофт.

Ответом на это признание послужило всеобщее молчание. Несколько пожилых пар, стоявших в стороне в ожидании тети и дяди Джонатана, неловко переглянулись и поспешили отойти. Миссис Коммерс, очевидно, решила сделать то же самое и как можно скорее.

– Желаю приятно провести время, мистер Фаррел, – сухо процедила она и вместе с мужем направилась в столовую.

Неожиданно все пришло в движение.

– Ну что ж, – жизнерадостно объявила Ли Эккермен, оглядывая членов компании, всех, за исключением Мэтта Фаррела, стоявшего немного в стороне. – Пойдемте ужинать!

Взяв Джона под руку, она повернулась к двери и намеренно громко заметила:

– Я зарезервировала стол на девять человек!

Мерedit быстро подсчитала – вместе с Мэттом их было десять. Парализованная отвращением к Джонатану и его друзьям, она не тронулась с места. Отец увидел, что дочь находится почти рядом с Фаррелом, и, шагнув к Мерedit, больно сжал ее локоть.

– Избавься от него, да побыстрее! – рявкнул Филип достаточно громко, чтобы Мэтт слышал, и с разгневанным видом почти вылетел из комнаты. Мерedit, проводив его взглядом, посмотрела на Мэтта, не совсем представляя, что будет делать. Мэтт повернулся к высокой стеклянной двери и разглядывал веселящихся людей с отчужденным безразличием человека, знающего, что он нежеланный гость, и намеревался вести себя так, словно предпочитает, чтобы его оставили в покое.

Даже не скажи Мэтт, что работает на заводе, Мерedit с первого взгляда поняла бы, что он здесь чужак. Прежде всего смокинг слишком тесно облегал широкие плечи, словно был с чужого плеча, скорее всего взят напрокат. Да и сам Фаррел не разговаривал с врожденной уверенностью члена общества, ожидавшего теплого приема везде, куда бы он ни попал. Более того, в манерах чувствовался отчетливый недостаток воспитания – едва заметная резкость и неловкость, интриговавшие и отталкивавшие ее одновременно.

Учитывая все это, было удивительно, что он внезапно напомнил Мерedit ее самое. Но так и было. Девушка смотрела на этого такого одинокого человека, делавшего вид, что ему нипочем всеобщее пренебрежение, и видела себя – несчастную, всеми брошенную ученицу школы Святого Стефана, проводившую каждую свободную минуту с книгой на коленях, пытавшуюся притвориться, что ей все равно.

– Мистер Фаррел, – бросила она как могла небрежнее, – не хотите выпить что-нибудь?

Удивленный Мэтт повернулся и, немного колебавшись, кивнул:

– Скотч с водой, пожалуйста.

Мерedit поиграла официанту, немедленно оказавшемуся рядом:

– Джими, принесите мистеру Фаррелу скотч с водой.

Посмотрев на Фаррела, девушка обнаружила, что тот, недоуменно хмурясь, изучает ее: взгляд блуждал по лицу, груди и талии, потом снова поднялся к глазам, словно он подозревал ее в чем-то и хотел понять, почему Мерedit пытается завести с ним знакомство.

– Кто был тот человек, который велел вам избавиться от меня? – резко спросил он.

Ей не хотелось зря волновать его, но пришлось сказать правду:

– Мой отец.

– Примите мое глубочайшее и искреннее сочувствие, – торжественно объявил он, и Мерedit разразилась громким смехом, потому что никто до сих пор не смел критиковать ее отца, даже косвенно, и, кроме того, она неожиданно почувствовала, что Мэтт Фаррел был мятежником, как она и сама решила отныне стать. Это невольно делало его родственной

душой, и она почему-то сравнила Мэтта с храброй дворняжкой, брошенной злобой рукой в стаю надменных чистопородных собак. Девушка решила спасти его.

– Можно пригласить вас на танец? – улыбнулась она Мэтту как старому другу.

Мэтт с веселым изумлением оглядел ее.

– Что заставляет вас думать, принцесса, будто сталелитейщик из Эдмунтона, штат Индиана, умеет танцевать?

– А вы умеете?

– Думаю, справлюсь.

Это определение оказалось явной недооценкой его возможностей, что и поняла Мередит через несколько минут после того, как они вышли потанцевать на террасу под медленную мелодию, которую играл маленький оркестр. Он действительно танцевал неплохо, хотя несколько скованно и старомодно.

– Ну как я справляюсь?

Находясь в блаженном неведении относительно двойного смысла его шутливой оценки, Мередит ответила:

– Пока я могу только сказать, что у вас хорошее чувство ритма и двигаетесь вы легко, а это самое главное. – И, улыбаясь ему, чтобы случайно не обидеть, призналась: – По правде говоря, вам не хватает практики.

– И часто вы рекомендуете практиковаться?

– Не очень. Одной ночи будет достаточно, чтобы выучить новые па.

– Я не знал, что существуют «новые па».

– Существуют, но сначала вам придется поучиться, как вовремя расслабиться.

– Сначала? – повторил Мэтт. – А я все это время находился под впечатлением, что расслабляться нужно потом.

И только сейчас до Мередит дошло, что он имеет в виду. Окинув его спокойным взглядом, девушка, не повышая голоса, спросила:

– Мы говорим о танцах, мистер Фаррел?

В голосе девушки слышался явный упрек, и Мэтт это понял. Несколько секунд он с неподдельным интересом изучал ее лицо, словно оценивая вновь, и кажется, мнение его о новой знакомой начало резко меняться.

Глаза Мэтта были не светло-голубыми, как думала Мередит, а удивительного металлически-серого цвета, и волосы оказались не черными, а темно-каштановыми.

Запоздало объясняя причину скованности движений, Мэтт сказал:

– Несколько недель назад я порвал связку на правой ноге.

– Прошу прощения, – извинилась Мередит за то, что так неосторожно пригласила его на танец. – Очень больно?

Удивительная белозубая улыбка вновь сверкнула на темном лице.

– Только когда танцую.

Мередит весело рассмеялась и почувствовала, как собственные тревоги начинают таять. Они оставались на террасе достаточно долго, чтобы потанцевать еще, и на этот раз говорили лишь на такие общие темы, как плохая музыка и хорошая погода. Когда они вернулись в салон, Джимми принес виски. И Мередит внезапно пришла в голову коварная идея, вызванная неприязнью к Джонатану и сочувствием к Мэтту.

– Пожалуйста, запишите напитки на счет Джонатана Соммерса, Джимми, – попросила она и, краем глаза глянув на Мэтта, заметила его удивленное лицо.

– Разве вы не член клуба?

– Член, – покаянно улыбнулась Мередит. – Это просто мелкая месть с моей стороны.

– За что?

– За...

Слишком поздно поняв, что все сказанное ею может смутить его либо будет истолковано как жалость, девушка пожала плечами:

– Мне не очень нравится Джонатан Коммерс.

Мэтт как-то странно посмотрел на нее, поднял стакан и сделал большой глоток:

– Вы, должно быть, голодны. Позволяю вам уйти и присоединиться к друзьям.

Это было жестом вежливости: очевидно, Мэтт давал ей возможность вовремя уйти, но Мередит не имела никакого желания видеть сейчас Джона и его друзей, а кроме того, судя по виду остальных гостей, было ясно, что если она сейчас покинет его, ни один человек в этой комнате не сделает даже попытки заговорить с Фаррелом. Говоря по правде, присутствующие в салоне старались вообще не подходить к ним.

– Собственно говоря, – заверила она, – еда здесь не так уж хороша.

Мэтт обвел глазами собравшихся и решительно поставил стакан, словно показывая, что собирается уйти:

– Да и люди тоже.

– Они держатся в стороне вовсе не из злобы или высокомерия, поверьте, – настаивала девушка.

Безразлично пожав плечами, Мэтт, однако, недоверчиво спросил:

– Почему же, по-вашему, они делают это?

Мередит заметила среди гостей несколько пар средних лет, приятелей отца, милых, порядочных людей.

– Ну, прежде всего они смущены поведением Джонатана. И поскольку знают, кто вы и чем занимаетесь, заранее решили, что у вас с ними нет ничего общего.

Он, очевидно, подумал, что Мередит покровительствует ему из жалости, потому что, вежливо улыбнувшись, сказал:

– Мне пора уходить.

И неожиданно мысль о том, чтобы позволить ему уйти и ничего не сохранить в памяти об этом вечере, кроме унижения и пережитого позора, показалась Мередит невыносимо несправедливой и совершенно немыслимой.

– Вы не можете так просто уйти, – с решительной улыбкой ответила она. – Пойдемте со мной и захватите с собой ваше виски.

Глаза Мэтта сузились.

– Зачем?

– Потому что, – лукаво объявила Мередит, – стакан в руках очень полезен для того, что мы собираемся сейчас сделать.

– Что именно? – настаивал Мэтт.

– Общаться с гостями, – пояснила Мередит. – Мы собираемся общаться с гостями!

– Ни за что!

Мэтт схватил ее за руку, чтобы удержать, но было слишком поздно. Мередит твердо намерилась намозолить всем и каждому глаза своим партнером, заставить общество принять его и, если возможно, даже полюбить.

– Пожалуйста, ради меня, – тихо попросила она, умоляюще глядя на Мэтта.

Невольная улыбка раздвинула его губы.

– Никогда не видел таких изумительных глаз...

– По правде говоря, я ужасно близорука, – поддразнила она, неотразимо улыбнувшись в ответ. – И время от времени натыкаюсь на стены. Почему бы вам не взять меня под руку и не проводить в холл, чтобы я не споткнулась?

Мэтт не смог устоять перед этим незлобивым юмором.

– Вы очень упрямы, – покачал он головой, но, хмыкнув, нехотя предложил ей руку, готовый выполнить прихоть неожиданной защитницы.

Они прошли всего несколько шагов и оказались лицом к лицу с пожилой парой.

– Здравствуйте, мистер и миссис Фостер, – весело приветствовала их Мередит, видя, что они готовы пройти мимо, не заметив ее.

Они сразу же остановились.

– О, как поживаешь, Мередит? – осведомилась миссис Фостер. Она и муж вопросительно-вежливо улыбнулись Фаррелу.

– Познакомьтесь с другом моего отца, – представила его Мередит, проглотив смех при виде ошеломленного лица Мэтта, – Мэтт Фаррел. Мэтт приехал из Индианы. Он в сталелитейном бизнесе.

– Рад познакомиться, – с искренним радушием ответил мистер Фостер, пожимая руку Мэтта. – Правда, Мередит и ее отец не играют в гольф, но здесь, в «Гленмуре», есть два прекрасных поля. Если собираетесь пробыть достаточно долго, может, сыграем несколько раундов?

– Не уверен, что останусь хотя бы на столько времени, чтобы допить этот стакан, – вздохнул Мэтт, очевидно, ожидая немедленного позорного изгнания, как только отец Мередит обнаружит, что у него появился новый «друг», да еще столь сомнительного происхождения.

Мистер Фостер, не давая себе труда разобраться, в чем дело, только кивнул:

– Бизнес всегда мешает развлечениям. Но по крайней мере вы увидите сегодня фейерверк – лучшего во всем городе не бывает.

– Да, сегодняшнее зрелище будет незабываемым, – заверил Мэтт, предостерегающе глядя на стоявшую с невинным лицом Мередит.

Мистер Фостер вернулся к своей любимой теме – гольфу, пока Мередит безуспешно старалась не улыбаться.

– Собираетесь участвовать в гандикапе? – продолжал допытываться он.

– Думаю, с Мэтта хватает и меня, – неожиданно вмешалась она, искоса бросая на Мэтта лукавый смеющийся взгляд.

– Что? – недоуменно мигнул мистер Фостер.

Но Мэтт не захотел ответить, а Мередит не смогла, потому что его взгляд был устремлен на улыбающиеся губы, а когда серые глаза встретились с аквариумными, в их глубинах появилось нечто новое, непонятное.

– Пойдем, дорогой, – позвала миссис Фостер, видя рассеянное, смущенное выражение на лицах Мэтта и Мередит. – Молодые люди вовсе не желают проводить вечер, обсуждая гольф.

Запоздало вспомнив о том, где находится, Мередит постаралась взять себя в руки и, строго сказав себе, что, пожалуй, выпила слишком много шампанского, взяла Мэтта под руку.

– Нам пора, – кивнула она, направляясь вниз по лестнице к банкетному залу, где играл оркестр.

Почти целый час она переходила вместе с Мэттом от одной компании к другой, заговорщически поглядывая на Мэтта и улыбаясь ему одними глазами, пока без зазрения совести лгала всем присутствующим о том, кто такой Мэтт и чем занимается. Мэтт молча шел рядом, не опровергая ее слов, но и ничего не добавляя, и, откровенно забавляясь, наблюдал за бурной деятельностью Мередит.

– Ну вот! – весело объявила она наконец, когда они оставили позади шум и музыку и, выйдя из дома, медленно пересекали газон. – Главное не что вы скажете, а о чем умолчите.

– Интересная теория. У вас еще много таких?

Мередит покачала головой, смущенная тем, о чем подсознательно думала весь вечер.

– Вы говорите вовсе не как человек, работающий на сталелитейном заводе.

– И сколько таких вы знаете?

– Только одного, – призналась девушка.

Голос Мэтта внезапно стал серьезным.

– Вы часто приходите сюда?

Они провели половину вечера, развлекаясь глупой игрой, но теперь Мередит почувствовала, что он устал от этого. Как, впрочем, и она... И это мгновение четко обозначило отчетливую перемену в их отношениях. Они медленно брели мимо цветочных клумб и розовых кустов, и Мэтт начал расспрашивать Мередит о ее жизни. Она объяснила, что жила в Вермонте, где окончила школу. Следующий вопрос был о будущей карьере, и Мередит поняла, что Мэтт ошибочно предположил, будто она – выпускница колледжа. Вместо того чтобы поправить Мэтта, она предпочла не рисковать, представив, как ужаснется он, обнаружив, что ей не двадцать два, а всего восемнадцать. Она поспешно уклонилась от ответа, быстро переведя разговор на него.

Мэтт рассказал, что через полтора месяца уезжает в Венесуэлу работать на буровых вышках, и после этого оба с удивительной легкостью начали переходить от одной темы к другой... Стоя под древним вязом, не обращая внимания на то, что шероховатая кора царапает обнаженную спину, Мередит как зачарованная слушала Мэтта. Она узнала, что ему двадцать шесть лет и, кроме природного остроумия и грамотной литературной речи, он еще обладает даром так внимательно слушать то, что говорит она, словно больше ничего на свете не имеет значения. Это смущало девушку, льстило ей и в то же время создавало ложное ощущение уединенности и полной близости.

Мередит смеялась над какой-то шуткой Мэтта, когда толстый жук с громким жужжанием пролетел над головой. Мередит подпрыгнула, прищурилась, пытаясь разглядеть, куда исчезло насекомое.

– Запутался в волосах? – нерешительно спросила она.

Мэтт положил руки ей на плечи и придиричиво осмотрел волосы.

– Нет, – покачал он головой, – это всего-навсего маленький майский жук.

– Все майские жуки отвратительны, а этот был размером с целую колибри!

И когда Мэтт хмыкнул, улыбнулась с притворным злорадством:

– Погодите, через шесть недель вам будет не до смеха, особенно когда не сможете выйти из дома, не наткнувшись на змею.

– Это правда, – пробормотал он, но глаза были неотрывно прикованы к ее рту, а руки, скользнув по шее, нежно сжали лицо.

– Что вы делаете? – бессмысленно пробормотала Мередит, когда Мэтт большим пальцем осторожно провел по ее нижней губе.

– Пытаюсь решить, стоит ли остаться и посмотреть фейерверк.

– Фейерверк начнется не раньше чем через полчаса, – дрожащим голосом пробормотала она, прекрасно понимая, что сейчас он ее поцелует.

– У меня такое чувство, – шепнул он, – что фейерверк начнется прямо сейчас.

Так и случилось. Его рот завладел ее губами в пламенном, обольстительном поцелуе, пославшем по всему телу Мередит жгучие молнии. Сначала поцелуй был легким, нежным, завлекающим, его язык осторожно, почти не касаясь, обводил контуры ее губ. Мередит целовали и раньше, обычно неопытные, охваченные волнением мальчишки; никто и никогда не ласкал ее с такой неспешной тщательностью. Одна рука, скользнув по спине, прижала девушку к мужской груди, другая гладила затылок, а рот медленно приоткрылся на ее губах. Почти потерявшая рассудок от этого безумного поцелуя, она сунула ладони под смокинг, на несколько секунд обхватила широкие плечи и обняла Мэтта за шею.

В то же мгновение, как она прижалась к нему, его рот приоткрылся чуть шире, язык опалил жаром ее губы, требуя, заставляя, вынуждая раскрыться. И не успела Мередит исполнить невысказанное желание, как его язык скользнул глубже, мимо зубов, во влажную пещерку, и поцелуй обрел взрывную силу. Его ладонь накрыла упругий холмик груди, лаская его через тонкую материю, потом скользнула за спину, сжав ягодицы, притягивая все ближе, заставляя Мередит ощутить всю силу желания возбужденного тела. Мередит на миг застыла, растеряв-

шись от непривычной близости, но тут же, сама не зная почему, запуталась пальцами в густой гриве темно-каштановых волос и с таким же неистовством вернула поцелуй.

Казалось, прошло несколько часов, когда он наконец поднял голову и выпрямился. Сердце Мередит билось неровно, часто, словно обезумевший маятник, но она продолжала стоять в кольце сильных рук, прижавшись лбом к его груди, пытаясь справиться с бурей нахлынувших чувств. Где-то в глубинах одурманенного сознания зародилась мысль, что ее поведение выглядит очень странно – один-единственный поцелуй не стоит таких волнений.

Сознание того, что Мэтт может посчитать ее неопытной дурочкой, заставило Мередит поднять голову. Ожидая увидеть гримасу презрения на его лице, она робко взглянула на Мэтта, но увидела совершенно другое. Серые глаза пылали, лицо потемнело от страсти, а руки инстинктивно сжались, словно он не желал отпускать Мередит. Она запоздало сообразила, что он все еще возбужден, и почувствовала странное удовлетворение и гордость за то, что этот поцелуй подействовал на него с такой же силой, как и на нее. Не думая о том, что делает, Мередит уставилась на его рот. В очертаниях этих твердых губ проглядывала дерзкая чувственность, однако... он мог быть так поразительно нежен... мучительно нежен...

Сгорая от желания вновь почувствовать прикосновение его губ, она подняла глаза.

Но Мэтт прекрасно понял ее, и из его груди вырвался полустонполусмех, руки снова судорожно сжались.

– Да, – хрипло прошептал он и завладел ее губами в жадном, голодном поцелуе, похитившем разум, отнявшем воздух и сводившем с ума неземным наслаждением.

Неожиданно услышав веселый смех, Мередит неловко высвободилась из объятий Мэтта и с тревогой обернулась. Десятки пар выходили из клуба, чтобы полюбоваться фейерверком, а впереди всех шагал отец, устремившийся к дочери с искаженным от ярости лицом.

– О Боже, – пролепетала Мередит. – Мэтт, вам придется покинуть клуб. Немедленно уходите.

– Нет.

– Пожалуйста! – почти крикнула она. – Со мной все будет в порядке, здесь он мне ни слова не скажет, подождет, пока мы останемся наедине, но трудно представить, что он сделает с вами.

И минуту спустя Мередит узнала ответ.

– Здесь сейчас будут люди, чтобы выпроводить вас отсюда, Фаррел, – прошепел отец вне себя от бешенства и, повернувшись к Мередит, с силой сжал ее руку: – Ты идешь со мной.

Два клубных официанта уже направлялись к нему. Отец дернул ее за руку, и Мередит снова умоляюще попросила Мэтта:

– Пожалуйста, уходите, не нужно устраивать сцену.

Отец потащил ее вперед, и у Мередит не осталось другого выбора, кроме как покорно идти за ним или тащиться сзади. Она едва не заплакала от облегчения, увидев, что официанты остановились, а Мэтт, широко шагая, направился к дороге. Официанты нерешительно посмотрели на Филипа, ожидая указаний, и тот бросил:

– Пусть подонок убирается, но позвоните привратнику и предупредите, чтобы не вздумал впустить его снова.

У самой двери отец, побагровев от гнева, обернулся к Мередит:

– Твоя мать сделала меня посмешищем, но будь я проклят, если и тебе удастся то же самое! Слышишь?!

Он отбросил руку дочери, словно она была осквернена прикосновением Мэтта, но голоса больше не повышал. Истинный Бенкрофт, какими бы ни были повод и причина, никогда не проветривает грязное белье на публике.

– Немедленно поезжай домой и оставайся там. На дорогу у тебя уйдет двадцать минут; через двадцать пять минут я позвоню, и Боже помоги тебе, если вовремя не окажешься на месте.

Он резко повернулся и вошел в дом. Изнывая от унижения и позора, Мередит посмотрела ему вслед, а потом вошла в клуб и взяла сумочку. По пути на стоянку она заметила в тени деревьев три целующиеся пары.

Почти ничего не видя из-за застилающих глаза слез бессильной ярости, Мередит уже проехала мимо одинокой фигуры, шагавшей по обочине дороги с перекинутым через плечо смокингом, прежде чем поняла, что это Мэтт. Она нажала на тормоза. Снедаемая угрызениями совести за причиненную ему боль, девушка не осмеливалась поднять на него глаза.

Он подошел к машине, слегка нагнулся, глядя на Мередит сквозь приоткрытое окно:

– С вами все в порядке?

– В полном. – И, неловко пытаясь притвориться, будто ничего не случилось, объяснила: – Мой отец – Бенкрофт, а Бенкрофты никогда не ссорятся на публике.

Но Мэтт заметил стоявшие в глазах слезы и, протянув руку, осторожно притронулся заглубевшими пальцами к ее щеке.

– И кроме того, не плачут на людях, не так ли?

– Верно, – призналась Мередит, пытаясь перенять от Мэтта хоть немного его великолепного безразличия к отцу. – Я... сейчас я еду домой. Могу я подвезти вас?

Мэтт перевел взгляд с ее лица на побелевшие пальцы, вцепившиеся в баранку.

– Да, но только если вы позволите мне сесть за руль.

Следующие слова помогли Мередит понять, что он сомневается в ее способности добраться до дома.

– Почему бы мне не доставить вас домой? А оттуда я возьму такси.

– С удовольствием, – весело объявила Мередит. Выйдя из машины, девушка обошла ее кругом и уселась на место пассажира.

Мэтт включил сцепление, и машина плавно свернула с проселочной дороги на шоссе. Оба долго молчали. Мимо проплывали огоньки фар, ветерок дул в окна. С левой стороны сверкали огненные фонтаны, расцветали яркие цветочные клумбы, сыпались каскады искр – это догорал фейерверк, приходя к великолепному финалу в россыпях красного, белого и голубого огней. Мередит молча наблюдала, как сверкающие искры рассыпаются и гаснут.

Запоздало припомнив хорошие манеры, она наконец пробормотала:

– Я хочу извиниться за то, что произошло сегодня, то есть за отца.

Мэтт искоса с веселым изумлением взглянул на нее.

– Это ему следует извиниться. Моя гордость была задета, когда он послал этих двоих жирных пожилых официантов выбросить меня. Мог бы по крайней мере подрядить четверых, чтобы пощадить мое самолюбие.

Мередит раскрыла рот, потрясенная тем, что его ничуть не запугали угрозы отца, но тут же улыбнулась, ощущая, как прекрасно быть рядом с таким человеком. Молча оценив широкие мускулистые плечи Мэтта, она кивнула:

– Если бы он действительно хотел выкинуть вас из клуба, мог бы сообразить послать сразу шестерых.

– Мое самолюбие и я – мы оба благодарим вас, – лениво улыбнулся он, и Мередит, которая дала себе слово больше не улыбаться, разразилась хохотом.

– У вас чудесный смех, – спокойно произнес он.

– Спасибо, – ответила Мередит, без памяти довольная комплиментом.

В бледном свете приборной доски она не отрываясь изучала темный профиль, наблюдала, как ветер шевелит густые волосы, удивляясь, почему несколько простых слов кажутся почти

физической лаской. Слова Шелли Филмор пришли на ум, прозвучали возможным ответом: «Настоящая сексапильность в чистом виде...»

Поначалу она не считала Мэтта чересчур привлекательным. Зато теперь, кажется, изменила свое мнение и подумала, что немало женщин вешается ему на шею. Вне всякого сомнения, именно по этой причине он научился так целоваться. Да, сексапильности в нем хоть отбавляй, и в обращении с женщинами ему нет равного.

– Сверните сюда, – попросила Мередит четверть часа спустя, когда они приблизились к высоким воротам из кованого железа. Протянув руку, она нажала кнопку на приборной доске, и ворота медленно распахнулись.

Глава 9

– Это наш дом, – объяснила Мередит, когда он нажал на тормоза. Мэтт взглянул на величественное каменное строение с окнами в освинцованных переплетах:

– Похоже на музей.

– По крайней мере вы не сказали «мавзолей», – усмехнулась девушка.

– Зато подумал.

Мередит, все еще улыбаясь, проводила его в библиотеку в глубине дома, но когда он подошел к телефону и поднял трубку, сердце девушки упало. Она хотела, чтобы Мэтт остался, хотела поговорить с ним, сделать что-нибудь, лишь бы отогнать отчаяние, которое обязательно овладеет ею, как только она окажется одна.

– У вас нет причин уезжать так скоро. Мой отец будет играть в карты часов до двух, пока клуб не закроется.

В голосе девушки прозвучала такая тоска, что Мэтт невольно обернулся.

– Мередит, мне наплевать на вашего отца, но вам с ним жить. Если он приедет домой и обнаружит меня здесь...

– Не обнаружит, – пообещала Мередит. – Отец даже смерти не позволит помешать игре. Он просто одержимый игрок.

– И вами тоже, как видно, одержим, – добавил Мэтт, и Мередит затаила дыхание, пока он не положил трубку. Возможно, это последний приятный вечер, прежде чем жизнь превратится в ад, и она была твердо намерена продлить его...

– Хотите бренди? Боюсь, не смогу предложить вам поеть, потому что слуги уже спят.

– Согласен на бренди.

Мередит подошла к бару и вынула графин с бренди. За спиной раздался голос Мэтта:

– А разве слуги запирают холодильник по ночам?

Мередит помедлила, сжимая в руке стакан.

– Что-то в этом роде, – уклончиво объяснила она.

Но Мэтта было трудно одурачить, она поняла это в тот момент, когда принесла ему стакан с бренди и увидела веселые искорки в глазах.

– Вы просто не умеете готовить, верно, принцесса?

– Уверена, что смогла бы, – улыбнулась Мередит, – если бы мне показали, где кухня, а потом подвели к плите и холодильнику.

Уголки рта Мэтта приподнялись в ответной улыбке, и он, наклонившись вперед, со стуком поставил стакан на стол. Мередит поняла, что собирается делать Мэтт, когда он сжал ее запястья и решительно потянул к себе.

– Я знаю, что вы умеете готовить, – шепнул он, приподнимая ее подбородок.

– Почему вы так в этом уверены?

– Потому что вы разожгли во мне огонь.

Его губы были в каких-то сотых дюйма от ее рта, когда пронзительный звонок телефона заставил ее вырваться из его объятий. Мередит подняла трубку, и голос отца обдал ее арктическим холодом:

– Рад, что у тебя хватило здравого смысла сделать так, как было велено, Мередит. Кстати, – добавил он, – я уже был готов позволить тебе учиться в Северо-западном университете, но теперь можешь забыть об этом. Твое сегодняшнее поведение – достаточно веское доказательство того, что тебе нельзя доверять.

На этом разговор закончился.

Мерedit дрожащими пальцами положила трубку. Руки, а потом и колени начали трястись, пока все тело не затрепетало от бессильной ярости, так, что пришлось опереться о письменный стол в бесплодной попытке хотя бы немного успокоиться.

Мэтт, подойдя сзади, положил ладони ей на плечи.

– Мерedit, кто это был? – с искренним сочувствием спросил он. – Что-нибудь случилось? Даже голос отказывался ей повиноваться.

– Отец проверял, вернулась ли я домой, как было приказано.

Немного помолчав, Мэтт спокойно спросил:

– Что же вы сделали ужасного, чтобы до такой степени лишиться его доверия?

Мэтт почти не давал себе труда скрыть, что считает ее виновной стороной, и именно это оказалось последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Как ни старалась Мерedit взять себя в руки, ничего не выходило.

– Что я сделала? – почти истерически вскрикнула она. – Что я сделала?

– Должно быть, дали ему повод считать, что он обязан стеречь вас подобным образом.

Безумный гнев загорелся в душе Мерedit, испепеляя разум и способность мыслить, не оставляя ничего, кроме самозабвенного бешенства. Сверкая влажными от непролитых слез глазами и словно решившись на что-то, она резко повернулась и провела ладонями по его груди.

– Моя мать не отличалась скромным поведением. Просто не могла держаться в стороне от мужчин. Отец следит за мной, считая, что я на нее похожа.

Она судорожно обхватила его за шею, и глаза Мэтта сузились.

– Что это, черт побери, вы вытворяете?

– Ты знаешь, – прошептала она и, не успев он ответить, прижалась к нему и поцеловала долгим, томительным поцелуем. Он хотел ее – Мерedit поняла это в тот момент, когда его руки обвились вокруг нее, притягивая к разгоряченному мускулистому телу.

Он хотел ее. Его губы прижались к ее губам в голодном безжалостном поцелуе, и Мерedit делала все возможное, чтобы он не передумал, а она не изменила своего решения. Неловкими настойчивыми пальцами она вытащила запонки из пластрона и, распахнув сорочку, обнажила бронзовую грудь, покрытую жесткими черными волосами, а потом закрыла глаза, завела руки за спину и начала лихорадочно дергать молнию на платье. Она хотела этого, заработала на *это* право, ожесточенно повторяла себе девушка.

– Мерedit?..

Тихий голос прозвучал так неожиданно, что голова девушки судорожно дернулась, но Мерedit не нашла в себе мужества поднять на него глаза.

– Конечно, я чертовски польщен, но в жизни не видел, чтобы женщина срывала с себя одежды в порыве страсти всего лишь после одного поцелуя.

Потерпев поражение еще до начала битвы, Мерedit обессиленно прислонилась лбом к его груди. Рука Мэтта скользнула по ее плечу, длинные пальцы зарылись в волосы, поддерживая голову, другая рука сжала талию. Молния очень дорогого шифонового платья разошлась словно сама собой, и корсаж сполз до пояса.

Громко, судорожно сглотнув, Мерedit попыталась прикрыться руками.

– Я... я не слишком хороша в этом, – заикаясь, объяснила она, впервые за все это время встретившись с ним глазами.

Глаза Мэтта медленно опустились, взгляд не отрывался от верхушек грудей, видневшихся в вырезе лифа.

– Разве? – хриловато прошептал он, нагибая голову.

Мерedit жаждала обрести nirvanу, желала найти ее в следующем поцелуе. И ее мечты сбылись. Самозабвенно обвив его шею, она в слепом отчаянном порыве припала к его губам и, когда эти полураскрытые губы нетерпеливо шевельнулись, с радостью приняла чувственную

атаку его языка, возвращая ласку полной мерой, что заставило Мэтта охнуть и стиснуть ее еще сильнее. И тут она позабыла обо всем. Его рот завладел ее губами в безумном порыве желания, одежда куда-то исчезла, и холод обдал разгоряченную кожу. Высвобожденные волосы сверкающим водопадом обрушились на плечи, и Мередит, сама не зная как, очутилась на диване рядом с жестким, требовательным, обнаженным мужским телом.

И тут все замерло, и Мередит на мгновение очнулась и всплыла на поверхность из темных сладостных глубин, где чувствовала лишь его губы и возбуждающие ласки рук, гладивших ее плоть. Девушка открыла глаза и увидела, что он, приподнявшись на локте, изучает ее лицо в желтоватом свечении настольной лампы.

– Что ты делаешь? – прошептала Мередит, но тонкий, прерывистый голос словно принадлежал совершенно другому человеку.

– Смотрю на тебя.

Взгляд Мэтта, скользя по ее груди, переместился ниже, к талии, и остановился на длинных стройных ногах. Покраснев от смущения, Мередит остановила его, коснувшись губами загорелой груди. Его мышцы непроизвольно сжались, а руки медленно погрузились в ее волосы у самого затылка, притягивая ее все ближе. Как только Мередит подняла глаза, Мэтт нагнул голову. Его губы почти грубо завладели ее губами, язык раздвинул зубы и скользнул в ее рот в опьяняюще-эротическом поцелуе, пославшем по всему телу палящее пламя. Наклонившись над Мередит, Мэтт продолжал целовать ее, пока она не застонала в горячечной истоме, потом его рот накрыл маленький розовый сосок и терзал его до тех пор, пока груди не начали медленно наливаться сладостной болью. Пальцы Мэтта мучили, гладили и проникали все глубже, заставляя ее выгибаться под ласками его рук. Губы снова вернулись к ее рту, настойчиво раскрывая его, мужское колено вклинилось между ее ногами, раздвигая бедра, и все это время языки их сплетались в древнем танце, то разъединяясь, то вновь принося друг к другу. И тут он неожиданно замер и, сжав ее лицо ладонями, хрипло приказал:

– Взгляни на меня.

Мередит с трудом ухитрилась выбраться из чувственного тумана; усилием воли заставив веки подняться, она взглянула в обжигающие серые глаза. И в это мгновение Мэтт вонзился в нее с силой, вырвавшей тихий крик из горла девушки, она судорожно дернулась от невыносимой боли. Мэтт с ужасающей ясностью понял, что только сейчас взял ее девственность, и застыл от неожиданности, прикрыв глаза. Напрягая руки и плечи, он продолжал, однако, оставаться в ней, неподвижный, оледеневший.

– Почему?... – ошеломленно пробормотал Мэтт наконец, немного придя в себя.

Мередит, неверно истолковав вопрос как очередной несправедливый упрек, вздрогнула и поморщилась:

– Потому что я никогда не делала этого раньше.

Этот правдивый ответ заставил Мэтта распахнуть глаза, и в них Мередит не увидела ни разочарования, ни обвинения. Только нежность и сожаление.

– Но почему ты не сказала мне? Я мог бы намного облегчить тебе все это.

Погладив его щеку, Мередит ответила с нежной, успокаивающей улыбкой:

– Но ты не сделал мне больно. Наоборот. Мне очень хорошо.

И эти простые слова заставили его застонать. Мэтт припал к ее губам в иступленном поцелуе и с бесконечной осторожностью начал двигаться, то почти целиком выходя из нее, то медленно ныряя в тесные глубины, незаметно увеличивая темп возбуждающих настойчивых толчков, опьяняя ее, и Мередит, окончательно обезумев, беспорядочно забилась под ним. Ее ногти все глубже впивались в его спину, пока страсть, бушевавшая в ней, не превратилась во всепожирающее пламя, сметающее все вокруг и ставшее наконец долгими, безоглядными, безудержными взрывами ослепительного наслаждения.

Схватив ее в объятия и прижав к себе, Мэтт погрузил пальцы в копну белокурых волос, самозабвенно целуя Мередит, сделал еще один, последний, толчок и обмяк, излившись в нее.

Безумный неутолимый голод этого поцелуя, то, что происходило с ней, заставили Мередит прижать его к себе еще сильнее и застонать от невероятного блаженства.

С бешено бьющимся сердцем она, не разнимая рук, вместе с ним перекатилась на бок, по-прежнему прижимая лицо к его груди, чувствуя, что Мэтт продолжает обнимать ее.

– Ты хоть понимаешь, – неверным голосом пробормотал он, чуть касаясь губами ее щеки, – что делаешь со мной?

Мередит не ответила, потому что реальность того, что сейчас произошло, начала медленно проникать сквозь пелену чувственного тумана, а она не хотела этого. Пока не хотела. Слишком рано. Не сейчас. Не нужно, чтобы эти прекрасные мгновения были испорчены.

Мередит зажмурилась, стараясь прислушаться к тем восхитительным словам, которые Мэтт говорил ей, продолжая гладить по щеке, чуть щекоча большим пальцем кожу.

И тут он задал вопрос, действительно требующий ответа, и волшебство испарилось, ушло, и уже ничто не могло его вернуть.

– Почему? Почему ты пошла на это сегодня? И почему со мной?

Мередит мгновенно сжалась, вздохнула от сознания непоправимой потери и отстранилась, накинув на плечи вязаный плед, лежавший на диване. Теперь она узнала все о физической близости, но никто не предупредил ее о той странной неловкости, которая завладеет ее чувствами потом. Словно неведомая сила безжалостно обнажила ее эмоции, оставив открытой перед всеми, беззащитной, смущенной.

– Думаю, нам лучше одеться, – нервно пробормотала она. – И тогда я объясню все, что ты хочешь знать. Сейчас вернусь.

Поднявшись к себе, Мередит накинула бело-голубой халат, туго стянула поясом талию и по-прежнему босиком спустилась вниз. Проходя мимо часов в холле, она взглянула на циферблат. Отец будет дома через час.

Мэтт, полностью одетый, если не считать галстука, который сунул в карман, звонил по телефону из кабинета.

– Какой у тебя адрес? – спросил он. Мередит объяснила, и он сказал в трубку, куда подать такси. – Я велел им приехать через полчаса, – продолжал он и, подойдя к журнальному столику, поднял забытый стакан с бренди.

– Могу я налить тебе что-нибудь еще? – спросила Мередит, вспомнив об обязанностях хозяйки. Вечер подходит к концу, и нужно все выполнить до конца, как полагается. Может, именно такой вопрос задала бы официантка, подумала она с иронией.

– Я бы хотел получить ответ на свой вопрос, – повторил он. – Что заставило тебя пойти на это?

Мередит показалось, что его голос звучит немного напряженно, но лицо Мэтта было совершенно бесстрастным. Она вздохнула и отвернулась, смущенно обводя пальцем инкрустацию на столе.

– Многие годы отец обращался со мной, как со скрытой нимфоманкой, а я, поверь, ничего не сделала, чтобы заслужить такое. Сегодня, когда ты заявил, что у него были причины стеречь меня, в мозгу словно взорвалось что-то. Кажется, я решила, что если меня считают потаскухой, следует хотя бы узнать, что это такое. И в то же время у меня возникла безумная идея наказать вас обоих – тебя и его. Хотела доказать, что ты был не прав.

Наступила зловещая тишина. Наконец Мэтт, покачав головой, резко ответил:

– Ты могла бы объяснить, что я не прав, просто сказав, что твой отец – злобный тиран и недоверчивый ублюдок.

Мередит в глубине души признала правоту его слов и смущенно посмотрела на Мэтта, гадая, был ли гнев единственной причиной, побудившей ее броситься в объятия Мэтта, или она

просто использовала праведное негодование как предлог, чтобы отдаться сексуальному притяжению, исходившему от него. Использовала. Вот она, правда! Она чувствовала себя виноватой, потому что использовала мужчину, который ей действительно нравился, как орудие мести против отца.

В продолжающейся тишине Мэтт, казалось, взвешивал то, что сказала Мередит, и то, что осталось невысказанным, проникая в мысли, которые она таила даже от себя самой. И выводы, к которым Мэтт пришел, похоже, были довольно нерадостными, потому что он со стуком поставил стакан и взглянул на часы.

– Пойду подожду такси на улице.

– Я провожу тебя.

Вежливые фразы, которыми обмениваются двое почти незнакомых людей, всего час назад сплетавшихся на диване в страстных объятиях. Абсурдность происходящего больно обожгла Мередит, но она, закусив губу, молча выпрямилась и отошла от стола. В ту же секунду взгляд Мэтта остановился на ее голых ногах, вернулся к помрачневшему лицу и скользнул к разбросанным по плечам волосам. Босая, растрепанная, в длинном халате, Мередит совсем не походила на строгую светскую даму в вечернем платье. Прежде чем вопрос слетел с губ Мэтта, Мередит уже поняла, что он хочет узнать.

– Сколько тебе лет?

– Не так много, как ты думаешь.

– Сколько? – настаивал он.

– Восемнадцать.

Она ожидала нового взрыва, но вместо этого Мэтт долго, жестко разглядывал ее и потом сделал то, что не имело для Мередит никакого смысла. Подойдя к письменному столу, он написал что-то на листочке бумаги.

– Это номер моего телефона в Эдмонтоне, – спокойно объявил он, вручая ей листок. – Еще полтора месяца я буду там. Потом Соммерсы скажут, как связаться со мной.

После его ухода Мередит поднялась наверх, хмуро разглядывая клочок бумаги. Если таким образом Мэтт пытается предложить, чтобы она ему позвонила, с его стороны это грубо, невежливо и... просто нагло. И унинительно.

Всю следующую неделю Мередит опрометью бросалась к телефону, как только раздавался звонок, боясь, что это Мэтт. Лишь при воспоминании о той ночи лицо ее загоралось от смущения и хотелось поскорее забыть обо всем на свете.

Но к концу недели она уже совсем не желала этого. Как только угрызения совести и боязнь огласки улеглись, Мередит обнаружила, что постоянно думает о Мэтте, непрерывно воскрешая в памяти те моменты, которые старалась забыть. По ночам, уткнувшись лицом в подушку, она ощущала его губы на шее и щеках, с чувственной дрожью припоминала каждое нежное слово, которое он шептал ей.

Мередит думала об удовольствии просто идти с ним рядом и разговаривать, как тогда, на газоне в «Гленмуре», о том, как он весело смеялся, слушая ее рассуждения. Думает ли о ней Мэтт, а если да, почему не звонит?

Когда прошло две недели, а от Мэтта не было ни слова, Мередит поняла, что, возможно, совершенно не интересуется Мэтта и он вовсе не находит ее соблазнительной. Она снова и снова перебирала в памяти все, что сказала Мэтту перед его уходом. Может, она чем-то оскорбила его и ее слова о том, почему она решила переспать с ним, ранили его гордость... Но Мередит сама себе не верила. Мэтью Фаррел наверняка уверен в собственной сексуальной притягательности, стоит лишь вспомнить о его двусмысленных намеках, когда они впервые танцевали. Нет, скорее всего он не звонит, поскольку решил, что она слишком молода и не стоит его внимания.

Теперь Мередит больше не желала ничего слышать о Мэтте. Кроме того, у нее должны были начаться месячные, задержка казалась слишком большой, и она уже жалела, что вообще

встретила Мэтью Фаррела. Дни медленно текли, а в голове Мередит билась лишь одна ужасающая мысль: что, если она забеременела? Лайза была в Европе, и поэтому Мередит не к кому было обратиться за помощью или хотя бы посоветоваться. Она ждала, молилась, пламенно обещая Богу, что, если все обойдется, она и близко не подойдет к мужчине, пока тот не станет ее мужем.

Но либо Господь не прислушался к ее молитвам, либо был равнодушен к подкупу. Единственным, заметившим ее молчаливые терзания, был отец.

– Что случилось, Мередит? – не раз повторял он.

Не так давно ее единственной проблемой был выбор колледжа, теперь же все споры с отцом казались такими мелкими, не стоящими внимания.

– Все в порядке, – неизменно отвечала Мередит, слишком расстроенная, чтобы спорить с отцом из-за его поведения в «Гленмуре», и слишком занятая собственными бедами, чтобы вступать в новый поединок.

Прошло полтора месяца после встречи с Мэттом, а месячных так и не было. Теперь Мередит владел панический ужас. Пытаясь успокоить себя тем, что по утрам ее не тошнит, девушка все-таки решила отправиться к врачу и сдать тест на беременность.

Неожиданно в дверь спальни постучал отец. Мередит откликнулась, и Филип, переступив порог, протянул ей большой конверт с обратным адресом Северо-западного университета.

– Ты победила, – мрачно пробурчал он. – Не могу больше выносить твоего настроения. Учись в Северо-западном, если это так важно для тебя. Однако на уик-энды ты обязана приезжать домой, и это мое последнее слово.

Мередит вскрыла конверт с уведомлением, что она официально принята в университет, и с трудом выдавила слабую улыбку.

Мередит не пошла к своему доктору, потому что тот был одним из приятелей отца. Вместо этого она отправилась в некую сомнительную клинику планирования семьи на южной стороне Чикаго, огромном трущобном районе, населенном иммигрантами. Задерганный, озабоченный доктор подтвердил ее худшие предположения. Мередит была беременна.

Девушка выслушала это со странным, убийственным спокойствием, но, когда приехала домой, онемение успело рассеяться, уступив место безумной панике. Она не могла вынести мысли об аборте, не представляла, что способна отдать ребенка на усыновление, не решалась предстать перед отцом и объяснить, что ее ждет судьба матери-одиночки, ставшей причиной очередного скандала в семействе Бенкрофтов. Оставался единственный выход, и Мередит пришлось смириться с этим. Она позвонила по номеру, который дал ей Мэтт. Никто не ответил, и Мередит связалась с Джонатаном Соммерсом, солгав, что должна срочно послать Мэтту необходимые для него книги. Джонатан дал ей адрес Мэтта и сообщил, что тот еще не уехал в Венесуэлу. Ее отца не было в городе, поэтому Мередит сложила белье и пару платьев в небольшой чемоданчик, оставила ему записку, в которой сообщала, что собирается переночевать у подруги, и поехала в Индиану.

В своем подавленном состоянии она представляла Эдмунтон унылым городишкой, скоплением дымовых труб, фабрик и сталелитейных заводов. Мэтт жил на самой окраине, по-видимому, в районе грязных лачуг и трущоб. Вскоре Мередит заблудилась и решила спросить дорогу на ближайшей автозаправке.

К ней вышел жирный механик средних лет, жадно оглядевший девушку и ее «порше». Под его взглядом Мередит невольно съежилась, но все же показала листок с адресом, который пыталась отыскать. Вместо того чтобы объяснить ей дорогу, он повернулся и заорал через плечо:

– Эй, Мэтт, кажется, это в твоей стороне!

Глаза Мерedit широко распахнулись, когда мужчина, копавшийся в моторе, медленно выпрямился и оказался Мэттом. Руки его были покрыты жирной смазкой, бедра обтягивали старые, выцветшие джинсы; он выглядел как любой механик в любом Богом забытом городке. Мерedit была настолько потрясена переменами в его внешности и так безумно напугана известием о беременности, что не могла скрыть потрясения при виде измазанного едва ли не до ушей рабочего. Подходя к машине, Мэтт заметил это, и улыбка изумления мгновенно исчезла с губ: лицо отвердело, замкнулось, глаза злобеще сощурились.

– Мерedit, – лишенным всяких эмоций голосом сказал он, приветствуя девушку коротким кивком, – что привело тебя сюда?

Вместо того чтобы смотреть на нее, Мэтт полностью сосредоточился на обрывке ветоши, которой вытирал руки, и Мерedit с упавшим сердцем поняла, что он точно угадал причину ее появления здесь и именно поэтому ведет себя с такой неожиданной холодностью. Сейчас она искренне хотела лишь одного – поскорее умереть, если можно, сейчас, и жалела только о том, что вообще приехала сюда. Он, очевидно, ничем не собирался ей помочь, а если даже и предложит что-то из вежливости, ей такое благородство ни к чему.

– Ничего особенного, – солгала Мерedit с деланным смехом, протягивая руку к ключу зажигания. – Просто решила прогуляться и обнаружила, что заехала так далеко. И вообще, мне пора...

Он поднял глаза от ветоши, и Мерedit осеклась под пронзительным взглядом его серых глаз, впившихся в нее... холодных, оценивающих, безжалостных глаз. Все понимающих.

Мэтт, протянув руку, открыл дверцу.

– Я поведу машину, – бросил он, и Мерedit, подавленная диким напряжением, державшим ее в плену последние дни, немедленно повиновалась, перебравшись на соседнее сиденье. Мэтт оглянулся на толстяка, маячившего у капота «порше» и наблюдавшего за происходящим с неумным любопытством дурно воспитанного человека. – Вернусь через час.

– Черт побери, Мэтт, уже половина четвертого, – запротестовал механик, расплываясь в улыбке, обнажившей отсутствие переднего зуба. – Можешь взять отгул на полдня. Такая классная дамочка заслуживает, чтобы ей уделили больше внимания.

Мерedit в жизни не испытывала худшего унижения, и в довершение ко всему Мэтт, по-видимому, окончательно взбесившись, рванул с места с такой скоростью, что из-под колес во все стороны разлетелся гравий.

– Пожалуйста, нельзя ли ехать помедленнее? – робко попросила Мерedit и с облегчением увидела, что Мэтт немедленно снял руку с переключателя скоростей. Чувствуя, что нужно сказать что-то, Мерedit выдавила первое, что пришло на ум: – Я думала, ты работаешь на заводе.

– Работаю. Пять дней в неделю. А две ночи тружусь механиком на автозаправке.

– Вот как, – неловко пробормотала девушка.

Они свернули вправо, и Мэтт направил машину к маленькой поляне. Посреди поляны стоял старый, выщербленный садовый столик. В траве около полуразрушенной кирпичной жаровни валялся деревянный знак с выцветшими буквами:

«ЭДМУНТОН ЛАЙОНЗ КЛАБ. ПЛОЩАДКА
ДЛЯ ПИКНИКОВ АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ»

Мэтт выключил зажигание, и в тишине Мерedit слышала, как лихорадочно бьется в ушах кровь, но постаралась немного успокоиться и привыкнуть к тому, что этот незнакомец с непроницаемым лицом, сидевший рядом, был тем самым человеком, с которым они так весело шутили и занимались любовью всего несколько недель назад.

Неразрешимая проблема, из-за которой она оказалась здесь, висела над головой словно дамоклов меч, неопределенность мучила девушку, а слезы, которым она не давала пролиться,

жгли глаза. Мэтт шевельнулся, и она дернулась от неожиданности, поспешно повернув к нему голову. Но Мэтт всего-навсего выбрался из машины, обошел кругом и открыл для нее дверцу. С деланным интересом оглядывая поляну, Мередит пробормотала:

– Здесь очень мило. – Но даже в ее собственных ушах голос звучал неестественно и напряженно. – По правде говоря, мне действительно нужно успеть домой.

Вместо ответа Мэтт оперся бедром о стол, переместив вес на другую ногу, молча вопросительно поднял брови, как она предположила, ожидая правдивого объяснения. Его упорное молчание и немигающий взгляд лишили девушку остатков воли и сдержанности, которые она так старалась сохранить. Мысли, целый день не дававшие покоя, вновь начали разрывать усталый мозг: она беременна и должна стать матерью-одиночкой, а отец сойдет с ума от ярости и боли. Она беременна! Беременна!

А мужчина, частично виновный в ее бедах, сидит здесь, спокойно наблюдает за ней с бесстрастным интересом ученого, рассматривающего в микроскоп извивающегося червя. И Мередит, охваченная неожиданным и безрассудным гневом, набросилась на него:

– Ты на что-то злишься или просто отказываешься говорить со мной?

– Собственно, – ответил он, не повышая голоса, – я жду, когда ты начнешь.

– Вот как!

Ярость уступила место отчаянию и нерешительности. Изучая его спокойное лицо, она решила, что всего-навсего попросит совета. Господь знает, ей необходимо с кем-то поговорить! Скрестив руки на груди, словно пытаясь защититься от возможного гнева Мэтта, она откинула голову, притворяясь, что рассматривает густой полог листвы.

– Говоря по правде, у меня были причины приехать сюда.

– Я так и думал.

Она взглянула на него, пытаясь понять, что он имеет в виду, но лицо Мэтта оставалось по-прежнему непроницаемым. Она снова уставилась на зеленые кроны, расплывающиеся перед глазами из-за непролитых слез.

– Я здесь, потому что...

Она не могла произнести эти слова, уродливые, постыдные слова.

– Потому что забеременела, – закончил он без всякого выражения.

– Откуда ты узнал? – захлебнулась горечью Мередит.

– Только две вещи могли привести тебя сюда. Это одна из них.

Умирая от стыда, она все же умудрилась пролепетать:

– А вторая?

– Мое непревзойденное умение танцевать?

Он еще мог шутить, и эта совершенно неожиданная реакция окончательно выбила почву из-под ног Мередит. Слезы, прорвав плотину сдержанности, хлынули ливнем; девушка закрыла руками лицо, а тело затряслось от душераздирающих рыданий. Она почувствовала, как его руки ложатся ей на плечи, позволила потянуть себя вперед и оказалась в его объятиях.

– К-как ты можешь шутить в т-такое время? – всхлипывала она, уткнувшись ему в грудь, болезненно благодарная за молчаливое утешение.

Мэтт сунул ей в руку платок, и Мередит вздрогнула, безуспешно пытаясь успокоиться.

– Ну же, не молчи, скажи все, – всхлипнула она, вытирая глаза. – Объясни, что во всем виновата я сама и только с такой дурочкой это могло случиться.

– Не стану спорить.

– Спасибо, – язвительно хмыкнула девушка, сморкаясь в мокрый платок. – Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

Только сейчас до нее дошло, что он держится с потрясающим и необъяснимым спокойствием и что ее несдержанность лишь ухудшает положение.

– Ты абсолютно уверена, что забеременела?

– Сегодня утром ездила в клинику, – шепнула Мередит, – и они установили шестинедельную беременность. Я уверена также, что ребенок твой, на случай если хочешь спросить и стесняешься.

– Я не настолько вежлив, – саркастически бросил Мэтт.

Аквамариновые глаза, по-прежнему полные слез, но сверкающие гневом, усталились на него, и девушка, решив, что он пытается упрекнуть ее, уже хотела было принять вызов, но Мэтт покачал головой, чтобы предотвратить очередной взрыв.

– Вовсе не галантность помешала мне задать этот вопрос, а обыкновенное знание элементарной биологии. Не сомневаюсь, что отец ребенка – я.

Мередит почти ожидала осуждения и обвинений, укоризненных взглядов и презрительной гримасы, но его поведение и хладнокровная логика полностью сбивали с толку. Не отрывая взгляда от пуговицы на его синей рубашке, девушка украдкой вытерла слезу и услышала тихий вопрос, мучивший ее все эти дни:

– Что ты намереваешься делать?

– Покончить с собой, – тоскливо выдохнула она.

– А кроме этого? Может, есть другой выход?

Мередит резко вскинула голову, расслышав в его голосе нечто вроде веселых ноток. Брови девушки недоуменно сошлись в прямую линию. Мередит смотрела на него, потрясенная несгибаемой силой этого мужественного лица, успокоенная неожиданным пониманием, которое читала в немигающих глазах. Она слегка отодвинулась, собираясь как следует все обдумать, и ощутила разочарование, когда Мэтт немедленно разжал руки. Но даже сейчас его спокойное признание существующих фактов словно передалось Мередит, и она мгновенно почувствовала себя способной здраво мыслить.

– Что бы я ни придумала, все ужасно. Врачи в клинике советовали сделать аборт...

Она осеклась, ожидая, что Мэтт посоветует сделать то же самое, если бы не увидела, как чуть заметно сжались его челюсти: либо равнодушен к этому решению, либо согласен с ним. Однако необходимо было точно убедиться. Мередит отвела глаза и прерывающимся голосом продолжала:

– Только... только не думаю, что смогу вынести это, во всяком случае, одна. Даже если и решусь на такое, не знаю, как смогу спокойно жить потом.

Она снова всхлипнула, громко, словно обиженный ребенок, втянула в себя воздух, пытаясь говорить спокойно.

– Я могла бы родить ребенка и отдать его на усыновление, но Боже... это ничего не решит, по крайней мере для меня. И к тому же, так или иначе, придется сказать отцу. Если он узнает, что мне предстоит стать матерью-одиночкой, это разобьет его сердце. Он никогда не простит меня! Ни за что! И... и я все время думаю о том, что позже почувствует мое дитя и как будет спрашивать себя, почему мать от него отказалась. А я... всю оставшуюся жизнь буду смотреть на детей и гадать, который из них мой, и думает ли обо мне, ищет ли меня. – Она снова смахнула слезу. – Не могу жить с такой виной на совести. А ты? Почему ты молчишь? Неужели не можешь слова вымолвить?

– Как только ты скажешь такое, с чем я не соглашусь, – объявил он властным голосом, никогда раньше не слышанным девушкой, – немедленно дам тебе знать.

Задетая его тоном, но успокоенная словами, Мередит тихо охнула и, нервно вытирая руки о слаксы, продолжала:

– Мой отец развелся с матерью, потому что она спала с кем попало. Если я приеду домой и во всем признаюсь, отец просто выбросит меня из дома. У меня нет денег, но, когда мне исполнится тридцать, я получу наследство. А пока можно попытаться воспитывать моего ребенка самой...

И тут он перебил ее. Всего два слова – сухие и непререкаемые:

– Нашего ребенка.

Мерedit с трудом кивнула, растроганная почти до слез.

– И последний выход. Нет, тебе он не понравится... Мне, впрочем, тоже. Это неприлично...

Корчась от унижения и муки, Мерedit смолкла и, собравшись с силами, начала снова, на этот раз не выбирая выражений; слова полились беспорядочным потоком:

– Мэтт, не смог бы ты помочь мне убедить отца, что мы любим друг друга и решили... решили пожениться прямо сейчас. Тогда через несколько недель мы успеем признаться, что я беременна. Естественно, после рождения ребенка мы сумеем развестись. Не согласишься ли на такие условия?

– С огромным нежеланием, – отрезал Мэтт после продолжительной паузы.

Сгорая от стыда и понимая, что сама поставила себя в подобное положение, Мерedit отвернулась. Неужели он решил отыграться на ней? И теперь нарочно дает понять, что колеблется, а если решил согласиться, то только затем, чтобы сделать ей одолжение?

– Спасибо за рыцарское отношение, – саркастически бросила она. – Я готова подписать документ о том, что не буду иметь к тебе никаких претензий после рождения ребенка и обещаю дать тебе развод. У меня в сумочке ручка, – добавила она, направляясь к машине, вне себя от гнева, но почти решившись составить письменное соглашение и покончить со всеми формальностями.

Но когда она проходила мимо Мэтта, сильная рука сомкнулась на ее запястье, и он, дернув ее назад, повернул лицом к себе.

– А чего, черт возьми, ты от меня ожидала? – процедил он. – Не считаешь, что с твоей стороны немного неромантически начинать с того, что ты находишь мысль о замужестве со мной непристойной, и говорить о разводе сразу же после того, как упомянула о браке?

– Неромантически? – повторила Мерedit, тупо уставясь на словно высеченное из камня лицо, разрываясь между истерическим смехом от того, что так недооценивала его, и боязнью, что сейчас он может сорвать на ней злость. Но окончательно осознав, что хотел сказать Мэтт, она забыла о веселье и ощутила себя неразумным младенцем. – Прости меня, – прошептала она, глядя в его непроницаемые глаза. – Пожалуйста, прости. Я не хотела сказать, что наш брак – такая непристойная вещь. Дело в том, что жениться только из-за того, что я забеременела, отвратительно, такое должно происходить, когда люди любят друг друга.

И ослабев от облегчения, она увидела, как смягчилось его лицо.

– Если успеем добраться к судье до пяти часов, – решил он, выпрямляясь, – значит, сможем раздобыть разрешение на брак и пожениться в субботу.

Процедура получения брачной лицензии потрясла Мерedit как нечто омерзительно несложное и тошнотворно бессмысленное. Стоя рядом с Мэттом, она предъявила все необходимые документы, доказывающие ее личность и возраст. Потом оба расписались и вышли из старого здания суда в центре города под нетерпеливым взглядом привратника, которому не терпелось поскорее запереть двери. Помолвлены и должны скоро пожениться. Вот так, просто и без лишних эмоций.

– Как раз вовремя успели, – с деланой веселостью проговорила она, чувствуя, как ворочается в желудке тяжелый неприятный ком. – Куда мы сейчас едем?

Она села в машину, по привычке уступив ему место водителя, потому что не хотела утруждать себя.

– Собираюсь доставить тебя домой.

– Домой? – напряженно повторила Мерedit, заметив, что ему все происходящее нравится ничуть не больше, чем ей. – Не могу я ехать домой, пока мы не поженились.

– Я не имел в виду ту каменную крепость в Чикаго, – поправил он, устраниваясь рядом. – Я говорил о своем доме.

И хотя Мередит была донельзя усталой и измученной, точное описание ее жилища все-таки заставило ее слегка улыбнуться. Она начинала понимать, что Мэтью Фаррела ничто не могло унижить или потрясти, ужаснуть или запугать. Ничто и никто. Повернувшись, он положил руку на спинку ее сиденья, и улыбка Мередит поблекла – слишком неумолимым был его тон.

– Я согласился получить лицензию, но, прежде чем мы сделаем последний шаг, необходимо заключить нечто вроде соглашения по некоторым вопросам.

– Каким вопросам?

– Пока еще не знаю. Поговорим подробнее дома.

Сорок пять минут спустя Мэтт свернул с проселочной дороги, по обеим сторонам которой тянулись кукурузные поля, на изрытую колеями тропу. Машина прогремела по доскам узкого мостика через ручей, и Мередит впервые увидела то место, которое он называл домом. По контрасту с ухоженными полями ветхий дощатый домик выглядел заброшенным и давно нуждавшимся в ремонте. Во дворе сорняки глушили траву, а дверь амбара пьяно повисла на одной петле. Несмотря на запустение, было заметно, что когда-то здесь жили заботливые хозяева: деревянная решетка у крыльца была увита буйно вьющимися розовыми розами, а старые деревянные качели свисали с ветки гигантского дуба во дворе.

По пути сюда Мэтт рассказал, что его мать умерла семь лет назад и теперь он живет с отцом и шестнадцатилетней сестрой. Мередит так разнервничалась при мысли о встрече с его семьей, что почти лишилась дара речи и, показав на фермера, ехавшего на тракторе по полю, с трудом выговорила:

– Это твой отец?

Мэтт наклонился, чтобы открыть дверцу, посмотрел в ту сторону, куда показала Мередит, и покачал головой:

– Это сосед. Мы давно уже продали почти всю землю, а остальное сдаем ему в аренду. Отец потерял всякий интерес к фермерству, когда умерла мать. – И, заметив изменившееся от напряжения лицо Мередит, сжал ее руку: – Что с тобой?

– До смерти боюсь твоих родных.

– Нечего тут бояться. Моя сестра посчитает тебя необыкновенной, волнующей и утонченной только потому, что ты живешь в большом городе. – Нерешительно помолчав, он добавил: – Мой отец пьет, Мередит. Запил, когда выяснилось, что мать смертельно больна. Правда, у него есть постоянная работа и во хмелю он никогда не буянит. Говорю это тебе для того, чтобы ты поняла его и не осуждала. Последнюю пару месяцев он держался и был совершенно трезв, но это в любой момент может кончиться.

Он не извинялся, а признавал факт, никого при этом не осуждая.

– Понимаю, – кивнула Мередит, хотя в жизни не общалась с алкоголиками и на самом деле ничего не могла сообразить.

На беспокойство не осталось времени, потому что в этот момент дверь распахнулась, и стройная девушка с темными волосами и серыми глазами Мэтта выбежала на крыльцо, не сводя глаз с машины.

– О Господи, Мэтт, «порше»!

У нее была почти такая же короткая стрижка, как у брата, подчеркивавшая прелесть хорошенького личика, на котором было написано почтительное восхищение. Повернувшись к Мередит, девушка спросила:

– Это ваш?

Мередит кивнула, пораженная порывом мгновенной симпатии к сестре Мэтта, так похожей на брата и все же совершенно лишенной его сдержанности.

– Вы, должно быть, невероятно богаты, – бесхитростно продолжала она. – То есть я хочу сказать, Лора Фридриксон очень богата, но у нее никогда не было «порше».

Мерedit была ошеломлена упоминанием о деньгах и мгновенно загорелась любопытством, услышав имя Лоры Фридриксон. Мэтт раздраженно посмотрел на сестру.

– Немедленно замолчи, Джули! – прикрикнул он.

– О, простите, – широко улыбнулась девушка и вновь обратилась к Мерedit: – Привет. Я ужасно невоспитанная сестра Мэтта – Джули. Может, зайдете в дом?

Она открыла дверь.

– Па только поднялся. На этой неделе он работает в одиннадцатичасовой смене, так что ужинать будем в половине восьмого. Нормально?

– Порядок, – кивнул Мэтт и, полуобняв Мерedit, подтолкнул к дому. Мерedit огляделась, чувствуя, как лихорадочно колотится сердце, но постаралась взять себя в руки перед встречей с отцом Мэтта.

Внутри дом выглядел почти как снаружи – заброшенный, неухоженный, потерявший былое очарование. Деревянный некрашеный пол был весь в выбоинах и щелях, а плетеные коврики выцвели от времени и износились. От кирпичного очага под прямым углом отходили книжные полки, пара потрепанных кресел с зеленой обивкой стояла перед диваном в цветастом чехле с рисунком потускневших осенних листьев. За гостиной была столовая с мебелью из клена, а через открытую дверь виднелась кухня с раковиной на ножках. Лестница справа вела из столовой на второй этаж, и очень высокий мужчина с седеющими волосами и морщинистым лицом как раз спускался по ступенькам со сложенной газетой в одной руке и со стаканом, наполненным жидкостью цвета темного янтаря, – в другой. К несчастью, Мерedit разглядела его слишком поздно, и неловкость, которую она ощутила при виде дома, была по-прежнему ясно написана на ее лице, да к тому же почему-то ее внимание привлек этот несчастный стакан.

– Что здесь происходит? – осведомился он, переводя взгляд с Мерedit на Мэтта и Джули, переминавшуюся возле очага и исподтишка восхищавшуюся нарядом гости – модными слаксами, итальянскими босоножками и рубашкой «сафари» цвета хаки.

Мэтт познакомил Мерedit с отцом и Джули.

– Мы познакомились с Мерedit в прошлом месяце, когда я был в Чикаго, – пояснил он. – Собираемся пожениться в субботу.

– Что-о-о? – ошеломленно пробормотал отец.

– Потрясающе! – завопила Джули, заставив остальных на несколько мгновений забыть обо всем. – Всегда мечтала иметь старшую сестру, но в жизни не думала, что она появится в собственном «порше»!

– В чем появится? – растерянно переспросил Патрик Фаррел у слишком впечатлительной дочери.

– «Порше»! – в полном восторге повторила Джули, подбегая к окну и отодвигая занавеску, чтобы порадовать отца волшебным зрелищем.

Машина Мерedit поблескивала на солнце – белая, изящная и, несомненно, дорогая. Насколько неуместно выглядела она здесь, среди окружающего убожества! Патрик, очевидно, тоже так посчитал, потому что, когда снова повернулся к Мерedit, мохнатые брови были сведены в прямую линию, а выцветшие голубые глаза почти исчезли в глубоких морщинах.

– Чикаго? – удивился он. – Но ты пробыл в Чикаго всего несколько дней!

– Любовь с первого взгляда! – объявила Джули, прерывая напряженное молчание. – Как романтично!

Патрик Фаррел, прекрасно разглядев, с каким выражением Мерedit оглядывала дом, ошибочно посчитал, что гостя прониклась мгновенным и искренним презрением к убогому жилищу и к его обитателям. Откуда ему было знать, как напугана и измучена девушка мыслями о неопределенном и невеселом будущем? И теперь, глядя в ее застывшее лицо, не смог скрыть своих чувств.

– Любовь с первого взгляда? – повторил он с нескрываемым сомнением. – Это действительно так?

– Очевидно, – предостерегающе бросил Мэтт тоном, явно говорившим о том, что лучше оставить эту тему, и спас Мерedit от дальнейших расспросов, осведомившись, не хочет ли она отдохнуть перед ужином. Мерedit с радостью схватилась бы не только за это предложение, но и за колючую проволоку, только бы поскорее уйти отсюда.

После пережитого сегодня унижения, когда пришлось признаться Мэтту в беременности, это был второй, самый постыдный, момент в ее жизни. Она молча кивнула Мэтту. Джули предложила свою спальню, пока Мэтт доставал из машины ее чемоданчик.

Очутившись наконец наверху, Мерedit в угрюмом молчании присела на кровать Джули, а Мэтт положил чемодан на стул.

– Худшее позади, – тихо сказал он.

Но девушка, не поднимая глаз и нервно ломая руки, покачала головой:

– Мне так не кажется. – И, уцепившись за самую незначительную из всех одолевающих ее проблем, добавила: – По-моему, это только начало. Твой отец возненавидел меня с первого взгляда.

В голосе Мэтта впервые за все это время прозвучали веселые нотки.

– Может, все и обошлось бы, не посмотри ты на стакан чая со льдом в его руке, словно на гремучую змею.

Откинувшись назад, Мерedit, сбита с толку и пристыженная, уставилась в потолок.

– Неужели я сделала это? – хрипло спросила она, закрывая глаза, словно пытаясь отогнать ужасную картину.

Мэтт взглянул на измученную красавицу, такую несчастную и одинокую, лежавшую поперек постели, словно сорванный, увядающий цветок, и мысленно увидел ту Мерedit, какой она была всего полтора месяца назад: смеющуюся, с озорно сверкающими глазами, делавшую все возможное, чтобы он чувствовал себя среди этих надутых снобов как дома. И что случилось с ней теперь?

Что-то странное и незнакомое свинцовой тяжестью легло на сердце, и только сейчас до него дошла вся абсурдность их положения: они почти не знают друг друга, но были близки настолько, насколько могут быть близки лишь любовники.

В отличие от любой другой женщины из тех, с кем переспал Мэтт, Мерedit была совершенно невинна и теперь носила его ребенка.

Между ними разверзлась социальная пропасть шириной в тысячи миль, и вот теперь они намереваются, поженившись, перекинуть мостик через эту пропасть, а потом, разведясь, еще больше расширить ее и уничтожить эту хрупкую связь.

У них не было абсолютно ничего общего, ничего, если не считать единственной ночи любви, страстной, сладостной, жаркой любви, когда соблазнительная искустельница в его объятиях превратилась из испуганной девственницы в источник мучительного восторга. Эта незабываемая ночь любви, не дававшая покоя, терзавшая безумными воспоминаниями, ночь, когда он добровольно позволил увлечь себя, чтобы самому стать настойчивым преследователем, отчаянно пытавшимся подарить им обоим наслаждение, которое они не смогут никогда забыть.

И ему это удалось.

Но теперь благодаря его решимости он скоро станет отцом.

Жена и ребенок не входили в планы Мэтта на ближайшее время, с другой стороны, разрабатывая свой жизненный план и следуя ему десять долгих лет, он знал, что раньше или позже это случится, и поэтому теперь всего-навсего придется приспособиться к обстоятельствам. Конечно, все это произошло в самое неподходящее время, но Мэтт привык нести на своих плечах любую тяжесть, любую ответственность. Нет, долг и обязанности не тяготили Мэтта так,

как другие обстоятельства, и самым важным из них было потухшее безнадежное лицо Мередит. И мысль, что из-за случившегося радость и счастье никогда не осветят это чарующее лицо, беспокоила его больше всего на свете. Именно поэтому Мэтт наклонился над ней и голосом, который должен был прозвучать шутливо, но сорвался почти на крик, резко приказал:

– Ну-ка улыбнись, спящая красавица!

Глаза Мередит распахнулись, сузились, опустились к его улыбающимся губам и снова поднялись в немом жалком недоумении.

– Не могу, – хрипло прошептала она. – Вся эта идея попросту безумна, и теперь я это вижу. Поживившись, мы только испортим жизнь друг другу и малышу.

– Почему ты это говоришь?

– Почему? – повторила она, краснея от унижения. – Как ты можешь спрашивать меня почему? Боже, да ты даже не захотел пригласить меня куда-нибудь после той ночи. Даже не позвонил! Как ты мог...

– Я намеревался позвонить тебе... – перебил Мэтт. Мередит закатила глаза при виде столь невероятного хладнокровия, но он продолжал: – Через год-другой, после того как вернулся бы из Южной Америки.

Не будь Мередит так несчастна, наверняка бы рассмеялась ему в лицо, но следующие слова, произнесенные со спокойной силой, успокоили ее сердце:

– Да если бы я хоть на секунду подумал, что ты хочешь меня видеть, давно бы позвонил.

Охваченная одновременно недоверием и болезненной надеждой, Мередит сомкнула веки, безуспешно пытаясь справиться с собой. Слишком много свалилось на нее – безмерное отчаяние, ошеломляющее облегчение, робкая надежда, ослепительная радость.

– Улыбнись! – снова приказал Мэтт, необычайно довольный тем, что она действительно хотела увидеть его.

Помимо всего прочего, тогда он предположил, что при беспощадном свете дня она примет все по-другому и поймет, что отсутствие денег и соответствующего положения станет непреодолимым препятствием ко всяким дальнейшим отношениям. Но оказалось, к счастью, она так не думала.

Мередит длинно, прерывисто вздохнула, и только когда попыталась заговорить, Мэтт сообразил, что она безуспешно старается подчиниться его требованию улыбнуться. Дрожащими губами она мрачно пролепетала:

– Собираешься меня пилить?

– По-моему, это скорее твоя обязанность.

– Неужели?

– Угу. Жены вечно пилят мужей.

– А что делают мужья?

Он с деланным превосходством оглядел ее:

– Мужья командуют!

По контрасту со следующими словами улыбка и голос были поистине ангельскими.

– Хочешь побиться об заклад?

Мэтт отвел глаза от зовущих губ, взглянул в сверкающие, словно драгоценные камни, глаза и ответил с обезоруживающей откровенностью:

– Не хочу.

И тут случилось то, что он менее всего ожидал. Вместо того чтобы развеселиться, она неожиданно заплакала, и не успел Мэтт выругать себя за то, что обидел ее, Мередит обхватила его шею и притянула к себе. Зарывшись лицом в его грудь, она заплакала еще громче, так что затряслись худенькие плечи. Мэтт молча растянулся рядом, и когда через несколько мгновений Мередит заговорила, слова было почти невозможно разобрать за потоком слез и громкими всхлипами:

– А жена фермера должна консервировать и мариновать овощи?

Мэтт едва успел подавить неуместный смех и, глядя ее роскошные волосы, выдавил:

– Нет.

– Хорошо, потому что я ничего не умею.

– Но я не фермер, – напомнил он. – Ты ведь знаешь.

И настоящая причина ее страданий вырвалась вместе с новым потоком слез.

– Я должна со следующего месяца начать учебу в колледже, – с глубокой искренней скорбью проговорила она. – Мне необходимо поступить в колледж. Я собираюсь когда-нибудь стать президентом, Мэтт.

Пораженный, Мэтт опустил голову, пытаясь разглядеть ее лицо.

– Весьма благородная цель, – объявил он торжественно. – Президент Соединенных Штатов...

Он говорил так серьезно, что непредсказуемая молодая женщина в его объятиях невольно сквозь слезы взвизгнула от смеха.

– Не Соединенных Штатов, а универмага, – поправила она, и теперь ее великолепные глаза искрились смехом. Куда подевались боль и отчаяние?

– Благодарение Богу и за малые милости, – пошутил Мэтт, вне себя от облегчения, что она наконец улыбнулась. – Через несколько лет я стану богатым человеком, но даже к тому времени вряд ли смогу купить тебе пост президента страны.

– Спасибо, – шепнула она.

– За что?

– За то, что заставил меня смеяться. Я не плакала так сильно с тех пор, как была совсем ребенком. А теперь, кажется, остановиться не могу.

– Надеюсь, ты смеялась не над тем, что я когда-нибудь разбогатею.

Несмотря на небрежный тон, Мередит почувствовала, что он не шутит, и мгновенно стала серьезной. В этом лице с квадратным подбородком светились решимость, ум и тяжело доставшийся жизненный опыт. Судьба не подарила ему тех преимуществ, которые имели мужчины ее класса, но Мередит инстинктивно чувствовала в Мэтте Фарреле редкое сочетание силы с неsgiбаемой волей и стремлением к успеху. И, несмотря на некоторый его цинизм и привычку повелевать, она чувствовала, что глубоко в душе Мэтта таится нежность. Сегодняшнее поведение было тому доказательством. Она сама была виновата в том, что произошло полтора месяца назад, и беременность и поспешное замужество, несомненно, так же губительны для его жизни, как и для ее. Однако Мэтт ни разу не упрекнул Мередит за беспечность и глупость, не послал к черту, когда она попросила его жениться на ней... а ведь она ожидала взрыва негодования.

Мэтт понимал, какими невероятными казались его претензии, особенно сейчас, и видел, что Мередит исподтишка изучает его и взвешивает его шансы на успех. В ночь их первой встречи он выглядел как один из тех, среди которых она жила. Теперь же она поняла, из каких низов вышел ее жених, видела, как он, весь в грязи, копается в моторе. Мэтт вспомнил ее потрясенное брезгливое выражение лица. И теперь, глядя в это прекрасное лицо, почти ожидал, что она рассмеется... Нет, Мередит слишком хорошо воспитана для этого, скорее всего скажет что-то снисходительное, и он, Мэтт, сразу все поймет, эти нелгущие глаза выдадут ее.

И наконец Мередит заговорила – спокойно, задумчиво улыбаясь:

– Собираешься перевернуть мир?

– Вверх дном, – кивнул он.

К совершенному изумлению Мэтта, Мередит Бенкрофт подняла руку, застенчиво при-тронулась к его напряженному подбородку, погладила пальцем щеку, и улыбка отразилась в ее глазах, заставив их засветиться. Мягко, но абсолютно убежденно она прошептала:

– Уверена, что так и будет, Мэтт.

Мэтт хотел что-то сказать, но слова не шли с языка. Прикосновение ее пальцев, близость тела, выражение глаз подействовали на него словно наркотик. Совсем недавно его безумно влекла эта девушка, и теперь притяжение мгновенно вернулось с прежней силой, заставившей его наклониться и завладеть ее губами в безжалостном мучительном поцелуе. Он поглощал ее сладость, потрясенный собственным иступлением, когда пришлось почти силой раскрыть губами ее губы, потому что инстинктивно чувствовал: едва ли она ощущает то, что ему приходится испытывать сейчас. И когда ее губы раскрылись, он был ошеломлен нахлынувшим на него потоком чувств. Куда девались здравый смысл и холодный рассудок! Мэтт наклонился над ней, оцепенев от желания, и почти застонал, когда Мередит, отстранившись, уперлась ладонями в его грудь.

– Твои родные, – с отчаянием охнула она. – Они внизу...

Мэтт нехотя отнял руку от ее обнаженной груди. Его родные... Как он мог забыть о них! Очевидно, отец пришел к верному выводу относительно причин столь внезапного брака и к совершенно неправильному заключению насчет самой Мередит. Нужно спуститься и все прояснить: не стоит укреплять отца в том мнении, что Мередит – просто богатая потаскуха, которая сейчас не стесняется валяться с ним в этой спальне.

Мэтт был потрясен отсутствием всякого контроля над собой, когда рядом была Мередит. Медленные, нежные ласки... нет, он совсем не этого хотел... быстрое полное обладание – вот его цель, а такого никогда не случалось с ним раньше.

Откинув голову, Мэтт несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, вскочил с постели – подальше от соблазна! – и прислонился к кровати столбику, наблюдая, как она с трудом садится и нерешительно оглядывает комнату, поспешно поправляя одежду. Мэтт усмехнулся, увидев, как тщательно Мередит прикрывает груди, которые он целовал и ласкал всего несколько мгновений назад.

– Рискуя показаться чересчур эмоциональным, – задумчиво заговорил он, – начинаю находить мысль о фиктивном браке не только ужасной, но и чрезвычайно непрактичной. Очевидно, что мы испытываем друг к другу сильное сексуальное притяжение. Кроме того, мы вместе сделали малыша. Может, стоит попробовать жить, как все женатые пары? Кто знает, – пожал он плечами, невольно улыбаясь, – может, нам это понравится.

Мередит не удивилась бы сильнее, даже если бы у него внезапно выросли крылья и он начал летать по комнате. Она поняла, что Мэтт не настаивает, а просто предлагает ей подумать и о такой возможности. Разноречивые чувства, вызванные его хладнокровием, с другой стороны, мыслями о будущей семье, смутили девушку, и она ничего не ответила.

– Спешить некуда, – бесшабашно улыбнулся он. – Впереди еще несколько дней, чтобы все решить.

После его ухода Мередит с усталым недоверием взглянула на закрывшуюся дверь, поистине ошеломленная быстротой, с которой он делал выводы, отдавал приказы и приходил к решениям. Характер этого почти незнакомого Мэтью Фаррела был воистину многогранен, и она никак не могла понять, какой же он на самом деле. В ночь их встречи в нем была некая леденящая отчужденность, граничившая с грубостью, однако чуть позже он улыбался над ее шутками, спокойно рассказывал о себе, целовал до беспамятства и любил с требовательной страстью и ошеломительной нежностью. Однако даже после той ночи она чувствовала, что он может быть резок и непреклонен и не стоит его недооценивать. Более того, чего бы ни предпочел Мэтью Фаррел добиться в жизни, он станет силой, с которой придется считаться.

Она задремала с мыслями о том, что он достаточно опасный противник для всех, кто вздумает стать ему поперек дороги.

Неизвестно, что сказал Мэтт отцу, но, когда Мередит спустилась вниз, Патрик Фаррел, казалось, успел вполне смириться с тем фактом, что сын скоро женится. Но несмотря на это, только веселая болтовня Джули помешала этому ужину стать тяжелым испытанием для Мере-

дит. Мэтт все это время был молчалив и задумчив, хотя, казалось, лишь одним своим присутствием давал понять, кто главный в этой комнате и за столом. Патрик Фаррел, номинальный глава семейства, очевидно, уступил эту роль сыну. Худощавый мрачный человек с лицом, носившим следы бурной жизни и пережитой драмы, он предоставлял Мэтту решать все дела. Мередит он показался жалким и почему-то пугающим, да к тому же она чувствовала, что будущий свекор по-прежнему недолюбливает ее.

Джули, добровольно согласившаяся взять на себя роль кухарки и экономки, казалась праздничным фейерверком – всякая мысль немедленно срывалась с ее губ потоком восторженных слов. Ее преданность Мэтту была полной и очевидной: она подскакивала, чтобы принести брату кофе, спрашивала у него совета, слушала все, что он говорил, с таким видом, будто сам Господь спустился на землю и проповедует верующим. Мередит, отчаянно пытавшаяся не думать о своих бедах, не переставала удивляться тому, как удалось Джули сохранить оптимизм и жизнелюбие. Почему такая девушка, как Джули, предпочла добровольно пожертвовать своим будущим и карьерой ради отца и брата?

Прошло несколько минут, прежде чем Мередит сообразила, что Джули обращается к ней:

– В Чикаго есть универмаг «Бенкрофт». Я иногда вижу его рекламу в газетах и модных журналах. Однажды Мэтт привез мне оттуда шелковый шарф. Вы когда-нибудь бывали там?

Мередит кивнула, невольно улыбнувшись при упоминании магазина, но не стала вдаваться в подробности. Сейчас не время рассказывать о том, каким образом она связана с универмагом, да и Патрик так болезненно отреагировал на ее машину, что не стоило делать этого сейчас. Но к несчастью, Джули не дала ей выбора:

– Вы, случайно, не родственница Бенкрофтов, тех людей, что владеют магазином?

– Родственница.

– И близкая?

– Очень, – призналась она, улыбнувшись при виде восторженного блеска в больших серых глазах Джули.

– Очень близкая? – продолжала девушка, откладывая вилку и уставясь на Мередит с неподдельным изумлением. Мэтт не донес до рта чашку с кофе, а Патрик, нахмурясь, откинулся в кресле.

Молча смирившись с поражением, Мередит вздохнула:

– Мой прапрадед основал магазин.

– Потрясающе! А знаете, кем был мой прапрадед?

– Нет, конечно. Кем же? – спросила Мередит, так захваченная восторженным энтузиазмом девушки, что совсем забыла взглянуть, как отнесся Мэтт к этой новости.

– Эмигрировал в Америку из Ирландии и завел лошадиное ранчо, – сообщила Джули и, встав, начала убирать со стола.

Мередит улынулась и тоже поднялась, чтобы помочь.

– А мой был конокрадом!

Мужчины взяли чашки с кофе и направились в гостиную.

– Неужели взаправдашним конокрадом? – охнула Джули, наполняя раковину мыльной водой. – Вы уверены?

– Совершенно, – кивнула Мередит. – За это его и повесили.

Несколько минут они работали в дружелюбном молчании, но потом Джули объяснила:

– Следующие несколько дней отец работает в две смены. Я сегодня переночую у подруги – будем вместе готовить уроки. Утром вернусь и приготовлю завтрак.

Мередит, удивленная упоминанием об уроках, совершенно не обратила внимания на то обстоятельство, что остается наедине с Мэттом.

– Ты учишься? Но почему? Разве сейчас не каникулы?

– Я хожу в летнюю школу. Таким образом, я смогу окончить ее в декабре, через два дня после того, как мне исполнится семнадцать.

– Но это слишком рано.

– А Мэтту было шестнадцать.

– Неужели? – удивилась Мередит, засомневавшись в качестве подобного обучения в сельских школах, позволяющего так быстро усвоить школьную программу. – А что ты станешь делать потом?

– Поступлю в колледж. Собираюсь специализироваться в одной из естественных наук, но еще не решила в какой. Возможно, в биологии.

– В самом деле?

Джули, кивнув, с гордостью объявила:

– У меня полная стипендия. Мэтт до тех пор не хочет уезжать, пока не убедится, что я смогу справиться без него. Правда, нет худа без добра: он сумел получить степень магистра по управлению предприятием за это время. Хотя ему пришлось оставаться в Эдмонтоне и продолжать работать, чтобы оплатить медицинские счета матери.

Мередит удивленно уставилась на девушку:

– Мэтт сумел... что?!

– Получить степень магистра по управлению предприятием. Ее получают после степени бакалавра, – пояснила девушка. – В колледже Мэтт специализировался по двум предметам – экономике и финансам. У нас в семье все головастые, – добавила она, но, увидев потрясенное лицо Мередит, остановилась и нерешительно пробормотала: – Ты... на самом деле... ты ничего о нем не знаешь, верно?

«Только как он целуется и занимается любовью», – со стыдом подумала Мередит.

– Не много, – тихо призналась она вслух.

– Ну не стоит так уж винить себя. Большинство людей считают, что Мэтта не так-то легко узнать, а вы были знакомы всего два дня.

Это прозвучало таким осуждением, что Мередит отвернулась, не в силах встретиться с ней взглядом, и, подняв кружку, начала старательно вытирать ее.

– Мередит, – шепнула Джули, тревожно глядя на нее, – тут нечего стыдиться, я хочу сказать... для меня все одно, беременна ты или нет.

Мередит уронила кружку, и она покатилась по линолеуму под раковину.

– Но это так, – настаивала Джули, нагибаясь и поднимая кружку.

– Это Мэтт сказал вам, что я беременна? – едва выговорила Мередит. – Или ты сама догадалась?

– Мэтт потихоньку шепнул отцу, а я подслушала, хотя к тому времени уже поняла все сама.

– Чудесно, – пробормотала Мередит, сгорая от стыда.

– Вот именно, – согласилась Джули. – То есть до того, как Мэтт все рассказал отцу о вас, я чувствовала себя так, словно осталась единственной шестнадцатилетней девственницей в округе...

Мередит закрыла глаза, понимая, что вот-вот лишится сознания от унижения и гнева на Мэтта. Как он мог обсуждать ее с отцом!

– Должно быть, они здорово посплетничали на мой счет, – с горечью бросила она.

– Но Мэтт не сплетничал о тебе. Просто объяснил па, какая ты на самом деле.

Мередит стало неизмеримо легче, и, увидев это, Джули немного изменила тему:

– Тридцать восемь из двухсот девушек в нашей высшей школе забеременели в этом году. По правде говоря, – призналась она с некоторым унынием, – мне не приходилось беспокоиться об этом. Большинство парней боятся даже поцеловать меня.

Чувствуя, что от нее ждут какой-нибудь реплики, Мередит, откашлявшись, спросила:

– Почему?

– Из-за Мэтта, – с удовольствием поведала Джули. – Любой мальчишка в Эдмунтоне знает, что Мэтт – мой брат. И представляет, что он сделает с ним, если обнаружит, что он распускает руки. Если речь идет о защите женской добродетели, иметь Мэтта в родне все равно что носить пояс целомудрия.

– Мне почему-то... – выпалила Мередит, не сумев сдержаться, – мне не кажется это правдой.

Джули рассмеялась, и Мередит неожиданно засмеялась вместе с ней.

Когда они присоединились к мужчинам в гостиной, Мередит ожидала, что ей предстоит провести два скучных часа у телевизора, но Джули вновь взяла инициативу в свои руки.

– Что будем делать? – спросила она, выжидающе переводя взгляд с Мередит на Мэтта. – Может, сыграем в карты? Нет, подождите, как насчет чего-нибудь совсем дурацкого?

Джули повернулась к книжным полкам и провела пальцем по коробкам с играми.

– «Монополия»! – объявила она, оглядываясь.

У Мэтта не было никакого желания играть, особенно в «Монополию», и он уже хотел было предложить Мередит прогуляться, но подумал, что, вероятно, ей лучше снять напряжение, а их беседа может опять расстроить ее. Кроме того, Мередит подружилась с Джули и освоилась с ее присутствием. Он кивнул, пытаясь сделать вид, что в восторге от предложения, и вопросительно взглянул на Мередит. Та тоже, казалось, не слишком обрадовалась, но улыбнулась и кивнула.

Два часа спустя ему пришлось признаться себе, что игра в «Монополию» оказалась неожиданно интересной, и даже он постепенно увлекся. Джули веселилась от души, и не без ее влияния игра постепенно стала чем-то вроде фарса, причем обе девушки из кожи вон лезли, чтобы победить Мэтта, а если это не получалось, бессовестно жульничали. Дважды он поймал Джули на том, что та успела стащить выигранные им деньги, а теперь Мередит выдвигала самые невероятные причины, чтобы не платить ему штраф.

– Никаких извинений на этот раз, – предостерег он Мередит, когда ее фишка оказалась на собственности, которой он владел. – За это ты должна мне тысячу четыреста долларов.

– Ни за что! – самодовольно ухмыльнулась она и, показав на маленькие пластиковые макеты отелей, которые он построил на своей земле, постаралась незаметно подвинуть один из них кончиком пальца.

– Этот отель построен на моей земле, так что плати за незаконное вторжение.

– Я сейчас захвачу все, что у тебя есть, – пригрозил он, – если не отдашь моих денег.

Мередит, смеясь, повернулась к Джули:

– У меня только тысяча. Одолжишь мне?

– Конечно, – заверила та, хотя уже успела потерять все деньги. Потянувшись к груде банкнот, лежавших рядом с Мэттом, она выхватила пару пятисотдолларовых бумажек и протянула Мередит.

Несколько минут спустя Мередит признала поражение. Джули отправилась собирать книги, а Мередит убрала игру и поднялась, чтобы поставить ее на книжную полку. Патрик Фаррел встал.

– Мне пора, – объявил он. – Мэтт, ты оставил грузовик в гараже?

Мэтт кивнул и сказал, что утром попросит кого-нибудь подвезти его в гараж. Патрик обернулся к Мередит. На протяжении всей веселой игры она чувствовала на себе его взгляд. Теперь же он улыбнулся – нерешительной, угрюмой улыбкой:

– Спокойной ночи, Мередит.

Мэтт тоже встал и спросил, не хочет ли она пойти на прогулку. Радуюсь каждой отсрочке, которая могла бы помешать ей отправиться спать, вне себя от тревоги, Мередит кивнула:

– С удовольствием.

Ночной воздух был теплым и свежим, а луна проложила по двору широкую дорожку. Не успели они спуститься с крыльца, как сзади возникла Джули с перекинутым через плечо свитером и учебниками в руках:

– До завтра! Джоэль ждет меня в конце подъездной дорожки. Я еду к ней домой готовить уроки.

Мэтт, сдвинув брови, резко обернулся:

– В десять часов вечера?

Джули на миг остановилась, опершись на перила, и раздраженно улыбнулась.

– Мэтт! – охнула она, закатив глаза, возмущенная таким бесцеремонным вмешательством в ее дела.

Мэтт согласно кивнул:

– Передай Джоэль привет.

Джули поспешно сбежала по ступенькам и помчалась к концу дорожки на свет фар, а Мэтт, обернувшись к Мередит, спросил ее о том, что, очевидно, не давало ему покоя:

– Откуда ты знаешь о захвате собственности и нарушении границ?

Мередит, откинув голову, любовалась полной луной, висевшей в небе, словно огромный золотой диск.

– Отец много говорил со мной о бизнесе. Как-то у нас возникла проблема, связанная с нарушением границ зоны, когда мы построили филиал универмага в предместье города, и еще одна, с полосой отчуждения, когда подрядчик залил асфальтом автостоянку.

И поскольку он задал вопрос первым, Мередит, в свою очередь, спросила о том, что мучило ее вот уже много часов. Остановившись, она сорвала листок с низко висевшей ветки, безуспешно пытаясь не выказать осуждения.

– Джули сказала, что у тебя степень магистра по управлению предприятием. Почему ты позволил мне думать, что не поднялся выше простого плавильщика, который отправляется в Венесуэлу, чтобы попытать удачи на нефтяных полях?

– А что заставило тебя считать, что все плавильщики – обычные люди, а магистры – что-то особенное?

Мередит расслышала мягкий упрек в его словах и вся сжалась. Прислонившись к стволу дерева и чувствуя спиной шершавую кору, она сказала:

– Я похожа на сноба?

– А ты и есть сноб? – спросил он, сунув руки в карманы и внимательно изучая ее.

– Я... – Она поколебалась, пристально взглядываясь в смуглое лицо, испытывая странное искушение сказать ему то, что он так хотел услышать, но твердо отказываясь от соблазна: – Возможно.

Мередит не расслышала отвращения в собственном голосе, но Мэтт все понял, и обаяние его неожиданной ленивой улыбки заставило сильнее забиться ее сердце.

– Зато я сомневаюсь.

Эти три слова доставили ей огромную радость.

– Почему?

– Потому что снобы не заботятся о том, снобы они или нет. Чтобы ответить на твой вопрос, могу сказать: отчасти я скрыл это, потому что степень ничего не означает для меня, по крайней мере пока не могу ею воспользоваться. Сейчас у меня множество идей и планов, которые, однако, могут не сработать так, как было задумано.

Джули сказала, что многие считают Мэтта слишком замкнутым, и Мередит могла легко поверить этому. И все же по временам она чувствовала себя настолько настроенной на одну волну с ним, что, кажется, могла читать его мысли.

– Думаю, что ты позволил мне считать тебя простым литейщиком еще и потому, что хотел посмотреть, значит ли это что-нибудь для меня. Это... что-то вроде испытания, не так ли?

Мэтт невольно хмыкнул:

– Скорее всего. Кто знает, может, я никогда не поднимусь на другую ступень...

– Но теперь ты возвысился от сталелитейных заводов до нефтяных вышек, – пошутила она, смеясь глазами. – Наверное, потому что хотел получить работу пошикарнее.

Мэтт последним усилием воли противился искушению схватить ее в объятия и заглушить смех губами. Она еще так молода и избалована, а он уезжает в чужую страну, где элементарные удобства считаются роскошью. Внезапный сумасшедший порыв взять ее с собой продолжал терзать мозг – совершенный бред. С другой стороны, она такая храбрая, милая и беременна его ребенком. *Его* ребенком. Их ребенком. Возможно, идея не так уж безумна.

Откинув голову, он тоже посмотрел на луну, пытаясь не думать о навязчивой идее, но тут же обнаружил, что пытается найти самое разумное решение.

– Мередит, – сказал он, – большинству женатых пар требуется не один месяц, чтобы узнать друг друга до свадьбы, а у нас всего несколько дней и меньше недели после свадьбы, когда мне придется отправиться в Южную Америку. Как думаешь, сумеем мы втиснуть пять-шесть месяцев в два-три дня?

– Наверное, – протянула она, сбитая с толку неожиданной напряженностью в его голосе.

– Вот и хорошо, – пробормотал Мэтт, почему-то растерявшись и не зная, с чего начать теперь, когда она согласилась. – Что бы ты хотела узнать обо мне?

Проглотив непрощенный смущенный смех, Мередит оцепенело взглянула на Мэтта, гадая, ждет ли он вопросов о наследственности, которые она могла бы задать отцу своего будущего ребенка.

– То есть... – нерешительно начала она, – я должна узнать, не было ли в твоей семье сумасшедших и нет ли у тебя приводов в полицию?

Мэтт, в свою очередь, едва удержался от смеха и с притворной торжественностью объявил:

– На оба этих вопроса могу ответить отрицательно. Как насчет тебя?

Мередит серьезно покачала головой:

– Ни безумия, ни приводов.

И тут он заметил, как весело блещут ее глаза, и во второй раз за несколько минут испытал непреодолимое желание схватить ее в объятия и прижать к себе.

– Теперь твоя очередь спрашивать, – напомнила она. – Что ты хочешь узнать?

– Только одно, – объяснил Мэтт с беспощадной откровенностью, упираясь обеими руками в ствол. – Ты хотя бы наполовину так сладка, как я думаю?

– Возможно, нет.

Он выпрямился и улыбнулся, уверенный в том, что она ошибается.

– Давай поговорим, прежде чем я забуду о том, что мы должны тут делать. В интересах полной истины, – добавил он, когда они повернулись и направились по тропинке, ведущей к шоссе. – Я только сейчас вспомнил, что имел два привода.

Мередит остановилась как вкопанная, а он, повернувшись, добавил:

– Когда мне исполнилось девятнадцать.

– Но что ты сделал?

– Дрался. Участвовал в уличных потасовках, если сказать точнее. Перед смертью матери я умудрился убедить себя, что если у нее будут лучшие доктора и лучшие больницы, тогда она не умрет. И у нее было все самое лучшее. Когда деньги по страховке кончились, отец продал сельскохозяйственный инвентарь и все, что мог, лишь бы оплатить счета. Но она все равно умерла.

Мэтт говорил старательно-бесстрастным тоном.

– Отец запил, а я не знал, что с собой делать, и много месяцев после этого каждый день искал, с кем бы подраться, на ком сорвать злость. И поскольку не мог добраться до Бога, в

которого так верила мать, был рад надавать тумачков любому смертному. В Эдмунтоне совсем нетрудно затеять драку, – добавил он, сухо улыбаясь, и только сейчас осознал, что исповедуетя восемнадцатилетней девушке в таких вещах, в которых не признавался никому на свете. И эта самая восемнадцатилетняя девушка смотрит на него со спокойным пониманием взрослой, умудренной жизнью женщины. – Два раза копы успевали вмешаться и забирали всех в каталажку. Но в этом нет ничего особенного. Только в Эдмунтоне знают о приводах.

Тронутая его доверием, Мередит тихо сказала:

– Ты, должно быть, очень любил ее.

И понимая, что ступила на очень зыбкую почву, вздохнула:

– Я совсем не знала мать. Она уехала в Италию сразу после развода. Думаю, мне повезло... потому что лучше уж совсем не видеть кого-то, чем любить и потерять.

Мэтт отлично понял, в чем она пытается убедить его, и не стал обескураживать ее.

– Очень мило, – объявил он со спокойной торжественностью, – очевидно, у меня в самом деле превосходный вкус в том, что касается женщин.

Мередит разразилась смехом, но тут же с восторгом почувствовала, как его рука, скользя по ее спине, обвилась вокруг талии. Они продолжали идти, но через несколько шагов она внезапно остановилась:

– Ты был женат раньше?

– Нет. А ты? – поддразнил он.

– Ты прекрасно знаешь, что я... я никогда...

Мередит смущенно смолкла.

– Знаю, – кивнул Мэтт. – Не могу понять только, как с такой внешностью, как у тебя, ты ухитрилась до восемнадцати лет оставаться девственницей и не подарить себя какому-нибудь богатому юнцу с длинным языком, умеющему уговаривать девчонок?

– Терпеть не могу юнцов, – бросила Мередит и тут же с изумлением взглянула на него: – Господи, до этой минуты я ничего подобного себе и представить не могла!

Мэтт пришел в полный восторг, поскольку Мередит выходит замуж за настоящего мужчину, уж это точнее точного! Он ожидал, что Мередит добавит еще что-то, но, видя, что она молчит, недоверчиво спросил:

– И все? И только?

– По крайней мере это почти правда. Все дело в том, что до шестнадцати лет я была страшна как смертный грех и мальчики просто обходили меня стороной. Я ужасно злилась на них за то, что не обращали на меня внимания, и поэтому была не очень высокого мнения о них, всех до единого.

Мэтт, посмотрев на ее прекрасное лицо, соблазнительный рот и сияющие глаза, широко улыбнулся:

– А ты действительно была некрасивой?

– Скажем так, – сухо пояснила она, – вдруг у нас родится девочка, так для нее же лучше, если в детстве она будет похожа на тебя!

Мэтт взорвался оглушительным хохотом, расколовшим ночную тишину, и прижал ее к себе. Смеясь, он зарылся лицом в ее душистые волосы, потрясенный нежностью, которую испытывал к ней, тронутый доверчивой исповедью и окрыленный, потому что... потому что...

Он отказывался думать о причине. Самое главное – то, что она смеется и обняла его за талию. Мрачно улыбнувшись, он потерся подбородком о ее волосы и прошептал:

– У меня исключительный вкус во всем, что касается женщин.

– Два года назад ты так не считал бы, – смеясь, возразила Мередит, откидываясь назад в кольцо его рук.

– Я провидец, – спокойно заверил он. – Даже тогда сумел бы все понять.

Час спустя они сидели на крыльце ветхого домика. Мэтт устроился ступенькой повыше, вытянув перед собой длинные ноги. Мередит прижала колени к груди, обхватив их руками. Они больше не делали попыток узнать друг друга, потому что Мередит ждет ребенка и вскоре состоится свадьба, и вели себя просто как любая парочка, сидящая на крыльце поздней летней ночью и наслаждающаяся тишиной и покоем.

Запрокинув голову, Мередит с полужакрытыми глазами прислушалась к треску кузне-
чика.

– О чем ты думаешь? – тихо спросил Мэтт.

– О том, что скоро будет осень, – вздохнула она, глядя на него. – Осень – мое самое любимое время года. Весну слишком перехвалили. Вечно идет дождь, и деревья еще голые после зимы. Зима обычно тянется без конца, а летом, конечно, хорошо, но уж очень однообразно. Осень совершенно иная, и никакие духи в мире не могут сравниться с запахом горящих листьев, верно?

Мередит обворожительно улыбнулась, и Мэтт подумал, что сама она благоухает куда лучше, чем все горящие листья на свете, но позволил ей продолжать.

– Осень так волнует... все меняется... словно в сумерках.

– В сумерках?

– Да, ужасно люблю сумерки, и по той же причине. В детстве я часто гуляла по подъездной дорожке в сумерки и стояла у забора, наблюдая, как мимо проносятся машины с включенными фарами. У всех было куда вернуться, чем заняться... Ночь – это только начало... – От смущения она осеклась. – Все это, должно быть, звучит невероятно глупо.

– Скорее невероятно одиноко.

– Я не была одинокой, просто мечтала. Понимаю, что у тебя создалось ужасное впечатление о моем отце в ту ночь в «Гленмуре», но на самом деле он вовсе не такой. Просто любит меня и всю жизнь пытается уберечь и дать мне все самое лучшее.

Но тут чудесное настроение Мередит внезапно рассеялось, а ужасная реальность хлынула неумолимым потоком, с силой вырывая ее из прекрасного сна.

– И за все это я собираюсь вернуться домой через несколько дней, беременная, и...

– Но мы договорились не тревожиться об этом сегодня, – перебил он.

Мередит кивнула и попыталась улыбнуться, но не могла управлять своими мыслями так легко, как, по всей видимости, он. И неожиданно она увидела своего ребенка, стоявшего в конце подъездной дорожки где-то в Чикаго и смотревшего вслед пролетающим мимо машинам. Ни семьи, ни братьев, ни сестер, ни отца. Только мать. И Мередит отнюдь не была уверена, что этого окажется достаточно.

– Если осень – твоя самая любимая вещь на свете, какая же самая нелюбимая? – спросил Мэтт, пытаясь отвлечь ее.

Мередит на мгновение задумалась:

– Елочные базары на следующий день после Рождества. Что-то есть ужасно печальное во всех этих прекрасных деревьях, которые никто не выбрал. Словно сироты, никому на свете не нужные...

Она поспешно замолчала, сообразив, о чем говорит, и постаралась поскорее отвернуться.

– Уже за полночь, – вставил Мэтт, понимая, что вечер безнадежно испорчен. – Наверное, пора спать.

Слова прозвучали так, словно он принимал как должное то, что они должны или будут спать в одной постели, и отвратительная паника внезапно охватила Мередит. Она беременна, и он собирается жениться на ней – вся ситуация казалась просто омерзительной, заставляла Мередит сгорать от стыда и сознавать, что чувство собственного достоинства навеки утеряно и она никогда уже не сможет высоко держать голову.

Они в молчании выключили свет в гостиной и поднялись по ступенькам. Дверь комнаты Мэтта выходила на площадку, а спальня Джули была слева, в конце коридора. Между ними располагалась ванная. Когда они оказались на площадке, Мередит решила взять инициативу в свои руки.

– Спокойной ночи, Мэтт, – дрожащим голосом пробормотала она и, растянув губы в деланой улыбке, шагнула вперед, оставив его стоять на пороге. Он не сделал попытки остановить ее, и облегчение мгновенно сменилось раскаянием. Очевидно, решила Мередит, входя в комнату Джули, беременная женщина лишается всякой привлекательности, даже для мужчины, который сгорал от безумной страсти всего несколько недель назад.

Она обернулась, чтобы прикрыть дверь. Позади раздался бесстрастный, спокойный голос:

– Мередит.

Обернувшись, она увидела, что Мэтт стоит на прежнем месте, прислонившись плечом к косяку и сложив руки на груди.

– Что?

– Знаешь, что я люблю меньше всего на свете?

Его непререкаемый тон подсказал, что вопрос задан не просто так, и Мередит настороженно покачала головой, гадая, что за этим последует. Он не стал держать ее в неведении:

– Терпеть не могу спать один, когда рядом в соседней комнате есть кто-то, кому, черт возьми, следовало бы лечь со мной.

За резким замечанием Мэтта явно крылось приглашение, и столь полное отсутствие такта поразило не только ее, но и его самого. Множество самых различных чувств за одно мгновение промелькнуло на прелестном лице: смущение, стыд, неловкость, сомнение, нерешительность... но все же она, слегка улыбнувшись, твердо сказала:

– Спокойной ночи.

Мэтт дождался, пока Мередит закроет за собой дверь, но не ушел. Несколько долгих минут он стоял неподвижно, прекрасно зная, что, если сейчас пойдет за ней и пустит в ход все приемы нежного обольщения, наверняка убедит ее провести с ним ночь. Однако ему расхотелось делать это. Решительно и бесповоротно.

Повернувшись, он вошел к себе, но оставил дверь открытой, попрежнему убежденный, что если она захочет быть с ним, обязательно вернется.

Одетый в пижамные штаны, с трудом найденные в ящике комода, Мэтт стоял у окна, глядя на залитый лунным светом газон. Он услышал, как Мередит выходит из ванной, и напрягся в ожидании. Шаги прозвучали по коридору, затихли у комнаты Джули. Раздался стук закрываемой двери.

Сегодня она хочет остаться одна, понял Мэтт с удивлением и разочарованием. Однако его обуревали более глубокие эмоции, чем неразделенное чувственное желание. Он ждал от нее знака, порыва, из которого понял бы, что Мередит так же, как и он, готова к интимным отношениям, но как Мэтт ни желал этого, не собирался убеждать ее. Мередит должна сама принять решение, сделать выбор, свободно и добровольно. И она сделала этот выбор, когда ушла от него в спальню Джули. Будь у нее какие-то сомнения в том, чего Мэтт желал этой ночью, он быстро развеял бы их.

Отвернувшись от окна, Мэтт раздраженно вздохнул, подумав, что, вероятно, требует слишком многого от восемнадцатилетней девушки, вчерашней школьницы. Беда в том, что чертовски трудно помнить, насколько на самом деле молода Мередит.

Откинув простыню, Мэтт лег в постель и сунул руки под голову, глядя в потолок, думая о Мередит. Сегодня она рассказала Мэтту о Лайзе Понтини, о том, как они стали друзьями, и только сейчас Мэтт понял, что Мередит чувствовала себя своей не только в богатых особняках и загородных клубах, но и в доме таких бедняков, как семейство Понтини. В ней нет совер-

шенно ничего искусственного, ни малейшего притворства, и все же невозможно было усомниться в прекрасном воспитании и безупречном вкусе, привлекавших Мэтта так же сильно, как ослепительная красота и чарующая улыбка девушки.

Усталость наконец одолела Мэтта; глаза сами собой закрылись. К несчастью, ни одно из этих качеств не поможет ей и не сделает идею о поездке в Южную Америку хоть немного привлекательной... если, конечно, она совсем ничего не чувствует к нему. А это, очевидно, так и есть, иначе была бы сейчас с ним. Сама мысль о том, чтобы убедить колеблющуюся, нерешительную, избалованную девушку отправиться с ним в Венесуэлу, в то время как у нее не хватило мужества или решительности переступить порог его спальни, была не только отталкивающей, но и совершенно беспочвенной.

Мерedit, склонив голову, стояла возле кровати Джули, измученная желаниями и сомнениями, которые не могла ни объяснить, ни унять. Ее беременность пока еще ничем не проявилась внешне, но, очевидно, вносила хаос и смуту в ее чувства. Менее часа назад она приходила в ужас от одной мысли, что очутится в постели с Мэттом, сейчас же хотела этого больше всего на свете. Здравый смысл предостерегал, что ее будущее, и без того ужасающее, неопределенно и отдалось неумолимо возрастающему притяжению к этому человеку означает еще больше все усложнить. В двадцать шесть лет он был гораздо опытнее во всех сторонах жизни, жизни, совершенно ей чуждой и незнакомой.

Шесть недель назад он был в смокинге и ничем не отличался от других знакомых ей мужчин. Но теперь, в джинсах и рубашке, казался каким-то приземленным, и это одновременно и привлекало и тревожило ее. Мэтт хотел, чтобы она пришла к нему сегодня, и без обиняков сказал об этом. Во всем, что касалось женщин и секса, Мэтт, очевидно, был настолько уверен в себе, что мог, не стесняясь, дерзко объяснить, чего хочет от нее. Он не просил, не пытался убедить, а почти приказывал! Без сомнения, он считался в Эдмонтоне настоящим донжуаном, неотразимым соблазнителем, и почему нет? В ночь самой первой встречи он сумел заставить ее извиваться и кричать от страсти, хотя Мерedit была насмерть перепугана.

Мэтт точно знал, какая ласка, какое прикосновение смогут заставить ее потерять разум, и весь его сексуальный опыт, очевидно, почерпнут не из книг. Он, должно быть, занимался любовью сотни раз сотнями способов и с сотней женщин. Но даже сознавая это, Мерedit была вне себя при мысли о том, что Мэтт ничего не испытывает к ней, кроме чисто физического влечения. Правда, он за полтора месяца ни разу не позвонил, но правда и то, что Мерedit была настолько расстроена в ту ночь, что ничем не показала, будто ждет его звонка. Его заявление о том, что он собирался позвонить года через два, после возвращения из Южной Америки, показалось Мерedit просто смехотворным. Теперь же, в тишине ночи, после его рассказа о планах на будущее, у Мерedit появилось чувство, что он хотел добиться чего-то в жизни, прежде чем позвонить в следующий раз.

Мерedit вспомнила о том, как глубоко повлияла на Мэтта смерть матери; мальчик, способный на такую скорбь, не мог вырасти пустым, безответственным и бесчувственным человеком, ничем не интересующимся, кроме женщин...

Мерedit оборвала себя. Мэтта никак нельзя назвать безответственным. За все это время он ни разу не пытался избежать ответственности за будущего ребенка. Кроме того, если верить Джули, Мэтт не один год нес тяжелый груз забот о семье.

Если на уме у него был только секс, почему Мэтт не попытался уговорить ее лечь с ним сегодня, хотя ясно дал понять, что желает этого?

Мерedit вспомнила нежность, сиявшую в серых глазах, когда он спросил, так ли она сладка, как кажется. И то же выражение согревало его взгляд каждый раз, когда он смотрел на нее, пока они сидели на крыльце.

Почему Мэтт не пытался уговорить ее пойти с ним?

И тут словно молния ударила в мозг с такой силой, что у нее ноги подкосились от странной догадки. Мэтт определенно хотел ее и, конечно, знал, чем и как убедить, но отказался сделать это. Ему нужно было не только ее тело. Сама не зная почему, она была уверена в этом.

А может, просто слишком поддается эмоциям, как все последние дни?..

Мерedit выпрямилась, дрожа от неуверенности, бессознательно положив руку на пока еще плоский живот. Она была напугана, смущена и чувствовала, как человек, которого она почти не знает и не понимает, властно притягивает ее.

С бешено бьющимся сердцем она потихоньку вышла в коридор. Дверь его комнаты была открыта, Мерedit видела это, когда выходила из ванной. Если Мэтт уже успел заснуть, она просто вернется назад и ляжет в постель. Пусть судьба все решит.

Мерedit встала на пороге, наблюдая за спящим Мэттом. Лунный свет, пробиваясь сквозь прозрачные занавески, падал на его лицо. Она немного успокоилась, но по-прежнему не двигалась с места, поражаясь буйству чувств, пославших ее сюда, в эту комнату. Подумать только, она потеряла голову настолько, что теперь стоит здесь и следит за человеком без его ведома!

Расстроено поморщившись, Мерedit повернулась, чтобы уйти.

Мэтт так и не понял, что разбудило его и как долго Мерedit находилась в комнате, но когда открыл глаза, она уже вышла в коридор. Он остановил ее, сказав первое, что пришло в голову:

– Не делай этого, Мерedit!

Бесцеремонное приказание заставило Мерedit круто развернуться, так, что копна волос рассыпалась по плечам. Не совсем уверенная в истинном смысле его слов, она безуспешно попыталась разглядеть лицо Мэтта в темноте и наконец шагнула вперед.

Мэтт молча следил за ней. На Мерedit была только короткая шелковая ночная сорочка, едва доходившая до стройных бедер. Мэтт подвинулся и откинул простыню. Мерedit поколебалась и села на постель, совсем близко, расширенными от смущения глазами изучая его лицо.

– Не знаю почему, – тихо, дрожащим голосом выговорила она наконец, – но сейчас я боюсь куда больше, чем в тот раз.

Мэтт мрачно улыbnулся и погладил ее по щеке:

– Представь, и я тоже.

За этим последовало долгое молчание. Оба не шевелились, если не считать того, что Мэтт осторожно ласкал большим пальцем нежную шею. Они словно чувствовали, что сейчас, в следующее мгновение, предстоит сделать первый шаг по неведомой и, возможно, опасной дороге. Мерedit ощущала это подсознательно, Мэтт понимал совершенно ясно, однако было что-то бесконечно верное и правильное в том, что они собирались сделать. Мерedit больше не была богатой наследницей из другого мира, она стала просто женщиной, которой Мэтт хотел обладать с того момента, как увидел впервые. И теперь эта женщина сидела рядом, и светлые пряди волос разметались по его руке густыми атласными струями.

– Думаю, справедливо будет предупредить тебя, – прошептал он, с силой обхватывая ее шею и притягивая ее губы к своим, – что сейчас мы рискуем куда больше, чем шесть недель назад.

Мерedit заглянула в пылающие глаза и поняла, что Мэтт предостерегает ее от настоящего глубокого увлечения, когда обратной дороги уже не будет.

– Решайся, – хрипло выдохнул он.

Мерedit поколебалась, но тут ее взгляд скользнул от умоляющих глаз к скульптурно вырезанному рту. Сердце, казалось, на миг перестало биться, она застыла, потом рванулась прочь, и рука Мэтта упала.

– Я... – начала она, но тут что-то остановило ее. Мерedit с приглушенным стоном наклонилась и поцеловала Мэтта, с силой прижавшись губами к его губам, и его руки снова обвили ее плечи, притягивая ее все ближе, сжимая стальной хваткой.

Он быстро опрокинул ее на спину, обжигая безумными поцелуями, и волшебство вспыхнуло снова, совсем как полтора месяца назад, только на этот раз совершенно по-другому, потому что горело жарче, свиваясь в буйный сладостный вихрь. Вихрь, который теперь значил гораздо больше для них обоих.

Когда все кончилось, Мередит повернулась на бок, обмякшая, насытившаяся, удовлетворенная, влажная от пота, чувствуя, как тесно соприкасаются их ноги и бедра. Его рука лениво скользнула по плечу и остановилась на ее груди, властно сжав нежное полушарие. Перед тем как погрузиться в пропасть сна, Мередит еще успела подумать, что он дает ей знать, как сильно желает ее присутствия здесь, предьявляет права, о которых не просил и которых она не давала. Как похоже на Мэтта!

Она так и заснула улыбаясь.

– Хорошо спала? – спросила Джули на следующее утро, стоя у кухонного стола и намазывая маслом тост.

– Прекрасно, – ответила Мередит, отчаянно пытаясь не выглядеть так, словно провела эту ночь, занимаясь любовью с братом Джули. – Хочешь, я помогу готовить завтрак?

– Ни за что. Па всю эту неделю работает в две смены, с трех дня до семи утра. Когда он приходит домой, ничего не желает, кроме как поесть и выспаться. Я уже приготовила ему завтрак. Мэтт никогда ничего не ест по утрам. Хочешь отнести ему кофе? Я обычно приношу его перед тем, как зазвонит будильник, а именно, – она взглянула на пластмассовые кухонные часы в виде чайника, – через десять минут.

Обрадованная тем, что может сделать что-то для Мэтта, Мередит кивнула и, налив кофе в кружку, нерешительно протянула руку к сахарнице.

– Он пьет только черный кофе, – пояснила Джули улыбаясь. – Кстати, по утрам он ведет себя, как настоящий медведь, так что не жди радостного приветствия.

– Правда? – нахмурилась Мередит, не зная, что делать.

– Он не злится, просто молчит.

Джули оказалась отчасти права. Когда Мередит, постучавшись, вошла, Мэтт перекатился на спину, тупо уставившись в потолок и явно не понимая, на каком он свете. Единственным приветствием послужила легкая благодарная улыбка. Громко вздохнув, Мэтт сел и потянулся за кружкой. Мередит нерешительно подошла к постели, наблюдая, как он пьет, жадно, словно от этого зависит его жизнь, и, чувствуя себя ненужной и назойливой, повернулась, чтобы уйти. Но Мэтт поймал ее за руку, и Мередит послушно уселась рядом.

– Почему только я чувствую себя таким измученным сегодня утром? – осведомился он все еще хриловатым со сна голосом.

– Просто я жаворонок, – сообщила Мередит, – и, возможно, к полудню буду с ног валиться.

Он оглядел костюм, позаимствованный у Джули: клетчатую рубашку, завязанную узлом под грудью, и белые шорты.

– На тебе этот наряд выглядит так, словно просится на обложку журнала мод.

Это был первый комплимент, сказанный им, если не считать слов, которые Мэтт бормотал на ухо, когда они любили друг друга. И Мередит, обычно не обращающая внимания на комплименты, запомнила этот только потому, что его голос стал непривычно нежным.

Патрик вернулся домой, позавтракал и лег спать. Джули, весело помахав на прощание рукой, ушла в половине девятого, предупредив, что снова останется ночевать у подруги. Через час Мередит решила позвонить домой и передать через дворецкого отцу, что задерживается. Но вместо этого Альберт сообщил, что отец велел немедленно возвращаться домой и объяснить причину столь внезапного исчезновения. Мередит попросила сказать отцу, что все в порядке и она вернется только в воскресенье.

После этого время, казалось, замедлило бег и тянулось бесконечно. Стараясь не разбудить Патрика, Мередит вошла в гостиную, чтобы найти какую-нибудь подходящую книгу. Выбор оказался неплохим, но Мередит была слишком взволнована, чтобы сосредоточиться на длинном романе. Среди журналов, сложенных на столике, Мередит отыскала старое руководство по вязанию крючком и начала изучать его со все возрастающим интересом, особенно после того, как мысленно представила оригинальные и красивые детские пинетки.

И поскольку особых дел не предвиделось, Мередит решила попытаться связать что-нибудь и поехала в город. В галантерейном магазине Джексона она купила журнал для вязания, полдюжины мотков пушистой пряжи и большой деревянный крючок толщиной в мизинец.

Она уже открыла машину, припаркованную у скобяной лавки «Тру Вэлью», но вовремя сообразила, что ужин, по-видимому, придется готовить ей. Швырнув на сиденье пакет с пряжей, она пересекла улицу, вошла в бакалейную лавку и несколько минут бродила среди заставленных товарами полок, справедливо сомневаясь в собственных кулинарных способностях. Мередит долго нерешительно стояла перед мясным прилавком, вспоминая, какой чудесный мясной хлеб подавала вчера Джули. Но сегодня придется приготовить что-нибудь попроще.

Мередит рассеянно оглядела бифштексы, свиные отбивные, телячью печень и неожиданно заметила пакеты с сосисками. И тут ее осенило вдохновение. Если повезет, она сумеет превратить ужин в ностальгическое приключение вместо кулинарной катастрофы. Улыбаясь, она купила сосиски, кулек с булочками и огромный мешок зефира.

Вернувшись домой, Мередит убрала покупки и устроилась на диване с крючком, пряжей и иллюстрированным журналом. Согласно инструкции основой любого изделия была цепочка петель, и начинающим рекомендовалось сделать не меньше сотни таких одинаковых петелек. Мередит послушно приступила к делу, причем каждая петля получалась длиной не меньше полудюйма из-за слишком большого крючка и толстой пряжи.

Утро медленно перетекало в день, и тревоги, отступившие было на время, вернулись с новой силой, поэтому она вязала все усерднее, чтобы не дать им воли. Она не станет думать о педиатрах... о том, как больно рожать... о том, что Мэтт захочет иметь право посещать ребенка... о детском садике... о том, что имел в виду Мэтт, когда сказал, что у них могла бы быть настоящая семейная жизнь...

Петли соскальзывали с крючка, огромные, одинаковые, образуя кремовую лужицу у ног. Мередит посмотрела вниз, понимая, что сейчас самое время поучиться вывязывать столбики, но не чувствовала особой охоты делать это и, кроме того, ощущала некое мрачное удовлетворение, неодолимую потребность держать себя в руках, что было возможно лишь при выполнении утомительной и нудной работы.

В два часа пока еще незаметная беременность дала себя знать, и Мередит, зевнув, отложила крючок и свернулась на диване. Она немного поспит, а потом уберет пряжу и подготовится к приходу Мэтта.

Мысль о возвращении к ней Мэтта после тяжелой работы наполнила ее неожиданным восторгом. Подложив руку под щеку, Мередит вспомнила о том, как он ласкал ее прошлой ночью, и заставила себя думать о другом, потому что испугалась томительно-сладостной боли, охватившей ее. Ей грозила серьезная опасность влюбиться в отца своего ребенка. Серьезная опасность?

Мередит улыбнулась. Что может быть прекраснее... особенно если и Мэтт испытывает те же чувства? А ей казалось, что это так и есть.

Скрип гравия под шинами донесся из открытого окна, и Мередит, в испуге раскрыв глаза, села. На часах половина пятого. Она наспех расчесала пальцами волосы и откинула их со лба. Не успела Мередит убрать крючок и пряжу, как дверь распахнулась, и ее сердце радостно подскочило при виде Мэтта.

– Привет, – прошептала она и неожиданно представила много-много таких же спокойных, мирных вечеров впереди, вечеров, когда Мэтт будет возвращаться домой, к ней. Интересно, думает ли он о том же?

Мерedit немедленно упрекнула себя за глупость. У нее слишком много свободного времени, а Мэтт, без сомнения, занят совершенно другими мыслями.

– Как прошел день?

Мэтт взглянул на стоявшую у дивана Мерedit, и видение череды подобных дней вихрем пронеслось перед глазами, дней, когда он будет возвращаться домой, к золотоволосой богине, встречающей его улыбкой, неизменно пробуждающей в нем такое странное чувство, будто он только что убил дракона голыми руками, изобрел лекарство от насморка и нашел способ установить мир на земле.

– Прекрасно, – заверил он. – А у тебя?

Мерedit провела день в тревогах и мыслях о Мэтте, но поскольку не могла признаться в этом, объяснила:

– Я решила поучиться вязать крючком.

В доказательство своих слов она подняла длинный шнур.

– Настоящая маленькая хозяйюшка, – поддразнил Мэтт, оглядывая цепочку, исчезавшую под журнальным столиком. Глаза его удивленно расширились. – Что ты вяжешь?

Мерedit подавила смущенный смешок, потому что сама не имела ни малейшего представления.

– Догадайся, – сказала она, сделав загадочное лицо и одновременно придумывая, что сказать.

Мэтт нагнулся, поднял конец шнура и начал отходить, пока кремовая нить не протянулась по всей комнате.

– Ковер? – серьезно осведомился он.

Мерedit шутливо нахмурилась:

– Конечно, не ковер.

Мэтт мгновенно стал серьезным и покаянно попросил:

– Намекни хотя бы!

– Какие тут намеки! Все очень просто. Довяжу до конца, добавлю еще несколько рядов, чтобы было пошире, накрахмалю, и сможешь огородить свой участок!

С трясущимися от смеха плечами Мэтт сжал ее в объятиях, не обращая внимания на то, что крючок упирается ему в грудь.

– Я кое-что купила на ужин, – объявила она, чуть отстранившись.

Мэтт намеревался пригласить ее куда-нибудь, но сейчас радостно улыбнулся:

– А мне показалось, будто ты сказала, что не умеешь готовить.

– Поймешь все, когда увидишь, что я купила, – вздохнула она, уводя его в кухню.

– Очень умно, – ухмыльнулся Мэтт, развернув пакеты. – Нашла способ заставить меня готовить.

– Поверь, – торжественно заверила она, – так гораздо безопаснее.

Он пробыл дома менее десяти минут и вот уже второй раз ощущал себя так, словно жизнь была наполнена весельем и смехом.

Мерedit принесла одеяло и еду, а Мэтт разжег костер. Они провели вечер во дворе, объедаясь пережаренными сосисками, недопеченными булочками и полурастаявшим зефиром, говорили обо всем, начиная с необычного отсутствия неприятных симптомов беременности и кончая достойным всяческих похвал вкусом зефира. Уже в сумерках они закончили ужин, и Мерedit убрала тарелки и отправилась в кухню мыть посуду. Мэтт ожидал ее возвращения, лениво глядя в темнеющее небо, лежа рядом с грудой собранных осенних листьев, которые только что положил в костер, чтобы удивить Мерedit.

Когда Мередит появилась во дворе, в воздухе разливался восхитительный аромат осени, а Мэтт сидел на одеяле, стараясь сделать вид, что нет ничего странного в запахе осенних листьев в августе. Мередит встала на колени на одеяло, долго смотрела на огонь, а потом подняла лицо к Мэтту, и даже в темноте он заметил, как сияют ее глаза.

– Спасибо, – просто сказала она.

– Пожалуйста, – ответил он внезапно охрипшим голосом и протянул руку, пытаясь справиться с приливной волной нахлынувшего желания, когда Мередит, неправильно поняв приглашение сесть рядом, устроилась между его ногами, с тем чтобы, повернувшись к нему спиной, любоваться костром. Желание сменилось отчаянной радостью, когда она тихо призналась:

– Лучшей ночи у меня в жизни не было, Мэтт.

Мэтт обнял ее за талию, осторожно прикрыв ладонями плоский живот и стараясь не выказать, как он растроган. Свободной рукой Мэтт откинул ее волосы и поцеловал в затылок.

– Как насчет прошлой ночи?

Мередит нагнула голову под натиском горячих губ и тут же поправилась:

– Это вторая самая лучшая ночь в моей жизни.

Мэтт, улынувшись в темноте, прикусил мочку ее уха, но страсть уже взрывалась в теле огненными клубками, лесным пожаром разливаясь по венам, и ни остановить, ни задержать этот буйный поток было невозможно. Потрясенный его силой, Мэтт повернул Мередит к себе лицом и завладел нежными губами, такими мягкими, сначала прохладными, но постепенно налившимися жаром, и, когда ее язык скользнул ему в рот, Мэтт потерял голову. Его рука проникла под ее рубашку, пальцы стиснули грудь, и тихий стон наслаждения, вырвавшийся у Мередит, порвал последнюю тонкую нить его сдержанности. Он сжал ее в объятиях, уложил на одеяло, накрыв своим телом и зарывшись руками в волосы, несколько минут удерживал неподвижно, осыпая безумными поцелуями. Он так тонко чувствовал ее настроение, что ощутил мгновенное колебание, прежде чем свирепость его натиска лишила Мередит способности двигаться. Его потрясла также эта отчаянная всепоглощающая потребность овладеть ею полностью, до конца, необходимость сделать сознательное усилие, чтобы справиться с собой и немного успокоиться. Эти эмоции захватили его с безоглядной силой, и Мэтт так и не понял, что Мередит колебалась не из страха перед ослепляющей страстью, а из-за неопытности и неумения отвечать такими же бурными ласками. Но даже если бы он и осознал это, не решился бы показать ей прямо сейчас, потому что любые попытки помедлить, продлить острое блаженство оказались безуспешными. Поэтому он раздел ее внезапно ставшими неловкими, дрожащими пальцами и целовал, пока она не начала извиваться под ним, скользя ладонями по его горячей коже.

Прикосновение ее рук и губ воспламенило его, и каждый тихий стон, который она издавала, заставлял кровь бурлить, и он вел ее от одной вершины к другой, шепча хриплые, почти грубые слова наслаждения. Мередит послушно следовала за ним, и они слились воедино, пока он наконец не заставил ее кричать, содрогаться в экстазе и только потом исторгся в нее горячим потоком.

Потом он завернул ее и себя в одеяло, и они легли рядом, глядя на залитое звездами небо, вдыхая ностальгическое благоухание ранней осени. В прошлом физическая любовь была занятием, доставлявшим взаимное удовольствие и ему, и партнерше, но с Мередит превратилась в нечто чарующе красивое. Изысканно, утонченно, мучительно красивое. Впервые в жизни Мэтт чувствовал себя полностью удовлетворенным и успокоенным. Впереди нелегкое будущее, однако он никогда не был так уверен в том, что сможет сделать его прекрасным для них обоих... если только она даст ему время. Время и возможность.

Ему необходимо провести с ней больше времени, чтобы укрепить эту странную хрупкую связь, сводившую их все ближе с каждым часом, который они были вместе. Если бы он смог уговорить ее поехать с ним в Южную Америку, их брак мог бы стать настоящим. Он верил

в это. Завтра он позвонит Джонатану Коммерсу и, не вдаваясь в подробности, спросит, как живут там рабочие и есть ли врачи. Он думал не о себе. Но Мередит и ребенок – вот главная его забота.

Если бы только он мог взять ее с собой! В этом вся проблема. Он не мог отказаться от поездки в Южную Америку: во-первых, контракт подписан, во-вторых, ему необходимы эти сто пятьдесят тысяч премиальных за проведенные в Венесуэле два года, чтобы сделать очередное выгодное вложение. Подобно фундаменту небоскреба, сто пятьдесят тысяч были основанием его великого плана. Конечно, не такие это большие деньги, но пока и их довольно.

Однако, лежа в темноте рядом с Мередит, он прикидывал, не стоит ли забыть о всех планах и остаться с ней в Штатах. Но Мередит привыкла ко всему самому лучшему, имела на это право. И он хотел, чтобы так продолжалось всегда. И единственным способом, которым можно было достичь этого, была поездка в Венесуэлу.

Мысль о том, чтобы оставить ее здесь и потерять, потому что она рано или поздно устанет от него или потеряет веру в его способность добиться успеха, в обычных обстоятельствах свела бы его с ума. Но одна вещь говорила в его пользу: Мередит беременна его ребенком. Именно малыш – главная причина того, что Мередит будет дожидаться его и верить...

Беременность, так изменившая жизнь Мередит, которую она считала несчастьем и катастрофой, Мэтт полагал неожиданным даром судьбы. Уехав от нее в Чикаго, Мэтт посчитал, что пройдет не менее двух лет, прежде чем он сможет вернуться и ухаживать за ней на законных основаниях... конечно, если не лишится ее к тому времени окончательно. Мередит прекрасна и очаровательна, и, конечно, десятки мужчин будут добиваться ее, пока его не будет здесь. Один из них, возможно, сумеет добиться успеха, и Мэтт почти был уверен в этом.

Но теперь вмешалась судьба и подарила ему весь мир. То обстоятельство, что эта самая судьба никогда не была добра к семейству Фаррелов, не обескураживало Мэтта. Теперь он был готов уверовать в Бога, рок, небеса и вселенскую доброту, и все из-за Мередит и малыша.

Правда, было крайне трудно осознать то, что элегантная молодая наследница, встреченная им в загородном клубе, очаровательная блондинка, которая глазом не моргнув пила коктейли с шампанским и держала себя с гордым достоинством, действительно свернулась рядом с ним клубочком и мирно спит в его объятиях, а в ее чреве растет его ребенок.

Его ребенок.

Мэтт распластал пальцы на ее животе и улыбнулся в темноте, потому что Мередит представления не имела о его чувствах к младенцу. И о том, что он испытал, когда она даже не попыталась избавиться от ребенка... и от него, Мэтта. Вчера, когда она говорила о возможностях выбора, одно лишь слово «аборт» вызвало у него тошноту.

Он хотел говорить с ней о малыше и признаться, что в действительности переживает, но считает себя эгоистичным подонком, потому что все случившееся так расстраивает ее. Кроме того, Мередит ужасалась встреча с отцом, и любой разговор о беременности напоминал ей о том, что ждет впереди.

Столкновение с отцом... Улыбка Мэтта померкла. Этот человек – настоящий подонок, но каким-то образом смог воспитать самую удивительную женщину, когда-либо встреченную Мэттом, и за это он ему бесконечно благодарен. И только поэтому был готов сделать все на свете, лишь бы ослабить напряженность, когда в воскресенье повезет Мередит к отцу. Придется помнить, что Мередит – единственный ребенок Филипа Бенкрофта, и по причинам, понятным только ей, она любила этого высокомерного мерзавца.

Глава 10

– Где Мередит? – спросил Мэтт Джули, вернувшись домой на следующий день.

Сестра подняла глаза от стола, за которым делала уроки.

– Уехала кататься верхом. Сказала, что вернется еще до того, как ты будешь дома, только ты явился на два часа раньше. – И с улыбкой добавила: – Интересно, что это тебя так тянет сюда?

– Хрюшка несчастная, – пробурчал Мэтт, взъерошив ее темные волосы и направляясь к черному ходу.

Вчера Мередит сказала Мэтту, что любит кататься верхом, поэтому сегодня утром он зашел к соседу и договорился с ним, что тот одолжит Мередит одну из своих лошадей.

Оказавшись во дворе, он миновал заросший сорняками участок, бывший когда-то огородом его матери, и начал внимательно вглядываться в окружающие поля, пытаясь обнаружить Мередит. Он был уже на полпути к забору, когда увидел Мередит, и едва не затрясся от страха. Гнедая лошадь ровным галопом шла вдоль забора, а Мередит низко пригнулась к самой ее шее, не обращая внимания на то, что длинные белокурые волосы развеваются по ветру. Когда Мередит приблизилась, Мэтт понял, что она собирается свернуть и направить лошадь к амбару. Он тоже устремился туда, не сводя с нее глаз, чувствуя, как сердце бьется ровнее, а страх тает. Мередит Бенкрофт сидела в седле как настоящая аристократка – легко, гордо, и лошадь беспрекословно повиновалась ей.

– Привет, – окликнула она с раскрасневшимся, сияющим лицом и остановила лошадь у амбара, рядом с копной гнилого сена. – Нужно немного поводить ее, – добавила она.

Мэтт потянулся к узде, но тут все случилось одновременно: Мэтт зацепился за зубья старых грабель, лежавших на земле, как раз в тот момент, когда Мередит перекинула ногу через спину лошади, чтобы спрыгнуть, и рукоятка грабель, взлетев, ударила животное по носу. Лошадь, возмущенно фыркнув, взбрыкнула. Мэтт отпустил узду и безуспешно попытался схватить Мередит, а она сползла спиной вперед и свалилась на сено, но тут же соскользнула на землю.

– Черт возьми! – выругался он и, нагнувшись, схватил ее за плечи: – Ты ушиблась?

Мередит, благополучно приземлившаяся на сено, не пострадала, просто ужасно смутилась и сконфузилась.

– Ушиблась? – повторила она с комическим ужасом, быстро вскочив на ноги. – Моя гордость не просто ранена, она уничтожена, истреблена...

Мэтт, тревожно сузив глаза, присматривался к ней.

– А малыш?

Мередит перестала стряхивать пыль и соломинки с джинсов, позаимствованных у Джули.

– Мэтт, – сообщила она с видом заносчивого превосходства, держась за многострадальную задницу, – это не *то* место, где находится ребенок.

Мэтт наконец понял, что она имеет в виду, как именно упала. Радость и облегчение, охватившие его, были так велики, что он нашел в себе силы немного подразнить Мередит. Бросив на нее делано-недоуменный взгляд, он осведомился:

– В самом деле? Невероятно.

Несколько минут Мередит с удовольствием наблюдала, как он прогуливает лошадь, но потом вспомнила кое-что и радостно улыбнулась.

– Сегодня я довязала тебе свитер! – объявила она.

Мэтт остановился и с сомнением уставился на нее:

– Ты переделала эту длинную веревочную штуку в свитер? Для меня?

– Ну конечно, нет! – оскорбленно хмыкнула Мередит. – Та длинная штука вроде веревки вязалась просто для практики. А сегодня я связала свитер, то есть не свитер, а жилет, но это все равно. Хочешь посмотреть?

Мэтт кивнул, но выглядел при этом таким ошеломленным, что Мередит закусил губу, пытаясь не рассмеяться. Через несколько минут она появилась на пороге дома с бежевым жилетом крупной вязки, с воткнутым в него крючком и мотком пряжи. Мэтт как раз выходил из амбара, и они снова встретились у копны с сеном.

– Ну вот, – пробормотала она, вынимая из-за спины свою ношу, – что ты об этом думаешь?

Взгляд Мэтта, полный нескрываемой тоски, скользнул по ее рукам и поднялся к невинно-доверчивому лицу. Он был явно ошеломлен и тронут неожиданным подарком, ибо никогда не предполагал, что Мередит может сделать что-то специально для него. Она сама не ожидала такой реакции и теперь чувствовала некоторую неловкость из-за того, что внезапно решила подшутить над Мэттом.

– Поразительно! – наконец выговорил он. – Как по-твоему, он мне впору?

Мередит была уверена в этом. Она сама перебрала свитеры, сложенные в шкафу, чтобы не ошибиться и купить нужный размер, а когда привезла домой жилет, постаралась отпороть все этикетки.

– Думаю, да.

– Дай-ка я примерю.

– Прямо здесь? – спросила Мередит и, когда Мэтт кивнул, вытащила крючок, пытаясь побороть неотступные угрызения совести.

Мэтт с бесконечной осторожностью взял у нее жилет, натянул поверх полосатой рубашки и поправил воротник.

– Ну как? – поинтересовался он, подбоченившись и слегка расставив ноги.

Выглядел он великолепно – широкоплечий, узкобедрый, грубовато-красивый и убийственно-сексуальный даже в этих выцветших джинсах и недорогом жилете.

– Мне он нравится, особенно потому, что ты связала его сама и для меня.

– Мэтт... – нерешительно начала она, готовая во всем признаться.

– Что?

– Насчет жилета...

– Нет, любимая, – перебил он, – не стоит извиняться за то, что не успела связать еще парочку. Сможешь сделать это завтра.

Мередит еще не успела опомниться от пьянящего счастья слышать слово «любимая» из его уст, когда подлинный смысл сказанного дошел до нее и она заметила озорные искорки в глазах Мэтта. Нарочито угрожающим жестом он наклонился и, схватив с земли палку, начал подкрадываться к ней, так что Мередит, смеясь до слез, была вынуждена поспешно отступить.

– Попробуй только! – взвизгнула она, прячась за копну и отходя к амбару, но, не рассчитав, ударила плечом о стену и в последний момент ринулась в сторону. Слишком поздно. Мэтт успел поймать ее за руку, рванул на себя и прижался к ней всем телом.

Мередит, сверкая смеющимися глазами, раскрасневшаяся, смотрела в его улыбающееся лицо.

– Ну теперь, когда ты меня поймал, что собираешься делать? – поинтересовалась она.

– Да, вопрос нелегкий, – хрипло признался он.

Не отрывая взгляда от ее губ, Мэтт наклонился, целуя ее с неспешной, почти ленивой чувственностью, пока в Мередит не загорелось ответное пламя и она не начала отвечать на поцелуй; только тогда он раскрыл ее губы своими, а его язык скользнул чуть глубже. И Мередит забыла о том, что их можно видеть из дома, что сейчас день. Она просто обхватила его за шею, прижалась еще теснее и, как умирающий от жажды, припала к живительному источнику,

приветствуя ритмичные вторжения его языка. К тому времени когда он наконец поднял голову, оба дышали неровно и тяжело, а его возбужденное тело словно оставило на ее коже невидимый отпечаток.

Мэтт набрал в грудь воздуха и откинул голову, инстинктивно почувствовав: вот он, идеальный момент для того, чтобы уговорить ее отправиться с ним в Южную Америку. Но как лучше сделать это? Мэтт так смертельно боялся ее отказа, что решил склонить весы в свою пользу, пустив в ход нечто вроде принуждения.

– Думаю, нам пора поговорить, – объявил он, выпрямляясь. – Согласившись жениться на тебе, я упоминал о некоторых условиях. Тогда я не был уверен в том, каковы они. Но сейчас понял.

– И в чем же дело?

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Венесуэлу.

Ну вот, он произнес это. Теперь оставалось только ждать.

Потрясенная неожиданным возникновением каких-то условий, вне себя от радости из-за того, что он не желает ее оставлять, и раздраженная повелительным тоном, Мередит, в свою очередь, спросила:

– Мне бы хотелось сначала понять кое-что. Хочешь сказать, что о свадьбе не может быть и речи, если я не соглашусь поехать с тобой?

– Я первым задал вопрос, так что, если можно, сначала твоя очередь.

Только через несколько минут Мередит наконец поняла, что, намекая на отказ жениться, Мэтт просто хочет проверить, согласится ли она без прямых угроз и давления с его стороны. Как же он не понимает, что это ни к чему?

Улыбнувшись про себя, Мередит сделала вид, что погружена в мучительные раздумья:

– Так ты хочешь, чтобы я отправилась с тобой в Южную Америку?

Мэтт кивнул:

– Я сегодня звонил Коммерсу. Он утверждает, что жилищные условия и медицинское обслуживание там вполне на уровне. Но сначала я должен сам в этом убедиться. Если они приемлемы, я хотел бы, чтобы ты приехала ко мне.

– Не думаю, что это очень уж справедливо, – объявила она с самым серьезным видом, желая отплатить ему тем же и заставить его нетерпеливо дожидаться ответа.

Мэтт слегка насторожился:

– Но ничего лучшего я не могу предложить.

– По-моему, ты в крайне невыгодном положении, – пояснила Мередит, устремляясь к дому, чтобы скрыть улыбку. – Я получаю мужа, ребенка, собственный дом плюс возможность узнать новую страну, а ты всего-навсего обзаводишься женой, которая, вероятно, сварит на обед рубашки, накрахмалит хлеб и все будет путать...

Она неожиданно взвизгнула, почувствовав увесистый шлепок по заду, но тут же, обернувшись, столкнулась с ним и, подняв глаза, изумленно поняла, что Мэтт не улыбается. Он долго смотрел на нее с неопределимым выражением и внезапно с силой прижал к груди.

Джули стояла у кухонного окна, наблюдая, как Мэтт, поцеловав Мередит, неохотно отпустил ее и, широко улыбаясь, долго наблюдал, как она идет к дому.

– Па, – охнула девушка, ошеломленно уставясь на отца, – Мэтт, кажется, влюбился.

– Тогда помоги ему Бог!

– Разве тебе не нравится Мередит? – удивилась Джули.

– Я видел, как она оглядывала этот дом, когда впервые вошла сюда! Смотрит на нас свысока, задирает нос, словно в хлеву оказалась!

Лицо девушки омрачилось, но она все же упрямо покачала головой.

– В тот день она ужасно боялась. Честное слово, я сама это видела!

– Именно Мэтту следовало бы побаиваться. Если он ничего не добьется в жизни, она бросит его ради какого-нибудь богатого ублюдка, и кончится тем, что ему даже моего внука не позволят навещать.

– Ни за что не поверю!

– У него нет ни одного шанса на миллион быть счастливым с ней, – резко бросил Патрик. – Знаешь, что это такое – быть женатым на женщине, которую любишь, пытаться сделать для нее все на свете или по крайней мере дать больше, чем она имела до свадьбы, и ничего не суметь? Можешь представить, каково это – каждый день смотреться в зеркало и знать, что ты неудачник, жалкий неудачник?

– Ты думаешь о маме, – встревожилась Джули, пристально глядя в осунувшееся, несчастное лицо отца. – Ма никогда не считала тебя неудачником и сто раз говорила Мэтту и мне, какой счастливой ты ее сделал.

– Лучше бы я дал ей меньше счастья, но сумел продлить жизнь, – с горечью пробормотал Патрик, отворачиваясь, но Джули увидела, как подавлен отец, куда заводит его искаженная логика. Двойные смены изматывают его, и недалек тот день, когда он снова сорвется и запыет, чтобы забыться.

– Ма жила на пять лет дольше, чем предсказывали врачи, – напомнила она. – А если Мэтт хочет, чтобы Мередит с ним осталась, наверняка найдет способ. Он похож на ма. Настоящий борец.

Патрик Фаррел мрачно усмехнулся:

– Это намек на то, что мне стоит воспротивиться соблазну?

– Нет, – покачала головой Джули, – просто прошу не мучить себя, потому что ты не смог сделать больше. Ма боролась до конца, и ты и Мэтт все это время помогали ей победить смерть. Этим летом вы наконец смогли оплатить последние медицинские счета. Не считаешь, что настало время забыть?

Патрик протянул руку и нежно приподнял подбородок дочери:

– В сердцах некоторых людей любовь живет вечно, Джули. В сердцах и душах. Такие, как мы, не забывают.

Отняв пальцы, он выглянул в окно, и его лицо на миг приняло беспощадное выражение.

– Любя Мэтта, я искренне надеюсь, что с ним такого не случится. У него большие планы на будущее, но для этого нужно многим жертвовать, а богатые девушки не представляют, что это такое. У такой, как она, не хватит мужества пройти с ним все испытания, и при первой же неприятности она сбежит, вот увидишь!

Мередит застыла на пороге, потрясенная услышанным. Патрик направился к двери, и они оказались лицом к лицу. У Патрика хватило такта немного смутиться, но он по-прежнему стоял на своем:

– Вы слышали все, и я очень сожалею, Мередит. Но это мое мнение, и я не собираюсь от него отказываться.

Девушке было очень больно, и Патрик это видел, но она взглянула ему прямо в глаза и со спокойным достоинством ответила:

– Надеюсь, вы с такой же готовностью признаете свою неправоту, когда поймете, как ошибались, мистер Фаррел.

И, не произнеся больше ни слова, направилась к лестнице, оставив Патрика смотреть ей вслед в потрясенном молчании. За его спиной раздался самодовольный голос Джули:

– Ты до смерти перепугал ее, па. Теперь я вижу, что ты имел в виду, когда утверждал, что Мередит не хватает мужества.

Патрик, нахмурившись, оглядел дочь, но когда снова посмотрел вверх, увидел Мередит со свитером в руках, собиравшуюся опять спуститься в гостиную. Девушка застыла на верхней ступеньке, но Патрик без особенной надежды на примирение все же сказал:

– Если вы докажете, что я не прав, Мередит, сделаете меня самым счастливым человеком на свете.

Мередит кивком ответила на нерешительное предложение перемирия.

– Вы носите моего внука, – добавил Патрик. – Я бы хотел, чтобы он рос с обоими родителями, которые еще будут женаты к тому времени, как он окончит колледж.

– Я тоже хочу этого, мистер Фаррел.

Гримаса, появившаяся на губах Фаррела, почти напоминала улыбку.

Глава 11

Солнечные лучи пробивались сквозь лобовое стекло и сверкали на золотом обручальном кольце, которое Мэтт вчера надел ей на палец во время простой гражданской церемонии, совершенной местным судьей в присутствии только двух свидетелей – Джули и Патрика. По сравнению с роскошными, богатыми свадьбами в лучших церквах Чикаго ее собственная оказалась короткой и весьма прозаической, чего, правда, нельзя было сказать о медовом месяце, или, вернее говоря, ночи, проведенной в постели Мэтта. Они опять остались вдвоем в доме, и он не давал ей заснуть до рассвета, снова и снова сжимая в объятиях, пытаясь, как Мередит заподозрила, искупить вину за невозможность увезти жену в традиционное свадебное путешествие.

Мередит непрестанно думала об этом, машинально полируя кольцо о подол летнего платья, позаимствованного у Джули. В постели Мэтт давал, давал и давал и, казалось, не хотел и не просил ничего взамен. Иногда, когда он ласкал ее, Мередит жаждала подарить ему такое же сокрушительное наслаждение, какое получала от него, но без ободрения Мэтта не решалась, боясь показаться слишком назойливой. Ее беспокоило, что он, по-видимому, давал больше, чем получал, но, когда он ложился на нее и глубоко вонзался в податливое тело, Мередит забывала обо всем. Обо всем на свете.

Сегодня утром, пока она еще почти спала, Мэтт поставил поднос с завтраком на тумбочку и уселся на постель. Мередит знала, что до конца жизни не забудет ослепительный блеск белозубой мальчишеской улыбки, когда он нагнулся над ней и прошептал:

– Просыпайся, спящая красавица, и поцелуй лягушку.

Но теперь, глядя на него, она не находила ничего мальчишеского в этой квадратной челюсти и упрямом подбородке... хотя были и другие моменты, когда он смеялся или спал и темные волосы были взъерошены, а выражение лица казалось трогательно-нежным. А ресницы! Только вчера утром она заметила эти густые пушистые ресницы, веерами лежавшие на щеке спящего Мэтта, и едва подавила абсурдный порыв наклониться над ним и подоткнуть одеяло как маленькому.

Мэтт заметил, что она исподтишка изучает его, и пошутил:

– Я что, забыл сегодня утром побриться?

Мередит едва подавила испуганный смехок: настолько его слова не соответствовали ее мыслям.

– По правде говоря, я думала, что ради таких ресниц, как у тебя, любая девушка пойдет на убийство.

– Поосторожнее, – предупредил он, бросив на нее делано-угрюмый взгляд. – В шестом классе я побил парня за то, что он сказал, будто у меня девчоночьи ресницы.

Мередит засмеялась, но, по мере того как они приближались к ее дому и встреча с отцом становилась все неизбежнее, беспечное настроение, которое оба пытались сохранить, менялось на глазах. Через два дня Мэтт улетал в Венесуэлу, так что вместе им осталось быть совсем немного. И хотя Мэтт уступил просьбе Мередит пока ничего не говорить отцу о ее беременности, на самом деле был с самого начала против такого решения.

Мередит тоже это не нравилось. Она терпеть не могла ощущать себя неопытной дурочкой и решила обязательно научиться готовить до того, как придется отправиться в Южную Америку. За последние несколько дней идея стать настоящей женой, иметь мужа и собственный дом становилась с каждым часом все привлекательнее, несмотря на обескураживающие рассказы Мэтта о том, каким, по всей вероятности, убогим может оказаться их жилище.

– Ну вот, приехали, – вздохнула Мередит, когда машина свернула на усыпанную щебнем дорожку. – Дом, милый дом.

– Если отец любит тебя так сильно, как ты считаешь, – со спокойной уверенностью сказал Мэтт, помогая ей выйти из машины, – он сделает все возможное, чтобы примириться с твоим браком, после того, конечно, как немного очнется от потрясения.

Мерedit надеялась, что он прав, потому что в противном случае до отъезда к мужу пришлось бы жить на ферме, а этого ей совсем не хотелось, особенно потому, что Патрик Фаррел явно недолюбливал невестку.

– Ну вот, начинается, – пробормотала она, глубоко вздохнув, когда они поднимались по ступенькам крыльца. Поскольку Мерedit утром позвонила Альберту и попросила предупредить отца, что придет днем, можно было предположить, что он уже ждет.

Она оказалась права. Не успела Мерedit открыть дверь, как отец выскочил из гостиной. Выглядел он так, словно не спал и не ел неделю.

– Где ты была, черт возьми? – загремел он, казалось, готовый вот-вот наброситься на дочь. Не замечая Мэтта, стоявшего в нескольких шагах за ее спиной, он продолжал бушевать: – Ты что, пытаешься окончательно свести меня с ума, Мерedit?

– Успокойся на минуту, и я все объясню, – попросила Мерedit, показывая на Мэтта.

Только сейчас Филип увидел спутника Мерedit:

– Сукин сын!

– Это не то, о чем ты думаешь, – вскрикнула Мерedit. – Мы женаты!

– Что?!

– Женаты, – повторил Мэтт спокойным, неумолимым голосом.

Филип в мгновение ока угадал, почему дочь так поспешно вышла замуж за человека, которого едва знала. Она беременна!

– Иисусе! – взорвался он.

Потрясенное жалкое лицо, тоскливый гнев в голосе ранили Мерedit больше, чем все, что он смог бы сказать и сделать. Она посчитала, что на этом самое худшее кончилось, но оказалось, что это было всего лишь началом. Потрясение и скорбь быстро сменились бешеной яростью. Повернувшись, Филип приказал обоим немедленно идти в кабинет и захлопнул дверь с грохотом, потрясшим стены.

Полностью игнорируя Мерedit, он метался по кабинету, словно разъяренная пантера, и в каждом взгляде, брошенном на Мэтта, сверкала злобная ненависть. Время тянулось бесконечно, пока он кричал на новоявленного зятя, обвиняя его во всех грехах, от насилия до разбойного нападения, и бесился все больше, потому что в ответ на все тирады Мэтт лишь плотнее сжимал губы, бесстрастно, спокойно, так что со стороны казалось, будто он замкнулся в урюмом равнодушии.

Дрожа от нервного возбуждения, умирающая от стыда, Мерedit сидела рядом с мужем на том диване, где они впервые любили друг друга. Она была невыносимо расстроена и измучена и даже не поняла сначала, что отец не столько обозлен ее беременностью, сколько тем, что она имела глупость выйти замуж за жадного охотника за приданым, «амбициозного дегенерата из низших слоев». Наконец, исчерпав слова, Филип бросился в кресло и замер в зловещем молчании, не сводя глаз с Мэтта, постукивая концом ножа для разрезания писем, лежавшего на письменном столе.

Чувствуя, как саднит горло от непрощенных слез, Мерedit поняла, как ошибался Мэтт. Отец никогда не поймет и не примет ее брака. Он просто выкинет ее из жизни, совсем как в свое время мать, и несмотря на все их противоречия и споры в последнее время, Мерedit была совершенно убита. Мэтт оставался почти незнакомцем, а вскоре она лишится и отца, единственного родного человека. Нет смысла пытаться объяснять или защищать Мэтта, потому что каждый раз, когда она прерывала очередную гневную тираду, отец либо не обращал на нее внимания, либо злился еще больше.

Встав, Мерedit с достоинством, на которое только была способна, объявила:

– Я собиралась пожить здесь до отъезда в Южную Америку, но это, очевидно, невозможно. Сейчас поднимусь наверх, захвачу несколько платьев, и мы уедем.

Она повернулась к Мэтту, чтобы попросить его подождать около машины, но отец перебил ее напряженным звенящим голосом:

– Это твой дом, Мередит, и принадлежит тебе. Нам с Фаррелом необходимо поговорить наедине.

Мередит это не понравилось, но Мэтт коротким кивком попросил ее уйти.

Когда за ней закрылась дверь, Мэтт ожидал очередного взрыва, но Бенкрофт, кажется, сумел совладать с собой. Он сидел за столом, сцепив руки, разглядывая Мэтта несколько долгих томительных минут, по-видимому, решая, как лучше втолковать зятю то, что собирался сказать. Бешенство и крики ни к чему не привели, так что теперь Филип, вероятно, попробует добиться своего другими методами. Однако Мэтт не ожидал, что Бенкрофт сумеет найти его единственное уязвимое место – в том, что касалось Мередит: сознание собственной вины. Кроме того, Мэтт не представлял, что Бенкрофт с такой убийственной точностью выберет слова.

– Мои поздравления, Фаррел, – с горечью бросил он, саркастически ухмыляясь. – Соблазнили и наградили ребенком невинную восемнадцатилетнюю девчонку, у которой вся жизнь впереди – она могла бы получить образование в колледже, путешествовать по всему миру и иметь все самое лучшее. – И, пронзив Мэтта пренебрежительным взглядом, добавил: – Знаете ли вы, почему у нас существуют клубы, подобные «Гленмуру»? – Мэтт продолжал молчать, и Филип ответил за него: – Затем, чтобы оградить наши семьи и дочерей от таких втируш-подонков, как вы.

Бенкрофт, казалось, почувствовал, что больно ранил Мэтта, и с инстинктом вампира продолжал высасывать кровь.

– Мередит восемнадцать, а вы украли ее юность – она еще не готова быть женой и матерью. А теперь еще и пожелали тащить ее в какую-то Богом забытую глушь и заставить жить в рабочем поселке, как жалкой оборванке. Я бывал в Венесуэле, хорошо знаком с Бредли Соммерсом и прекрасно знаю, где он собирается производить бурение, что это за места и каково там приходится людям. Придется прорубать мачете тропы в джунглях, чтобы добраться от поселка, считающегося в тех местах оплотом цивилизации, до буровой. После каждого нового дождя дорожки исчезают. Все припасы доставляются вертолетами – ни телефонов, ни кондиционеров, никаких удобств! И в эту влажную адскую дыру вы собираетесь везти мою дочь?

Подписывая контракт, Мэтт уже знал: сто пятьдесят тысяч долларов премии легко не достанутся, компания наверняка выплачивает компенсацию за некоторые лишения, но был уверен, что сумеет сделать для Мередит все необходимое. Несмотря на отвращение к Филипу Бенкрофту, Мэтт понимал, что тот имеет право беспокоиться за дочь. Впервые с той минуты, как Мэтт переступил порог кабинета, он решил заговорить.

– В шестидесяти милях есть большая деревня, – хладнокровно сообщил он.

– Бред! Шестидесят миль – это восемь часов на джипе, если, конечно, тропа, которую вы прорубили, еще не успела зарости. Или намереваетесь заточить мою дочь в деревне на полтора года? А когда собираетесь навещать? Насколько я понимаю, там приняты двенадцатичасовые смены.

– На буровой построены коттеджи, – возразил Мэтт, хотя подозревал, что вопреки уверениям Соммерса они вряд ли пригодны для не привыкшей к трудностям молодой женщины. Кроме того, Бенкрофт был прав: там и сильному мужчине трудно выжить. Оставалось надеяться лишь на то, что Мередит понравится Венесуэла и что она посчитает свое пребывание там чем-то вроде приключения.

– Да, прекрасное будущее вы ей предлагаете, – с уничтожающим презрением фыркнул Бенкрофт. – Хижина на буровой или лачуга в заброшенной деревне, на краю света. – И, проворачивая словесный нож в ране, продолжал: – У вас толстая шкура, Фаррел, должен признать. Вынесли все, что я тут наговорил, не моргнув глазом. Но есть ли у вас совесть? Продали свои мечты моей дочери в обмен на всю ее жизнь. Так вот, у нее тоже были мечты, подонок вы этакый! Мередит хотела поступить в колледж, с детства любила одного человека... сына банкира, кто мог бы подарить ей весь мир. Она не знала, что мне об этом известно. А вам говорила что-нибудь?

Мэтт стиснул зубы, но ничего не ответил.

– Скажите, где она взяла то, что на ней надето? Подумать только, пробыла с вами всего несколько дней и уже выглядит как домохозяйка из рабочего поселка! Так вот, – деловито продолжал он, – это приводит нас к следующему вопросу, который, как я уверен, жизненно важен для вас, – деньги. Вы ни цента не увидите из денег Мередит. Я достаточно ясно выразился? – Он нетерпеливо наклонился вперед: – Вы уже украли у нее юность и мечты, но денег не сможете украсть. По завещанию отца я остаюсь ее попечителем еще на двенадцать лет, и если она к тому времени все еще не разведется с вами, постараюсь вложить каждый цент в вещи, которые она не сможет ни продать, ни обменять в течение еще двадцати пяти лет. – И, не обращая внимания на ледяное молчание Мэтта, продолжал: – Если думаете, что я пожалею дочь, увидев, в какой нужде она живет с вами, и начну сорить деньгами, чтобы хоть немного помочь ей, – ошибаетесь! Вы еще плохо знаете меня, Фаррел, и если считаете себя упрямым, я во много раз упрямее и не остановлюсь ни перед чем, только бы освободить Мередит от вас, даже если ей придется ходить босиком и в лохмотьях. Повторяю, я достаточно ясно выразился? – рявкнул он, снова приходя в бешенство при виде бесстрастного лица Мэтта.

– Абсолютно, – процедил Мэтт. – А теперь позвольте мне напомнить вам кое о чем. У нас будет ребенок. Мередит уже беременна, поэтому почти все сказанное вами практически не имеет значения.

– Она хотела учиться в колледже, – возразил Филипп. – И все знали это. Я отошлю ее отсюда, и она сможет спокойно родить. Кроме того, еще есть время предпринять кое-какие меры...

Глаза Мэтта яростно сверкнули.

– С моим ребенком ничего не должно случиться, – предостерег он тихо, но разъяренно.

– Прекрасно. Если хотите, сможете забрать его.

В хаосе последних дней никто из них не подумал о такой возможности. Правда, в этом не было особой необходимости. И Мэтт с гораздо большей долей убедительности, чем чувствовал на самом деле, ответил:

– Это просто вздор! Мередит хочет остаться со мной.

– Ну конечно, – вскинулся Филипп. – Секс для нее – совершенно новое впечатление. – И, бросив на Мэтта понимающий брезгливый взгляд, добавил: – Но не для вас, верно?

Они словно заправские дуэлянты обменивались вместо ударов словами, причем у Филиппа рапира была острее, а Мэтт лишь оборонялся.

– Когда вы уедете и секс потеряет свою привлекательность, Мередит начнет мыслить более ясно, – с абсолютной убежденностью провозгласил Бенкрофт. – И захочет осуществить свои мечты, не ваши: посещать колледж, встречаться с друзьями... Поэтому прошу, уступите мне, и я готов заплатить любую сумму. Если она похожа на мать, значит, беременность не будет заметна до шести месяцев, и у нее еще будет время передумать. Пожалуйста, уговорите ее, чтобы она держала этот омерзительный брак и беременность в секрете...

Не желая показать Филиппу, что он победил, Мэтт коротко ответил:

– Она уже решила сделать это и пока не сможет приехать ко мне, в Венесуэлу.

И при виде радости, осветившей лицо Бенкрофта, стиснул зубы.

– Прекрасно, если никто не узнает о том, что вы женаты, значит, можно будет спокойно получить развод, без лишних сплетен. Вот что я предлагаю, Фаррел: в обмен на то, что вы освободите Мередит от своего присутствия, я вложу значительную сумму денег в любое сумасбродное предприятие, которое вы намереваетесь затеять, вернувшись из Южной Америки.

Мэтт холодно наблюдал, как Филип достает из стола чековую книжку. Из чистого злораства он остался сидеть на месте и наблюдал, как Бенкрофт выписывает чек – пусть потрудится, прежде чем Мэтт откажется от его подачки. Это не такое уж большое возмездие за все пытки, которым он подверг Мэтта.

Бенкрофт закончил писать, отбросил ручку и устремился к Мэтту. Тот медленно встал.

– Через пять минут после того, как вы выйдете из комнаты, я звоню в банк и приказываю заморозить этот чек, – предостерег Филип. – Как только вы убедите Мередит покончить с этой комедией брака, велю выплатить деньги. Это ваша награда – сто пятьдесят тысяч долларов за то, что не захотите уничтожить жизнь восемнадцатилетней девушки. Возьмите!

Но Мэтт не обратил внимания на протянутую руку.

– Возьмите чек, потому что больше вы не увидите ни цента из моих денег.

– Не нужны мне ваши проклятые деньги!

– Предупреждаю вас, Фаррел, – прошипел он, снова потемнев лицом от ярости, – лучше возьмите чек!

– Суньте его себе в... – с ледяным хладнокровием отозвался Мэтт.

Бенкрофт с поразительной силой выбросил вперед кулак, но Мэтт увернулся от удара, схватил противника за запястье, рванул на себя, развернул и заломил руку за спину.

– Слушайте меня, Бенкрофт, – тихо прорычал он. – Через несколько лет у меня будет достаточно денег, чтобы купить и продать вас, но если попытаетесь вмешиваться в нашу жизнь, я убью вас! Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Отпусти меня, сукин сын!

Мэтт отшвырнул его и пошел к выходу. Бенкрофт в мгновение ока успел оправиться и прийти в себя.

– Обедаем в три часа, – рявкнул он. – Предпочитаю, чтобы вы не расстраивали Мередит рассказами о том, что здесь произошло. Как вы верно указали, она беременна.

Мэтт, уже положив ладонь на дверную ручку, обернулся, словно против воли соглашаясь, но Бенкрофт еще не закончил. Как ни удивительно, он словно растратил ярость и теперь был вынужден неохотно признать, что не может разорвать этот союз и все дальнейшие попытки могут вызвать непоправимое отчуждение между ним и Мередит.

– Я не хочу потерять дочь, Фаррел, – мрачно признался он. – Очевидно, мы с вами не выносим друг друга, но хотя бы ради нее нужно попытаться поладить.

Мэтт изучал рассерженное, замкнутое лицо собеседника, но не мог найти никаких признаков двуличия, и кроме того, предложение Бенкрофта действительно было сделано в интересах Мередит. Поэтому Мэтт коротко кивнул, соглашаясь:

– Нужно попытаться.

Филип Бенкрофт посмотрел ему вслед и, подождав, пока закроется дверь, со злой улыбкой медленно разорвал чек.

– Фаррел, – презрительно бросил он, – сейчас ты совершил две роковые ошибки: отказался от чека и недооценил своего врага.

Лежа рядом с Мэттом, Мередит уставилась в полог над головой, встревоженная переменами, которые почувствовала в муже с тех пор, как он поговорил с ее отцом. Когда она пыталась расспросить о том, что произошло в библиотеке, Мэтт лишь ответил:

– Пытался уговорить меня убраться из твоей жизни.

И поскольку мужчины вели себя друг с другом неизменно вежливо, Мередит предположила, что они заключили перемирие, и весело спросила:

– И как, ему это удалось?

Мэтт отрицательно покачал головой, и Мередит поверила ему, но сегодня ночью он любил ее с мрачной решимостью, что было совершенно на него не похоже. Он словно хотел выжечь на ней клеймо своим телом или... или попрощался...

Она украдкой посмотрела на мужа: тот лежал с широко раскрытыми глазами, стиснув зубы, глубоко задумавшись, но она не могла сказать, сердит ли Мэтт, грустит или просто озабочен. Они знали друг друга всего шесть дней, и сейчас Мередит поняла, как поспешен их брак – ведь она до сих пор не может определить настроения мужа.

– О чем ты думаешь? – резко спросил он.

Удивленная его внезапным желанием поговорить, она честно ответила:

– О том, что мы знаем друг друга всего шесть дней.

Издательская улыбка скривила красиво очерченные губы, словно он ожидал подобного ответа.

– Превосходная причина отказаться от идеи жить вместе, не так ли?

Неловкое чувство мгновенно перешло в безумную панику, и с неожиданной ясностью Мередит поняла причину столь сильного чувства: она влюблена в Мэтта! Безнадёжно влюблена и болезненно уязвима из-за этого.

Надеясь, что выглядит достаточно беззаботно, она перевернулась на живот и приподнялась на руках, не совсем понимая, констатирует ли он факт или пытается угадать ее мысли. Первым порывом было предположить, что он попросту слишком резко выразил собственное мнение, и попытаться спасти свою гордость, согласившись с ним, или отнестись к происходящему с притворным безразличием. Но в таком случае она никогда не узнает наверняка, что творится с Мэттом, и эта неопределенность сводила ее с ума. Кроме того, взрослые люди не делают поспешных выводов, особенно в таком положении, когда на карту поставлено слишком много.

Мередит решила последовать второму порыву и обнаружить, что имел в виду Мэтт. Стратегически избегая его взгляда, она нарисовала пальцем кружок на подушке и, собравшись с мужеством, пробормотала:

– Ты спрашиваешь о моем мнении или высказываешь свое?

– Я спрашивал, именно об этом ты думаешь?

Мередит, ослабев от облегчения, улыбнулась и, покачивая головой, объяснила:

– Нет, я думала, что сегодня мне очень трудно понять тебя, потому что мы так недолго знаем друг друга.

И когда Мэтт ничего не ответил, присмотрелась к нему и заметила, что он по-прежнему мрачен и угрюм.

– Теперь твоя очередь, – объявила она с нервной решительной улыбкой. – О чем думал ты?

Его молчание и без того лишало Мередит присутствия духа, но от его слов она похолодела.

– Я думал, что причина, по которой мы поженились, – твое желание узаконить ребенка и твой страх признаться отцу в беременности. Ребенок родится в законном браке. Твой отец уже все знает. Вместо того чтобы пытаться склеить наш брак, не проще ли принять другое решение, то, о котором мы раньше не подумали? Я могу забрать малыша и вырастить его.

Стремление Мередит вести себя спокойно, как подобает взрослой замужней женщине, мгновенно улетучилось, и она немедленно сделала свои выводы:

– Это избавит тебя от бремени нелюбимой и нежеланной жены, не так ли?

– Я предложил взять ребенка по другой причине.

– Неужели? – презрительно бросила она.

– Клянусь.

Он коснулся ее руки, нежно скользнув ладонью по обнаженной коже. И тут Мередит взорвалась.

– Попробуй только притронуться ко мне! – прошипела она, отдергивая руку. – Конечно, я молода, но все-таки имею право знать, что происходит, и не желаю, чтобы меня использовали всю ночь, словно... словно безмозглую куклу! Если хочешь покончить с этим браком, так и скажи!

Он был почти так же выведен из себя, как и она:

– Черт возьми, не пытаюсь я ни от кого избавиться! Меня мучит совесть, Мередит, как ты не понимаешь?! Совесть – не трусость! Ты забеременела и в панике прибежала ко мне, а я в довершение ко всему уговорил тебя выйти замуж. Как изысканно выразился твой отец, – добавил он с горьким самоуничижением, – я украл твою юность. Похитил твои мечты и заменил их своими.

Вне себя от радости оттого, что Мэтт мучит раскаяние, а не сожаление, Мередит облегченно перевела дыхание и хотела сказать что-то, но он был полон решимости доказать, что поистине виноват во всем и что ее молодость действительно погублена.

– Ты сказала, что не хочешь жить на ферме, пока меня не будет, – продолжал он. – Неужели не понимаешь, что ферма куда лучше того места, куда ты собираешься? Или в каком-то детском заблуждении предполагаешь, что будешь жить в Венесуэле и после возвращения оттуда, как жила до сих пор? Потому что в этом случае тебя ждет неприятное потрясение. Даже если все пойдет так, как я предполагаю, пройдет много лет, прежде чем я смогу дать тебе все, к чему ты привыкла. Черт возьми, да я, возможно, никогда не смогу позволить себе купить подобный дом...

– Подобный дом?! – перебила Мередит, уставясь на мужа в шутливом ужасе, но тут же уткнулась лицом в подушку и залилась смехом.

– Не вижу ничего забавного! – с сердитым недоумением воскликнул Мэтт.

– Зато я вижу! – выпалила Мередит, продолжая хохотать. – Э-это ужасный дом! Холодный и неудобный, и я никогда его не любила.

Когда Мэтт не ответил, Мередит, немного придя в себя, приподнялась, откинула волосы и лукаво взглянула в его непроницаемое лицо.

– Хочешь знать кое-что еще? – заговорщически спросила она, не переставая думать о его признании насчет украденной юности.

Исполненный решимости заставить Мередит понять, какую жертву она приносит, Мэтт подавил настойчивое желание провести ладонью по сверкающей массе золотистых волос, рассыпавшихся по ее спине, но не смог удержать ответную улыбку.

– Что именно? – нежно шепнул он.

Плечи Мередит затряслись от нового приступа веселья.

– Терпеть не могла и свою молодость!

Она надеялась на благосклонный ответ на столь дерзкое заявление и получила его. Мэтт завладел ее губами в безжалостном поцелуе, лишившем ее способности дышать и думать. Пока она пыталась прийти в себя, Мэтт резко сказал:

– Обещай мне одну вещь, Мередит! Если передумаешь возвращаться ко мне, обещай не избавляться от ребенка. Никаких аборт. Я смогу сам его вырастить.

– Не собираюсь я передумывать...

– Обещай, что не избавишься от ребенка.

Поняв, что спорить бессмысленно, Мередит кивнула, глядя в эти недобрые серые глаза.

– Обещаю, – мягко улыбнулась она.

Наградой за это обещание был еще час безумной страсти, но на этот раз ее любил человек, которого она понимала.

Стоя на подъездной аллее, Мередит в третий раз за утро поцеловала на прощание Мэтта. День начался не очень хорошо. За завтраком отец спросил, знает ли кто-нибудь еще о ее замужестве, и это напомнило Мередит о том, что на прошлой неделе, когда в доме Мэтта никто не брал трубку, она позвонила Джонатану Соммерсу и из гордости насочиняла, будто нашла на сиденье машины кредитную карточку Мэтта, после того как подвозила его домой из «Глен-мура», и теперь не знает, куда ее послать.

Джонатан объяснил, что Мэтт еще не успел уехать из Эдмунтона, но теперь, по мнению отца, идея объявить о свадьбе всего через несколько дней после этого звонка казалась поистине смехотворной. Он предложил, чтобы Мередит отправилась в Венесуэлу, и пусть окружающие считают, что они поженились там. Мередит понимала правоту отца, но не умела лгать и злилась на себя за то, что по собственной вине оказалась в подобном положении.

Но теперь отъезд Мэтта висел над головой темной тучей.

– Я позвоню тебе из аэропорта, – пообещал он. – А как только доберусь до Венесуэлы и огляжусь, немедленно сообщу тебе, только не сам. У нас радиосвязь с главной станцией, и там есть телефон. Слышимость наверняка не очень хорошая, и к нему никого не допускают, разве что в случае крайней необходимости. Попробую убедить их, что сообщение о моем благополучном прибытии в Венесуэлу и есть самый непредвиденный случай. Однако второй раз мне такое вряд ли удастся.

– Напиши мне, – попросила она, пытаясь улыбнуться.

– Обязательно. Однако почта тоже работает из рук вон, так что не удивляйся, если месяцами не будет ничего приходить, а потом получишь сразу целую пачку.

Мередит долго стояла на аллее, глядя ему вслед, и наконец медленно побрела домой, стараясь думать лишь о том, что через несколько недель они снова будут вместе. Отец, встретивший ее в холле, с жалостью посмотрел на дочь:

– Фаррел из тех людей, которым постоянно требуются новые женщины, новые места, новые приключения. Не стоит на него рассчитывать, иначе он разобьет тебе сердце.

– Немедленно прекрати, – вскинулась Мередит, твердо намереваясь не дать отцу понять, что его слова попали в цель. – Ты ошибаешься. Вот увидишь.

Мэтт, как и обещал, позвонил из аэропорта, и Мередит следующие два дня старалась найти любое занятие по дому, только бы отвлечься от тяжелых мыслей в ожидании звонка из Венесуэлы. Мэтт позвонил на третий день, но Мередит не оказалось дома – она тряслась от страха в приемной гинеколога, потому что боялась выкидыша.

– Кровянистые выделения во время первых трех месяцев – не такое уж необычное явление, – заверил доктор Арлидж после осмотра. – Они могут ничего не значить. Однако в этот срок чаще всего случаются выкидыши.

Он сказал это так, словно ожидал, что Мередит подпрыгнет от радости. Доктор Арлидж был другом ее отца. Мередит знала его много лет и не сомневалась, что он пришел к такому же выводу, что и отец, – скоропалительный брак из-за беременности невесты.

– Но именно сейчас, – добавил доктор, – нет никаких причин считать, что вам грозит опасность выкидыша.

Когда она спросила его совета относительно поездки в Венесуэлу, доктор слегка нахмурился:

– Не советовал бы вам спешить, пока не убедитесь, что медицинское обслуживание там на достаточно высоком уровне.

Мередит провела почти месяц, отчаянно надеясь на выкидыш, но теперь ощущала невыразимое облегчение, узнав, что не потеряет ребенка Мэтта... их ребенка. И поэтому по дороге домой с ее лица не сходила улыбка.

– Фаррел звонил, – сообщил отец тем пренебрежительным тоном, каким всегда упоминал о Мэтте. – Передал, что сегодня вечером вновь попытается дозвониться.

Мередит не отходила от телефона и поспешно хватала трубку при каждом звонке. Мэтт не преувеличил, когда сказал, что слышимость будет плохая:

– У Коммерса весьма странное представление о том, что такое нормальные условия. Сейчас не может быть и речи о твоём приезде. Люди живут в бараках. Правда, есть и хорошие новости – через несколько месяцев должен освободиться один из коттеджей.

– Прекрасно, – ответила она, пытаясь говорить как можно жизнерадостнее, поскольку не хотела объяснять, почему так поспешно поехала к доктору.

– Кажется, ты не слишком разочарована.

– Ужасно разочарована! – подчеркнула она. – Но доктор сказал, что в первые три месяца чаще всего случаются выкидыши, так что, вероятно, мне лучше всего пока остаться здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.